

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КАЗАНСКИЙ ФИЛИАЛ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСТВА
ТАТАРИИ
ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА**

КАЗАНЬ 1984

Личная библиотека
Раиса Равкатовича
Сулейманова

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КАЗАНСКИЙ ФИЛИАЛ

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСТВА
ТАТАРИИ
ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА

Казань 1984

Сборник "Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода" подготовлен к печати Институтом языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. Х. Алишев, З. И. Гильманов,
Ю. И. Смыков (ответственный редактор)

© ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1984

С.Х.Алишев, С.И.Даишев, Ю.И.Смыков
КРЕСТЬЯНЕ ТАТАРИИ В ДООКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД: НЕКОТОРЫЕ
ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ

За годы развития исторической науки в изучении истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода достигнуты определенные результаты.

Обзоры научной историко-этнографической литературы с постановкой исследовательских проблем и задач по данной теме уже публиковались в различных изданиях. При этом сама Татария в административно-территориальных границах бывшей Казанской губернии рассматривалась главным образом в составе региона Среднего Поволжья, что вполне оправдано. Первый обстоятельный общий обзор появился в 1967 г.¹ Он подводил итоги изучению истории крестьянства региона, в том числе и Татарии, в периоды феодализма и капитализма до середины 1960-х годов. На конец 1970-х годов общие историографические итоги были подведены на второй конференции историков-аграрников Среднего Поволжья, состоявшейся в ноябре 1978 г. в Саранске.² Был опубликован также ряд специальных обзоров литературы по истории крестьян

¹ Каштанов С.М., Литвин А.Л., Смыков Ю.И. Крестьянство Среднего Поволжья в русской и советской исторической литературе. - В кн.: Вопросы историографии и источниковедения. Сб. 2. Уч. зап. Казан. госуд. пед. ин-та, выпуск 50. Казань, 1967, с. 120-180.

² См. Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья. Саранск, 1981, с. 24-40 и др.

региона в периоды капитализма³ и империализма⁴ с обоснованием наиболее актуальных исследовательских задач.

Учитывая проделанную ранее значительную работу в этом направлении, в настоящей краткой вводной статье к данному сборнику будут рассмотрены монографические труды самых последних лет и сформулированы некоторые слабо или совершенно не изученные проблемы и вопросы истории крестьянства Татарии в феодальное и капиталистическое время.

В 1982 г. издательство Казанского университета выпустило в свет монографию И.П.Ермолаева "Среднее Поволжье во второй половине XVI-XVII вв." И хотя в своем главном содержании она посвящена изучению организации, структуры, функций и действий органов местного управления в крае, немало страниц в книге отведено социально-экономическому и правовому положению крестьян Средней Волги, процессу колонизации и хозяйственного освоения этой местности, усилению эксплуатации сельского трудового населения. В монографии дана картина крестьянских восстаний в Среднем Поволжье в 1606-1610 гг., в 1613-1616 гг. и Крестьянской войны под предводительством Степана Разина.

В 1981 г. была опубликована монография Н.А.Халикова "Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья XIX - начала XX в." /М., "Наука"/. Автор, используя разнообразный историко-этнографический материал, последовательно рассматривает ведущие элементы земледельческого производства татарских крестьян: природные и социально-экономические условия развития земледелия, системы земледелия и сельскохозяйственные культуры, орудия обработки почвы, способы уборки, переработки и хранения урожая. В книге справедливо подчеркивается преимущество земледельческих культур татар Среднего Поволжья и Приуралья с традициями булгарского земледелия, выясняются неко-

3 Смыков Ю.И. Советская историография аграрной истории Среднего Поволжья периода капитализма. - В кн.: Советская историография аграрной истории СССР до 1917 г. Кишинев, 1978, с.25-31; Он же. Некоторые проблемы аграрной истории Среднего Поволжья. Докладский период. Ишкар-ола, 1978, с.73-81; Дайшев С.М., Смыков Ю.И. Национальное крестьянство Среднего Поволжья в пореформенный период /проблематика и задачи изучения/. - В кн.: Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма. Чебоксары, 1982.

4 Кабытов П.С. Аграрные отношения периода империализма в Поволжье /обзор литературы/. - В кн.: Историография аграрной истории дореволюционной России. Сб. статей. Калининград, 1982, с.46-54.

торные своеобразие земледелия отдельных локальных и этнографических групп татар, рисуется картина татарского сельскохозяйственного производства конца XIX - начала XX в. и ряд других аспектов.

Монографическое исследование социально-экономической истории крестьян Среднего Поволжья в период капитализма /60-90-е годы XIX в./ завершил Ю.И.Смыков.⁵ В труде проанализированы итоги аграрных преобразований 60-х годов в регионе, которые охватили здесь помещичьих, удельных и государственных крестьян, раскрыты характер и эволюция пореформенного землепользования, изучены крестьянское земледелие и животноводство /системы земледелия, сельскохозяйственная техника, рабочий скот, зерновое производство, продуктивное животноводство/, прослежены основные процессы в развитии крестьянской промышленности, выявлены тенденции и этапы крестьянского движения в 1861-1900 гг. Все это позволило автору высказать вполне обоснованные суждения об уровне и путях аграрного капитализма на Средней Волге, о соотношении незрелых и сравнительно развитых капиталистических форм, удельном весе и роли феодальных пережитков в сельском хозяйстве региона, социальной структуре русской и национальной деревни и др.

В 1982 г. издательство Саратовского университета опубликовало монографию П.С.Кабытова "Аграрные отношения в Поволжье в период империализма /1900-1917 гг./". На большом фактическом материале автор анализирует динамику и состав населения региона в начале XX в., изменения в землевладении, землепользовании, сдвиги в развитии зернового производства и животноводства, рассматривает формы и степень распространения наемного труда и применения сельскохозяйственных орудий и машин, раскрывает классовое расслоение Поволжской деревни, прослеживает влияние столыпинской земельной реформы на эволюцию помещичьих и крестьянских хозяйств. При этом автор совершенно справедливо исходит из того, что капитализм в сельском хозяйстве России стал господствующим способом производства, хотя в аграрном строе сохранились остатки крепостничества. Аграрные отношения в Поволжской деревне периода империализма представляли собой сложное сочетание американского и прусского путей развития капитализ-

5 Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма. 1861-1900 гг. /социально-экономическое исследование/. Докторская диссертация. Казань, 1982.

ма в земледелии.

Таким образом, из приведенного выше краткого обзора наиболее значительной литературы по избранной нами теме видно, что последние годы ознаменовались появлением ряда монографических исследований, внесших определенный вклад в изучение истории крестьянства и аграрных отношений дооктябрьского периода как в Поволжье в целом, так и в Татарии в частности.

Одним из важных результатов этого изучения является создание последовательной научной истории крестьян и крестьянского хозяйства Среднего Поволжья со времен реформы 1861 г. до октября 1917 г., т.е. в хронологических рамках всей эпохи капитализма /труды Ю.И. Смыкова и П.С. Кабытова/. Эта работа выполнена впервые, она является составной частью конкретного осуществления плана написания многотомной истории крестьян Средней Волги с древних времен до наших дней, принятого в ноябре 1976 г. на первой конференции историков-аграрников региона в г. Йошкар-Оле.

Вместе с тем многие важные проблемы и вопросы истории крестьян и крестьянского хозяйства Татарии, аграрных отношений в целом в дооктябрьский период все еще ждут своих исследователей.

Следует признать, что на сегодняшний день наименее изученной оказалась история крестьян Татарии в феодальный период, а точнее от Волжской Булгарии до падения крепостного права в 1861 г. Особенно слабо исследована история сельского хозяйства и крестьянства Казанского ханства. Не раскрыт полностью процесс развития многонациональной деревни края во второй половине XVI-XVII вв. Отсутствуют монографические работы по социально-экономической истории крестьян Татарии XVIII в. и первой половины XIX в. Главное - далеко не оформилась еще целостная научная концепция истории крестьян и крестьянского хозяйства Татарии, как впрочем и всего Среднего Поволжья в период феодализма. И в наше время все еще продолжается процесс сбора фактического материала по этой проблеме, по существу анализируется и рассматриваются лишь отдельные /хотя сами по себе важные/ вопросы темы.

Кроме поднятых и освещенных в научной литературе вопросов по истории крестьянства Татарии периода феодализма, необходимо обратить внимание исследователей на такие малоизученные проблемы, как результативность сельского хозяйства Татарии в это время /урожайность зерновых культур на крестьянских и помещичьих землях, продуктивность животноводства и прежде всего крестьянского, доходность

мелкой деревенской промышленности, товарность сельскохозяйственно-го производства в целом и т.п./, процесс социального расслоения крестьян /его этапы, формы проявления, глубина, темпы, значение и т.п./, социально-классовое содержание внутренней и прежде всего аграрной политики самодержавия и ее влияние на исторические судьбы крестьянства края, содержание и сфера распространения национального угнетения нерусских народов и ряд других аспектов.

Требует углубленного специального исследования и ряд важных проблем истории крестьян и крестьянского хозяйства Татарии эпохи капитализма /1861-1917 гг./ Одна из них - крестьянское сословное управление, созданное в ходе реализации буржуазных реформ 60-х годов XIX в. и действовавшее на всем протяжении капиталистического времени в России. Действительно, продолжительная концентрация внимания аграрников региона главным образом на исследования социально-экономической истории крестьянства отодвинула в тень изучение вопросов их общественной жизни, крестьянского сословного управления, что составляло одну из коренных сфер существования и развития пореформенной деревни. Речь идет в первую очередь о необходимости характеристики социально-классового состава органов крестьянского сословного управления, их функций, стиля и методов практической деятельности, а также отдельных звеньев этого аппарата /десятских, сотских, сельских старост, сельского схода, волостного писаря и старшин, волостного суда и волостного схода/. В итоге все это подводит к более широкой проблеме: "крестьянство и администрация самодержавия на местах", которая в определенной степени и на материалах Казанской губернии рассматривается в настоящем сборнике.

Сложной и слабо исследованной проблемой является уровень и тип буржуазной эволюции русского и национального крестьянства /татарского, чувашского, марийского и мордовского/ в период империализма. Актуальной остается проблема крестьянского движения в начале XX в., а точнее в 1901 - 1917 гг. При этом важно продолжить изучение классовой борьбы в деревне на основании уже апробированной единой методики подсчета крестьянских выступлений в пореформенный период.⁶

Многое предстоит сделать в исследовании помещичьего хозяйства, его социально-экономического строя, путей буржуазной эволюции, влияния

6 Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю. 60-90-е годы XIX века. Казань, 1973.

на характер аграрных отношений в районе и прежде всего на развитие крестьянских хозяйств, сельскохозяйственного производства в целом. По существу вопросы эти только начинают ставиться и освещаться в региональной историографии.

Слабо исследована деятельность земских учреждений в Татарии, несмотря на обилие и доступность архивного и опубликованного материала. Как известно, земские учреждения работали почти исключительно в сельской местности и уже в силу этого изучение их деятельности в самом широком плане может дать важный материал о социально-экономическом положении крестьянства. По-прежнему остро стоит вопрос о дальнейшем совершенствовании методики исследований аграрной истории эпохи феодализма и капитализма, в частности о применении в исторических работах математических методов.

Таковы лишь некоторые проблемы истории крестьян Татарии в феодальную и капиталистическую эпохи, изучение которых намного расширит наше представление о роли широких народных масс в прогрессивно-поступательном движении общества, в закономерном процессе смены одной общественно-экономической формации другой. Этой задаче служит и настоящий сборник научных статей, посвященных ряду актуальных вопросов истории крестьян Татарии в дооктябрьский период.

И.П.Ермолаев, Е.В.Липаков

КРЕСТЬЯНЕ ДВОРЦОВЫХ СЕЛ КАЗАНСКОГО УЕЗДА В КОНЦЕ XVI - ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII ВЕКА

(По материалам дозорных и переписных книг)

За период последних лет XVI в. и первой четверти XVII в. сохранилось несколько писцовых книг (собственно - дозорных и переписных книг, термин "писцовые" мы употребляем как наиболее общий) дворцовых сел Казанского уезда: книги 1599, 1617, 1621 годов. Состав дворцовых земель в это время менялся мало, поэтому в разных по времени книгах оказались описанными, в основном, одни и те же поселения, что позволяет проследить определенные тенденции в развитии хозяйства и положении крестьянства.

На дворцовых землях располагались почти исключительно русские поселения.¹ Собственно, национальный состав населения и был, по-

¹ Правда, в книгах 1617 и 1621 гг. описаны два небольших "мордовских" селения, встречаются и отдельные нерусские дворы.

видимому, тем критерием, по которому земли включались в дворцовый фонд. Поэтому, естественно, привлекаемые писцовые книги представляют собой источник по истории прежде всего русского крестьянства Казанского края.

Обратим внимание на даты описаний. Они весьма характерны: 1599 г. - канун "смутного" времени, 1617 г. - время его завершения, 1621 г. - один из первых годов "затишья", возвращения страны к нормальному экономическому и политическому развитию. Очевидно сравнительный анализ данных, содержащихся в книгах, поможет проследить, как отразились бурные события начала XVII в. на русском населении Среднего Поволжья, как происходил процесс восстановления системы управления, каковы были характерные элементы феодальной эксплуатации населения дворцовых сел и т.д.

Дозорные книги конца XVI - первой четверти XVII в. мало использовались исследователями. Единственным историком, основательно изучившим и проанализировавшим практически все рассматриваемые книги, был Г.И.Перетяткович.² Кроме того, небольшой отрывок из книги Осипа Зюзина (1621 г.), представляющий собой описание села Тресвяцкого (Елабуги), был опубликован И.Шипкиным.³ В советской исторической литературе эти источники практически не использовались, если не считать, так сказать, опосредованных ссылок Е.П.Бусыгина, который использовал материал книги Перетятковича,⁴ и недавней монографии И.П.Ермолаева.⁵

К исследованию нами привлечены книги, сохранившиеся в составе фонда Поместного приказа Центрального государственного архива древних актов (ф.1209). Книги, в которых описаны дворцовые поселения Казанского уезда, условно можно разбить на три группы.

Первая группа. Она состоит из одного документа: дозорной книги дворцовых сел Казанского уезда 1599 г., письма, дозора и межевания Никиты Обухова.⁶ В этой книге описано 27 населенных пунктов.

² Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века: (Очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882.

³ Шипкин И. История города Елабуги. М., 1871, с.48-49. Во втором издании труда (Казань, 1901) этой публикации нет.

⁴ Бусыгин Е.П. К вопросу формирования русского населения Татарской АССР. - Учен. зап. Казан. ун-та, 1955, т.115, с.127-146; он же. Русское сельское население Среднего Поволжья. - Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX-начало XX вв.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1966.

⁵ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI-XVII вв.: (Управление Казанским краем). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982.

⁶ Центральный государственный архив древних актов (в дальнейшем: ЦГАДА), ф.1209, кн.153, л.435-509.

Из всех использованных нами книг эта наиболее подробная. Н.Обухов переписывает все дворы и положенные на них повинности - выти и оброк. Он подводит общие итоги по каждому поселению, широко использует свое право "дозировать" - меняет количество вытей и налог с бобылей. В руках у Обухова были писцовые книги Н.В.Борисова и Д.А.Кикина 1565-1568 гг., он неоднократно на них ссылается. Кроме дворов крестьян и бобылей, описываются дворы приказчиков и священников, а также крестьянские угодья: мельницы и др. В достоверности данных книги, видимо, можно не сомневаться.

Вместе с тем следует учитывать, что Обухова интересовали только дворы, но не их жители. Он, как правило, указывает лишь по одному имени на двор, хотя нет никакого сомнения в том, что не во всех дворах жила только одна семья. Кого-либо еще во дворах Обухов упоминает лишь в связи с резолцией "а впредь ставити дворы розно". Это несколько снижает ценность источника. Ведь известно, что средняя населенность двора менялась, в частности была различной в больших и малых поселениях.

Книга Никиты Обухова дошла до нас в копии, которую можно датировать серединой 40-х годов XVII в. Провести датировку помогает имеющаяся на полях книги скрепа: "Дьяк Михайла Ключарев". Известно, что М.Ключарев был дьяком в Казани в 1643-1647 гг.⁷ Можно предположить, что копия составлялась в связи с подготовкой к переписи 1646 г. Копия составлена неплохо, путаницы в тексте или пропусков нет. Что же касается ее сохранности, то первый лист почти не прочитывается, на многих других листах попорчена часть текста. Но в целом невосстановливаемых потерь практически нет.

Вторая группа. Это группа переписных книг 1617 года. Сюда относятся следующие книги: а/ "Переписная книга села Федоровского";⁸ б/ "Книги переписные Анатыйские волости и Рыбные слободы";⁹ в/ "Книги переписные села Воскресенского и Сабуголей";¹⁰ г/ "Книга государева дворцового села Тресвяцкого";¹¹ д/ "Книги Борисоглебского села с деревнями";¹² е/ "Переписная книга прикащика Григория Пы-

⁷ См.: Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М.: Наука, 1975, с.243; Ермолаев И.П. Казанский край во второй половине XVI-XVII вв.: (Хронологический перечень документов). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980, с.99-107, № 639-707.

⁸ ПГАДА, ф.1209, кн.153, л.1-15 об.

⁹ Там же, л.53-78.

¹⁰ Там же, л.79-91.

¹¹ Там же, л.92-103.

¹² Там же, л.104-108 об.

хочева".¹³

Все это подлинники, об этом говорят скрепы приказчиков или других лиц того времени: Михаила Байкашина, Григория Пыхочева, Меньшова Лопатина, Бориса Кузьминского. Показательно, что ни один из писавших не называет себя дьяком или подьячим. Книги явно написаны не профессиональными писцами, на это указывает почерк и расположение текста на листе. Кроме того, профессиональные писцы никогда бы не упустили такого обязательного атрибута писцовых книг, как подведение общих итогов по поселениям. В переписных книгах 1617 г. они либо вообще отсутствуют, либо вписаны другим, более мелким почерком, видимо, уже в Казанской приказной палате.

Книги, несомненно, имеют общее происхождение. В книгах "в" и "г" упоминается наказ казанских воевод князей В.Т.Долгорукого и С.Н.Гагарина, дьяков А.Подлесова и А.Истомина. Производство переписи осуществлялось явно не по указу из Москвы. Хотя в книгах и упоминается "государев царев указ"¹⁴, но эти указы относятся, как видно из текста, к назначению Михаила Байкашина и Бориса Кузьминского приказчиками дворцовых сел, а не к производству переписи.

Содержание переписных книг 1617 г. охватывает очень узкий круг вопросов: по сути дела лишь перечисляются крестьянские и бобыльские дворы и положенные на них повинности. Большая часть книг (кроме "в" и "г") не имеют никакой вводной части. Очевидно, что книги были составлены для Казанской приказной палаты. Возможно, что учет населения русских дворцовых поселений был связан с восстановлением низшего звена управления дворцовым хозяйством, нарушенного в "смутное" время.

Книги дошли до нас в хорошем состоянии. Несмотря на узость данных, они представляют собой ценнейший источник по истории русского населения Казанского края, так как в них подсчитывается и характеризуется население дворцовых сел непосредственно после Крестьянской войны начала XVII в., когда последствия "смутного" времени были особенно наглядны.

Третья группа. В составе дозорных книг 1621 г. дворцовые села Казанского уезда описаны в двух книгах: книге "письма и дозора" Осипа Звизина и подьячего Терентия Матвеева¹⁵ и книге "письма и

¹³ ПГАДА, ф.1209, кн.153, л.116-119.

¹⁴ Там же, л.54, 80.

¹⁵ Там же, л.615-687.

дозора" Константина Шушерина и подъячего Григория Амирева.¹⁶

Каждая из книг имеет свои особенности, но кое-что их связывает. Книги составлены в рамках тотального дозора, который производился для выяснения последствий "смутного" времени. Временные рамки производства дозора, по мнению исследователей, охватывают 1619-1620 гг.¹⁷ Как видим, дозор в Казанском уезде несколько запоздал. Это явно связано с тем, что Казанский край сравнительно мало пострадал в период социального и политического кризиса в России в начале XVII в.

Хотя дозорщики и не ссылаются на предшествующие их дозору книги, по некоторым данным можно установить, что на руках у них были переписные книги 1617 г. Так в числе пустых дворов при описании поселений, переписывавшихся в 1617 г., указываются лишь дворы, запустевшие уже после этого года; в описаниях же других поселений указываются и дворы, запустевшие ранее 1617 г. Были ли у дозорщиков другие книги, в частности книги Обухова, сказать трудно.

Заслуживает большого внимания тот факт, что дозорщики были направлены не из центрального приказа, как обычно, а из Казани и действовали по наказу казанских воевод. Все дозорщики - казанцы. Осип Зюзин был активным участником событий "смутного" времени в Казанском крае,¹⁸ а в 1624/25 г. был "послан из Казани на Самару города делать"¹⁹; Константин Шушерин в 1621/22 г. был воеводой в Саратове, а в 1628/29-1633/34 гг. - в Арске, причем направлен он был туда также из Казани.²⁰ Подъячие Григорий Амирев и Терентий Матвеев в 1627 г. и ранее служили в Казанской приказной палате.²¹

¹⁶ ЦГАДА, ф.1209, кн.153, л.510-614; ф.6441, л.1-109.

¹⁷ См.: Веселовский С.Б. Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и пососного обложения Московского государства. М., 1916, т.2, с.196 и далее; Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М.: Соцэкгиз, 1937, с.6.

¹⁸ См. Загоскин Н.П. Казанский край в смутное время: (Исторические очерки). Казань, 1891, с.121; Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI - XVII вв.... с.82.

¹⁹ Дворцовые разряды. Спб., 1850, т.1, стлб. 627.

²⁰ Книги разрядные. Спб., 1853, т.1, стлб. 871-873; Спб., 1855, т.2, стлб.193, 290, 356, 687, 745.

²¹ См.: Барсуков А.П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления в Московском государстве XVII столетия. Спб., 1902, с.8; Порфирьев С.И. Несколько данных о приказном управлении в Казани в 1627 году. - Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, 1911, т.27, вып.6, с.78.

Дозорщики под руководством Осипа Зюзина "дозирали" дворцовые поселения, расположенные по течению реки Камы. По книге нетрудно проследить их путь: они спускались вниз по Каме от Осы до Рыбной слободы. Объектом дозора Константина Шушерина стали окрестности Казани - главный район массовой русской колонизации, а также поселения, находящиеся вне двух основных районов размещения русского населения (Приказанского и Прикамского) - на Вятке и в районе Тетюшей. Таким образом, книги Осипа Зюзина и Константина Шушерина взаимно дополняют друг друга и, видимо, написаны по одному воеводскому наказу.

Перечень сведений, занесенных в книгу, стандартен для писцовых книг того времени: это крестьянские и бобыльские дворы и положенные на них повинности (выти и оброк), пашня, сено, лес и другие угодья (рыбные ловли, мельницы и т.д.), пустые дворы. В отличие от книги Обухова и Зюзина нет описаний ни церквей, ни укреплений, не указываются также дворы церковнослужителей и приказчиков. В книге Шушерина церкви указываются, но вместо подробных описаний, что является характерным для книги Обухова, повторяется лишь стандартная фраза: "а в церкви образы и книги и свечи и колокола".²² Возможно, введение дозорщиками 1621 г. таких кратких описаний объясняется тем, что у них на руках была книга Обухова, но этот факт нельзя считать доказанным.

Практически обычно все писцы привлекали к работе по составлению книг представителей местного населения. Но среди рассматриваемых книг только в книге Шушерина указываются имена тех священников и крестьян, которые "были на дозоре с Костиантином Шушериним".

При перечислении дворов отмечаются не только дворохозяева, но нередко и еще несколько человек - сыновья, зятья и т.д. В книге Зюзина чаще, чем в других книгах, указываются не только имена и отчества, но и прозвища крестьян, что представляет большой интерес.

Книга Зюзина дошла до нас в копии 40-х годов XVII в., на это указывает уже известная нам скрепа дьяка Михаила Ключарева. Сохранность копии хорошая, но текст ее обрывается на описании деревни Ошняк. Судя по тому, что все села, указанные во вступительной части книги, описаны, утеряно не более одного-двух листов. Книга Шушерина сохранилась в двух копиях. Первая копия²³, так же как и копия с книги Зюзина, составлена в 40-е годы XVII в. (датируется по скрепе

²² См. ЦГАДА, ф.1209, кн.6441, л.3, 19 об. и др.

²³ Там же, кн.153, л.510-614.

Михаила Ключарева). Эта копия сохранилась очень плохо: многие листы не читаются, нет начальных и конечных листов. Вторая копия²⁴ была снята в конце 50-х годов XVII в. Дата устанавливается по скрепе дьяка Ивана Татаринова, который был в Казани в 1658-1659 гг., а также в 1664-1665 гг., умер в мае 1665 г.²⁵, и подьячего Саввы Тутчева, который упоминается в Казани в 1658-1659 гг.²⁶ Копия сохранилась неплохо, но углы некоторых листов отсырели и текст утрачен, листы перепутаны.

Таков круг источников данной статьи и их внешняя характеристика. Перейдем теперь к рассмотрению их содержания и обобщению тех фактов, которые они содержат.

Анализ материала писцовых книг позволяет, прежде всего, внести некоторую ясность в вопрос о "смутном" времени в Казанском крае. До последнего времени единственной обобщающей работой на эту тему была монография Н.П.Загоскина "Казанский край в смутное время", вышедшая в 1891 г. Загоскин ограничился изучением уже опубликованных документов и обнаружил явно недостаточное знакомство с материалом — не только с архивными документами, но даже с богатой фактическими данными книгой Г.И.Перетятковича "Поволжье в XVII и начале XVIII века", опубликованной в 1882 г.

Трактовка Загоскиным "смутного" времени в Казанском крае такова. К началу его Казанский край фактически не был освоен: "колониционная деятельность коснулась лишь городов и непосредственно прилегающих к ним земель", русское население представляли "царские воеводы, приказные и начальные люди и помещенные в ближайшие к городу волостях дворяне и дети боярские", а также "кучка русских посадских людей".²⁷ Общероссийская "смута", по мнению Загоскина, выразилась в Казанском крае, как и в соседних с ним областях, в основном, в "инородческих" мятежах, события всероссийского значения — Крестьянская война, политическая борьба династического характера, социальные противоречия, борьба с польской и шведской интервенцией — прошли, якобы, мимо Казани, и их влияние ограничилось походом Илейки Муромца, небольшими грабежами "воровских казаков" и "интригами" в самой Казани.

В написанной несколькими годами раньше книге "Поволжье в XVII и начале XVIII века" Г.И.Перетяткович, основываясь, прежде всего,

²⁴ См. ПГАДА, ф.1209, кн.6441, л.1-109

²⁵ См.: Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие..., с.507; Ермолаев И.П. Казанский край..., с.120-121, 126-127, №795, 801, 838, 841.

²⁶ См.: Ермолаев И.П. Казанский край..., с.120-121, №795, 799.

²⁷ Загоскин Н.П. Казанский край..., с.76, 78 и др.

именно на изучении рассматриваемых нами писцовых книг, отмечал, что русское население Казанского края в начале XVII в. было уже значительным, в "смутное" время продолжалась колонизация. С наступлением "эпохи смут" в Среднем Поволжье исчезла безопасность личности и собственности, начались убийства и разорения".²⁸

Д.А.Корсаков в отличие от Перетятковича считал, что "смутное" время задержало колонизационное движение в Казанский край. Этот тезис, высказанный в 1877 г., он повторил и в 1889 г.²⁹ Ю.В.Готье, напротив, отмечал, что именно в "смутное" время поток переселенцев в новые районы — в Поволжье и на юг был особенно интенсивным. Одновременно Готье утверждал, что Поволжье в "смутное" время было районом относительно спокойным.³⁰

Определенное общее освещение эти вопросы получили в обобщающих трудах по истории автономных республик Поволжья,³¹ но специального изучения их в советской науке до недавнего времени не было. Е.П.Бусыгин в своих работах, посвященных истории формирования русского населения в Среднем Поволжье, практически не останавливается на периоде "смутного" времени, хотя и предыдущий, и последующий периоды рассматривает достаточно обстоятельно.

Итак, существуют три основных вопроса, касающихся русского населения Казанского края в "смутное" время: 1/ достаточно ли был освоен русскими Казанский край, чтобы можно было говорить о русском сельском населении; 2/ продолжался ли процесс заселения края в "смутное" время; 3/ насколько разорительным было "смутное" время для населения Казанского края.

В книге 1599 г. описано 27 поселений, в которых находилось 568 дворов. Приняв среднюю заселенность двора в 2,5 души мужского пола (а именно около этой цифры колеблется средняя населенность двора в центральных и северо-западных районах России³²), легко подсчитать,

²⁸ Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века, с.96.

²⁹ См.: Корсаков Д.А. Каких городов служилые люди были помещиками и вотчинниками в Казанском крае в XVI-XVII веках. — В кн.: Труды IV Археологического съезда. Казань, 1879, т.1, с.171; он же. Об историческом значении движения русского племени на восток. Казань, 1899, с.29.

³⁰ См.: Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке. М., 1906, с.246; во 2-м издании (М., 1937) — с.148 и след.

³¹ История Татарской АССР. Казань: Татаргиздат, 1955, т.1, с.159-165; Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары, 1958, вып.1, с.142-149; Очерки истории Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1965, с.110-114; История Татарской АССР. Казань, 1968, с.110-112; История Чувашской АССР. Чебоксары, 1966, т.1, с.69-72.

³² См.: Водарский Я.Е. Население России в конце XVII — первой четверти XVIII вв. М.: Наука, 1977, с.47-48. Подробнее см.: он же. К вопросу о средней численности крестьянской семьи и населенности

что в дворцовых селах Казанского уезда проживало около трех тысяч человек (обоих полов).³³ Но дворцовое ведомство было лишь одним из крупных феодальных владельцев, кроме него, землями владели казанская епархия, монастыри, дворяне и дети боярские. Если мы обратимся к мемам, которые описываются в книге 1599 г., то увидим, что дворцовые земли часто граничили с землями, заселенными русскими крестьянами. Таким образом, представление Загоскина о "кучке" русских людей в Казанском крае в период междоусобицы не имеет под собой оснований. Между тем через призму этого представления Загоскин рассматривал всю историю Казанского края в этот период. Неверно и то, что освоены были только город и ближайшие земли. Некоторые поселения находились на берегах Камы, далеко от Казани. Некоторые другие поселения также были расположены достаточно далеко от города.

Уже беглый сравнительный анализ данных книг 1599 и 1617 гг. приводит к выводу о том, что интенсивный процесс заселения русскими Казанского края продолжался и в "смутное" время. Подсчеты по 17 поселениям дают прирост в 72% (см. табл. I). Кроме того, два поселе-

Таблица I

Изменения в количестве дворов в дворцовых поселениях
(в сопоставимых поселениях)

Годы	Приказанский район (10 поселений)	Прикамский район (6 поселений)	Тетюшский район (1 поселение)	Всего
1599	107 (100%)	147 (100%)	25 (100%)	279 (100%)
1617	160 (149,5%)	197 (134%)	123 (492%)	480 (172%)

ния (починки Горбунов и Тинчурин), описанные в книгах 1617 г., по нашим предположениям, образовались уже после 1599 г., то-есть в "смутное" время. В этих поселениях в 1617 г. было 27 дворов. Рассматриваемые цифры, казалось бы, невелики. Но если учесть, что наша статистика охватывает лишь небольшую часть поселений, то нужно признать, что они весьма показательны. Следует отметить, что во всех поселениях число дворов выросло более или менее равномерно, ни од-

двора в России в XVI-XVII вв. - В кн.: Вопросы истории хозяйства и населения России в XVII в. М., 1974, с. 117-130.
³³ При этом надо учитывать, что в книге 1599 г. назывались, как правило, лишь дворовладельцы. Судя же по книгам 1621 г., населенность двора в Казанском крае была значительно выше.

но поселение не опустело и ни в одном поселении число дворов не уменьшилось.

Прирост населения более чем на 70 % за какие-нибудь 18 лет не мог быть вызван только естественными причинами. Таким образом, можно уверенно утверждать, что колонизация края в "смутное" время не прекратилась. Продолжалась она и в последующие годы. За четырехлетний период 1617-1621 гг. население в сопоставимых дворцовых селах Казанского уезда выросло еще на 8,6% (см. табл. 2).

Таблица 2

Изменения в количестве дворов в дворцовых поселениях
(в сопоставимых поселениях)

Годы	Приказанский район (13 поселений)	Прикамский район (11 поселений)	Тетюшский район (2 поселения)	Всего
1617	211 (100%)	304 (100%)	160 (100%)	675 (100%)
1621	274 (129,9%)	266 (87,5%)	193 (120,6%)	733 (108,6%)

Обращают на себя внимание и районы миграции населения. В период социального и политического кризиса начала XVII в. в основном заселяются южные области Казанского края (Тетюшский район), которые до этого были еще слабо заселены. Довольно интенсивно продолжает прибывать население и в Казанском районе. Приблизительно такая же картина сохраняется и в последующие годы.

При изучении книг 1617 и 1621 гг. встречаются описания дворов, запустевших "в татарскую шатость", то-есть в период наиболее бурного развития Крестьянской войны в Среднем Поволжье. Тезис о хозяйственном разорении части дворов "в татарскую шатость" был подхвачен и развит дворянско-буржуазными историками. Они усиленно подчеркивали национальный характер движений в Среднем Поволжье в начале XVII в., утверждали, что эти движения были направлены против русских вообще и привели к массовым "убийствам, грабежам и разорениям". Однако анализ материала писцовых книг позволяет не согласиться с этим тезисом. В дворцовых селах можно насчитать всего 38 дворов, запустевших от "татарской шатости", как называли широкое народное движение в крае переписчики (из 38 дворов 22 двора находилось в районе Приказанья, 16 дворов - Прикамья). Причем, большая часть крестьян "бежала", не более восьми дворовладельцев числятся "побитыми". Если учесть, что

в тех поселениях, где находились эти дворы, общее число дворов превышало 300 (по данным 1599 г.), то мы приходим к выводу, что говорить о "массовых" "грабежах, убийствах и разорениях" не приходится. Показательно, что в селе Федоровском, находящемся на Волге, на пути Илейки Муромца, пустых дворов не показано вовсе, напротив, число дворов в этом селе с 1599 по 1617 г. возросло с 57 до 123. По словам же Загоскина, казаки Илейки Муромца грабили все на своем пути.³⁴

Таким образом, материал источников показывает, что в экономическом отношении период "смутного" времени в Казанском крае не только не был связан с хозяйственным разорением, но, наоборот, в этот период отмечается подъем хозяйственного освоения края.

Изучая описания поселений Прикамского района 1621 г., можно прийти к выводу о том, что "грабежи и разорения" населения были связаны отнюдь не с мнимыми национальными противоречиями между трудящимися массами, а с формами эксплуатации этих масс со стороны феодалов. В описаниях поселений Прикамского района 1621 г. отмечается огромное число дворов, запустевших уже после 1617 г., т.е. тогда, когда Крестьянская война закончилась. По нашим подсчетам, таких дворов было 105 (во время Крестьянской войны в этих же поселениях запустело лишь около 20 дворов). Общее число дворов в поселениях Прикамского района за это время сократилось на 12,5% (табл.2).

Каковы же причины запустения? Дозорщики дают на этот вопрос недвусмысленный ответ: крестьяне бежали "от государевых податей, что правили на них стрелецкие запасы". Такая формулировка с вариациями повторяется в книгах Зюзина и Шущерина 7 раз.³⁵ "Татарская шатость" по отношению ко времени после 1617 г. не упоминается ни разу. Показательно, как отнесся к этим фактам Г.И.Перетяткович. Лишь мельком он отмечает, что, дескать, содержание стрелецкого войска было тяжело для крестьян и что упоминаются крестьяне, бежавшие "от татарские шатости и от стрелецких запасов".³⁶ Не говоря уже об искажении факта, искажена и цитата: нигде в книгах не упоминаются одновременно "татарская шатость" и "стрелецкие запасы". Очевидно, что такая позиция не могла не быть вызвана идейными соображениями.

Писцовые книги, к сожалению, не дают достаточных данных для того, чтобы определить характер собираемых в это время "стрелецких запасов". Скорее всего, это один из видов чрезвычайного налога, ко-

34 См.: Загоскин Н.П. Казанский край.... с.72-73.
35 ЦГАДА, ф.1209, кн.153, л.668, 673, 676 об., 679, 682, 685 об. кн. 6441, л.85.
36 Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века, с.100.

торые столь активно собирались правительством в середине второго и начале третьего десятилетий XVII в.

Важным вопросом, материал для размышления по которому дают рассматриваемые писцовые книги, является величина сельских поселений в Среднем Поволжье. А.А.Дегтярев приводит данные о расселении сельского населения центральных и северо-западных районов России.³⁷ Сравнив его данные с материалами по Казанскому уезду, получаем очень интересные результаты: размеры сельских поселений в Казанском уезде по сравнению с другими районами центральной России оказываются очень большими. В 1599 г. среднее число дворов на одно поселение в дворцовых селах Казанского уезда составляло 19,7, в 1617 г. - 32, в 1621 г. - 33.³⁸ Для сравнения можно отметить, что в 20-е годы XVII в. среднее число дворов в сельских поселениях центральной части России составляло не более 9,9.³⁹ Показательно, что за первые двадцать лет XVII в. средние размеры поселений в Казанском уезде значительно возросли. Это говорит, по-видимому, не только о традиционных принципах компактного расселения в Среднем Поволжье,⁴⁰ но и об отсутствии массового экономического разорения края в конце XVI - начале XVII в., а также о большом миграционном притоке населения центральных районов России в Поволжье в период "смутного" времени. Быстрый рост поселений нельзя не заметить. Так село Борисоглебское, возникшее в 1599 г. как поселение с тремя крестьянскими дворами, к 1621 г. насчитывало уже 25 дворов.⁴¹

Интересный материал дают прозвища крестьян и бобылей. На прозвища крестьян, носящие географический характер и тем самым указывающие на места выселения этих крестьян, обратил внимание еще Г.И.Перетяткович. Однако его ссылки имели характер отдельных иллюстраций, а не всестороннего исследования. Так он пишет, что особенно много переселенцев в XVI-XVII вв. приходило в Среднее Поволжье с Верхней Волги и указывает несколько кличек, не называя даже числа их носи-

37 См.: Дегтярев А.А. Русская деревня в XV-XVII вв.: Очерки истории сельского расселения. Л.: Изд-во Ленингр.ун-та, 1980.

38 Подсчеты сделаны нами по рассматриваемым дозорным и переписным книгам.

39 В Вятской земле - 2,3, Ярославском уезде - 3,4, Центральном Поморье - 3,8, Тверском уезде - 4,1, Тульском уезде - 7,7, Московском уезде - 9,9. Подсчеты сделаны по кн.: Дегтярев А.А. Русская деревня в XVI-XVII вв. Л., 1980.

40 Этот принцип был, видимо, характерным еще для Казанского ханства, во всяком случае размеры татарских деревень в начале XVII в. как будто бы подтверждают это - среднее число дворов татарских сельских поселений в Казанском уезде в 1602/03 г. составляло 12,1 (подсчеты по кн.: Писцовая книга Казанского уезда 1602-1603 годов: Публикация текста / Сост. Р.Н. Степанов; Под ред. И.П. Ермолаева и М.А. Усманова. Казань: изд-во Казан. ун-та, 1978).

41 ЦГАДА, ф.1209, кн.153, л.465-466; кн.6441, л.44-46 об.

телей.⁴²

Мы попытались обобщить этот материал. Оказалось, что тезис Перетятковича подтверждается не полностью. Верхневолжье вместе с Владимиром-Рязанским краем (Волго-Окское междуречье) дало в начале XVIII в. столько же прозвищ (22), сколько дал Северо-восток Европейской части (22) и Север вместе с Северо-западом (22). Таким образом, Верхнее Поволжье явилось в этот период лишь одним из основных районов выхода переселенцев, приток которых шел равномерно из всех северных и центральных районов России.

Особо следует остановиться на прозвищах, носящих этнический характер. Среди них наиболее распространенной формой была "новокрещен" (очевидно, татарин или представитель другого нерусского народа Поволжья, принявшего христианство). Это говорит, по-видимому, о том, что часть новокрещен принималась и в русские общины. И не только новокрещен. Судя по именам, в селе Бетки в 1599 г. восемь дворов из 44 были населены татарами. Среди дворцовых крестьян встречаются прозвища, свидетельствующие и о принадлежности к другим народам Поволжья - например, "мордвин".

В книгах есть и другой ономастический материал. Это прозвища, касающиеся ремесленных занятий их носителей. Ремесла были широко распространены в русской деревне Казанского края. Набор ремесленных специальностей говорит о том, что сельские ремесленники обеспечивали удовлетворение самых насущных потребностей. Наибольшее число ремесленников занимались: обработкой сельскохозяйственной продукции (прозвища: "овчинник", "пивовар", "полстовал"⁴³, "скорняк", "шерстобит" - всего 12 носителей), производством одежды и обуви ("сапожник", "портной мастер", "япанешник" - всего 22 носителя), производством транспортных средств ("дегтярь"⁴⁴, "колесник", "санник", "седельник" - всего 8 носителей), производством посуды и тары ("бочкарь", "гончар", "коробейник", "рогозинник", "котельник" - 10 носителей), обработкой металлоизделий ("кузнец" - 7 носителей). Прозвища "судовщик", "судоплат" обозначают ремесленников, изготовлявших лодки, тем более, что и жили все они в рыболовецких поселениях (5 носителей). Крестьяне, умеющие хорошо ставить избу, очевидно, работали по найму ("плотник", "строитель" - 4 носителя).

⁴² См.: Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII в. в начале XVIII века, с.35-42 и след., 106-108 и след.

⁴³ "Полстовал" - специалист по изготовлению войлока и изделий из него; в XVIII в. из войлока делали шапки, верхнюю одежду, обувь.

⁴⁴ Деготь использовался, прежде всего, для смазки колес.

Продукция всех этих ремесленников не выходила за пределы нескольких соседних сел, хотя крестьяне пригородных поселений могли сбывать ее и в городе (многие поселения находились очень близко к Казани).

Среди этих "массовых" специальностей особняком стояло ремесло "серебряника". В 1599 г. в Рыбной слободе жило четыре серебряника. Обработка серебра стала в Рыбной слободе традиционным промыслом. В 1774 г. рыбнослободские серебряники изготовили печать для Пугачева.⁴⁵ В книге 1599 г., очевидно, зарегистрированы первые рыбнослободские серебряники.

В книге 1599 г. есть материал и о самом "технически оснащенном" ремесле того времени - мельничном. В селах и деревнях встречались два типа мельниц - мельницы "большое колесо" и "меленки мутовки".

Мельницы "большое колесо" считались собственностью "государя царя" и сдавались в аренду. Судя по огромным размерам оброка (от 7 до 50 рублей), мельница "большое колесо" была прибыльным предприятием, но арендовать мельницу, наверняка, мог только состоятельный человек. Из 10 упоминаемых в книге арендаторов двое были казанскими посадскими людьми, один - казанский ямщик, один - казанский жалец, один - жалец тетюшский, один - служилый полоняник, и лишь трое дворцовых крестьян (один из этих крестьян - Посниченко Матвеев - не имел земли и мельница, по-видимому, была основным источником его дохода⁴⁶).

В 1599 г. в описываемых поселениях было три работающих мельниц "большое колесо". Все они находились под Казанью, причем две самые крупные (оброк 30 и 35 рублей) стояли у деревни Кадышевой на речке Солонице, а одна - под Тетюшами в селе Федоровском (эта мельница бездействовала, так как не находилось арендатора).

В 1621 г. под Казанью было по-прежнему три мельницы "большое колесо". Одна из мельниц на речке Солонице исчезла. Это и не удивительно. Две мельницы на небольшой речке неизбежно должны были мешать друг другу, ведь при сооружении мельницы река перегораживалась плотиной. Зато оброк с оставшейся мельницы поднялся за 22 года с 35 рублей до 50-ти. Появилась еще одна мельница - в селе Чепчугах (оброк 45 рублей). Третья мельница (у села Царицына) была самой маленькой (в 1599г.

⁴⁵ См.: Овчинников Р.В. Обзор печатей на документах Е.И.Пугачева. - В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма. М., 1961, с.330.

⁴⁶ ПГАДА, ф.1209, кн.153, л.470.

она облагалась оброком в 7 рублей, в 1621 г. - 10 рублей). В селе Федоровском под Тетишами теперь было две мельницы (оброк 21 и 7 рублей).

Ни в одном из более чем 20 дворцовых поселений Прикамского района ни в 1599 г., ни в 1621 г. не было мельниц "большое колесо". Возможно, крестьяне пользовались мельницами, находящимися за пределами дворцовых земель. Большая часть меленок-мутовок, напротив, находилась именно в Прикамье (в 1599 г. - две из семи, в 1621 г. - пять из девяти). В 1599 г. все мелемки, а в 1621 г. восемь из девяти принадлежали крестьянам. Крестьяне оброка за мельницы не платили. Единственный же содержатель мелемки-мутовки не крестьянин - монах Вятского Успенского монастыря Савватий, платил 1 рубль оброка. Почему же крестьянские мельницы освобождались от оброка? Вероятно, потому, что на этих меленках крестьяне делали "государево изделие крупы и толокна". Возможно, что весь хлеб с "государевых десятин" перерабатывался в крупу за счет крестьян и повторяющаяся после описания каждого села с деревнями формула: "для государевых понизовых отпусков крупы и толокна делают же" означала именно эту повинность.

Итак, уже в конце XVI - начале XVII в. многие сельские жители Казанского края промышляли неземледельческим трудом. Для основной массы крестьян, очевидно, ремесло было лишь дополнительным заработком в свободное от сельскохозяйственных работ время (например, зимой). Что же касается бобылей, у которых не было земли; то для них, видимо, ремесло было основным занятием. Если бобыльских дворов в рассматриваемых поселениях было не более 15%, то среди носителей ремесленных прозвищ бобыли составляли около 29,5%.

Некоторый материал писцовые книги дают и по организации местных органов власти. Особенностью административного управления дворцовыми землями в Среднем Поволжье является то, что они подчинялись не Приказу Большого дворца (как везде в других местах России), а входили в ведомство Приказа Казанского дворца. Подтверждений этого в рассматриваемых книгах мы находим множество. Уже сам факт, что дворцовые земли описывали люди, посланные не из Приказа Большого дворца, а из Казани, обращает на себя внимание. Из книг 1617 г. становится ясно, что и приказчики в дворцовые села назначались в Казани. В одной из книг 1617 г., например, сообщается, что "по наказу" казанских воевод В.Т.Долгорукова и С.Н.Гагарина "велено быть Михаилу Байкашину в государеве дворцовом селе Анатыше на Микифорово место Степанова".⁴⁷

⁴⁷ ЦГАДА. Там же, л.54.

Подведомство в административном отношении дворцовых земель Среднего Поволжья Приказу Казанского дворца определяло и финансовую подотчетность ему же. Дозорные книги первых десятилетий XVII в. полностью подтверждают эту мысль. Основной повинностью дворцовых крестьян было пахать пашню "на государя" или платить "государев оброк". В книге Константина Шушерина (1621 г.) уточняется, что оброк крестьяне платят "в государеву казну в Казани", т.е. дьякам воеводской Приказной палаты.

Кроме основных повинностей, у крестьян были и дополнительные: "и для государевых понизовых отпусков крупы и толокна делают...". Рассмотрим подробнее эту фразу, повторяющуюся после описания каждого села в книгах Обухова, Зюзина, Шушерина. "Делают крупы и толокна" означает, что крестьяне изготавливают на мельницах за свой счет и из своего зерна крупу (а, возможно, что и весь хлеб с "государя десятин" крестьяне сдают в виде крупы). Не случайно в одном месте эта повинность уточняется: "на казанских мельницах".⁴⁸

Очень замечательна фраза: "для государевых понизовых отпусков". Она означает, что крестьянский хлеб идет "на корм" стрельцам и другим служилым людям в городах Среднего и Нижнего Поволжья. Кстати, распределением этого хлеба в Казани занимался в 1627 г., будучи подъячим Хлебного стола в казанской Приказной палате, один из дозорщиков 1621 г. - подъячий Григорий Амирев.⁴⁹ Нет оснований сомневаться в том, что денежный оброк, собираемый с бобылей и части крестьян, также шел на жалованье стрельцам.

Каким же образом управлялись и эксплуатировались дворцовые села? Власть "государя" на месте осуществлял приказчик. В крупном селе с деревнями, как правило, был приказчик. Иногда один приказчик приходился на два и более сел. Приказчик организовывал барщинные работы на "государевых десятинах" (в 1599 г. из 21 поселения лишь три были на денежном оброке, а в 1621 г. из 38 поселений 27 пахали "государевы десятины"). Видимо, приказчики же определяли размер повинностей с крестьян и бобылей. Приказчик же собирал натуральный оброк - в каждом селе имелись "государевы житницы".

Должность приказчика была достаточно ответственной и почетной. На эту должность назначались "по государеве цареве грамоте и по на-

⁴⁸ Там же, л.541 об.

⁴⁹ См.: Порфирьев С.И. Несколько данных о приказном управлении, с.54.

казу" воевод. Приказчики назначались, как правило, из дворян. На это указывает тот факт, что приказчик села Воскресенского в 1599 г. Семен Шапкин через три года (в 1603 г.) указан как владелец поместья.⁵⁰ Возможно, что на приказчиках лежала обязанность вести какую-то письменную документацию, ведь проводили же приказчики в 1617 г. перепись.

Единицей налогообложения в дворцовых поселениях была выть, включавшая определенное количество земли, в зависимости от качества ее. На выть налагались определенные повинности: в барщинных поселениях — обработка двух четей (десятины) "на государя", в оброчных — определенная сумма денег — 1,5, 2,5 или 4 рубля. В течение четверти века размеры повинностей не изменились. Кроме того, крестьяне должны были за свой счет смолоть сдаваемое зерно в крупу и поставить "с выти по пятисот веников и по пятидесяти лубя", правда, "за половину лубя и за половину веников емлют из государевы казны по указу деньги" (т.е. за половину указной нормы сдачи "лубя" и "веников" крестьяне получали плату).

Особым образом было организовано налогообложение в трех селах, где основным занятием жителей была рыбная ловля: в Рыбной слободе, Толминском и Мысе. В 1599 г. единицей налогообложения здесь была "рыба", т.е. определенное количество выловленной рыбы, за право ловить которую крестьяне платили 50 копеек оброка. Те крестьяне, которые имели пашню, платили за нее особо (в 1621 г. таких дворов было 42 из 80-ти). Кроме того, все крестьяне платили оброк "с двора" по числу "душ".

Кроме крестьян, в дворцовых поселениях жили бобыли. В 1599 г. в описанных дворцовых поселениях было 45 бобыльских дворов — 13,5% от общего числа дворов, а в 1621 г. — 125 дворов (15%), причем из этих 125 дворов более трети (57 дворов) находилось в селе Тресвяцком, которое в 1599 г. не описывалось. Таким образом, без села Тресвяцкого в 1621 г. зафиксировано только 68 бобыльских дворов, что составило 10 % от общего числа описанных дворов. Следовательно, за период с 1599 по 1621 г. в дворцовых поселениях произошло уменьшение процента бобыльского населения.

В крупных селах бобылей было намного больше, чем в деревнях. Так в селе Тресвяцком в 1621 г. было 35% бобыльских дворов, в Федоровском — около 24%. Основной повинностью бобылей был фиксирован-

⁵⁰ См.: Писцовая книга Казанского уезда 1602-1603 годов. Казань: изд-во Казан. ун-та, 1978, с.86.

ный оброк (хотя в описании 1599 г. в некоторых случаях бобылями называли лиц, которые вообще не платили налогов)⁵¹. Существовало несколько стандартных сумм, которые накладывали на бобылей — полтина (50 копеек), 15 алтын (45 копеек), две гривны (20 копеек), пять алтын (15 копеек), гривна (10 копеек).

Не представляет большого труда выяснить, кого называли бобылями писцы в 1621 г. Это люди, не обрабатывавшие пашни (характерно, что дозорщик 1599 г. Н.Обухов называл этих лиц "непашенными крестьянами"). Такой вывод можно сделать на основании многих наблюдений: во-первых, об этом свидетельствует сам порядок (последовательность) описания: сперва крестьянские дворы, затем — пашня и другие угодья, в конце — бобыльские дворы. В деревнях, находящихся на оброке, бобыли тоже есть. Причем, их фиксированный оброк часто выше той доли выти, которую платит крестьянин. В селах, где крестьяне, в основном, занимались рыбной ловлей и где пашня была далеко не у всех, бобылей не замечено.

Очень распространенным является мнение, что бобыль представляет собой обедневшего крестьянина. Безусловно, с этим согласиться нельзя. Бобыль не обязательно беднее крестьянина. В селе Тресвяцком, например, десятки крестьян живут на "полполучети выти" (около 9 копеек), а ни один из 57 бобылей не платит оброку менее гривны. Многие бобыли являлись квалифицированными ремесленниками, и сами не хотели, возможно, садиться на землю. В некоторых случаях бобылем, видимо, называли человека, пока еще не имеющего земли, т.е. бобыль в этом случае представлял переходное состояние сельского населения — это сельский (уездный) человек, не занимающийся (или пока еще не занимающийся) непосредственным сельскохозяйственным производством. Писцовые и дозорные книги начала XVII в. дают возможность предполагать, что многие бобыли в дальнейшем получали землю и превращались в крестьян.

Таким образом, рассмотрение дозорных и переписных книг дворцовых поселений Казанского уезда конца XVI — первой четверти XVII в. позволяет сделать вывод о том, что это ценный исторический источник: во-первых, в плане изучения истории одной из основных социальных групп крестьянства — дворцовых крестьян, во-вторых, в плане изучения места бобылей среди всей массы сельского населения и их социаль-

⁵¹ См., например, ЦГАДА, ф.1209, кн.153, л.442, 442 об., 455 и др.

но-экономического места и роли в дворцовом хозяйстве Среднего Поволжья, в-третьих, в плане изучения некоторых вопросов истории Казанского края в "смутное" время, в частности, о степени хозяйственного разорения. Материал писцовых книг представляет безусловный интерес для историков, изучающих культурно-хозяйственное развитие края.

Ценность различного рода переписных книг несомненна и потому продолжает быть актуальной задача их научного издания и активного вовлечения в научно-исследовательскую работу.

Ю.Н. И в а н о в

ФЕОДАЛЬНЫЕ ПОВИННОСТИ КРЕСТЬЯНСТВА В ВОТЧИНЕ КАЗАНСКОГО АРХИЕРЕЙСКОГО ДОМА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI - ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII ВЕКА

Изучение аграрных отношений в Среднем Поволжье является одной из первоочередных задач историков региона. Как отмечалось на научной конференции историков-аграрников Среднего Поволжья, состоявшейся в городе Йошкар-Оле в ноябре 1976 г., наступила необходимость создания коллективного обобщающего труда по истории сельского хозяйства и крестьянства Поволжья с древнейших времен до настоящих дней.¹ Усилиями ученых автономных республик Среднего Поволжья в последние десятилетия исследованы многие вопросы этой большой и сложной проблемы.²

История крестьянства Среднего Поволжья периода XVI-XVII вв. изучена наиболее слабо. Это связано в частности с тем, что во-первых, этому периоду, до недавнего времени, было мало уделено внимания со стороны советской историографии. Во-вторых, необходимо было разработать более детально отдельные темы и сюжеты, без чего трудно представить полную картину истории крестьянства региона в данный период. Одной из непростых задач ученых является изучение системы феодальных повинностей.

1 См.: Патрушев А.С., Смыков Ю.И. XV съезд КПСС и задачи историков-аграрников Среднего Поволжья. Конференция в Йошкар-Оле. - История СССР, 1977, № 4, с.220-224; а также: Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья: Докладный период. Йошкар-Ола, 1978, с.3.
2 Подробнее см.: Гильманов З.И., Димитриев В.Д., Залялов А.М., Ионенко И.М., Клеякин А.В., Медведев Е.И., Мухарямов М.К., Патрушев А.С., Смыков Ю.И. Советская историография аграрной истории Среднего Поволжья с древнейших времен до наших дней: Итоги и задачи. - В сб.: Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья. Саранск, 1981, с.24-40.

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть феодальные повинности в вотчине Казанского архиерейского дома во второй половине XVI - первой четверти XVII века.

Нельзя сказать, что дореволюционных историков не интересовало хозяйство вотчины казанского архиерея. Одним из таких исследователей был профессор Казанской духовной академии И.М.Покровский. Изучая хозяйство казанского архиепископа он обратил внимание на положение зависимого населения в вотчине. Покровский привлек к исследованию большое количество ранее неизвестных источников. Однако буржуазно-идеалистическая концепция автора не позволила дать всестороннюю оценку изучаемых им явлений. Он не видит того, что крестьяне подвергались двойной эксплуатации со стороны владельца и государства.³

Те немногие сведения, которые дошли до нас, свидетельствуют о том, что государство предоставило казанскому духовенству право распоряжаться зависимым населением. Во всех жалованных грамотах духовенству в XVII веке встречается характерная формулировка, определяющая права феодала на владение крестьянством: "И вы о все крестьяне, которые в том ...поместье живут и впредь учнут жити... /такого-то монастыря и архимандрита - И.Ю./ с братьей слушали, пашню на них пахали и оброки им платили, чем вас архимандрит с братьей пооброчат".⁴

Ценными данными о характере повинностей крестьянства располагают писцовые книги второй половины XVI - первой четверти XVII в. По писцовой книге Н.Борисова и Д.Кикина 1566-1568 гг. все население, зависимое от архиепископа, за исключением жителей села Сакуркадши, несло тягло с II вытей. Крестьяне 8 вытей "за доход пахут на архиепископа десятины с выти по десятине ржи, да по десятине яри".⁵ Крестьяне трех вытей "сидят на льготе", кроме того, некоторые крестьяне еще не помещены в выти, так как "земли своих жеребьев еще не розпахали". Всем крестьянам после льготных лет "пахати за доход десятины ж с выти по десятине, а сколько вытей будет".⁶

3 Покровский И.М. Казанский архиерейский дом, его средства и штаты преимущественно до 1764 года. Казань, 1906, с.135-186.

4 ПГАДА, ф.281, ГКЗ по Казани, дд.13/6421, 15/6423, 16/6424 и др.
5 Список с писцовых книг по Казани с уездом. Казань, 1877 /далее - СПК/, с.69.

6 Там же.

Все нерусское население обязано было платить ясак. То, что нерусское население вынуждено было платить ясак, связано с тем, что царское правительство после взятия Казани сохранило для народов Среднего Поволжья привычные для него формы феодальных повинностей. "После завоевания Казанского ханства Иваном Грозным, - пишет Ш.Ф. Мухамедьяров, - система ясачного обложения не только сохранилась, но была даже распространена на все местное население, кроме служилых татар, заменив в основном собою все ранее существовавшие при ханах подати и повинности".⁷

Ясак в вотчине митрополита нерусским населением вносился как денежный, так и натуральный. Так, татарское население, как правило, за владение землей обязано было платить денежный ясак, который достигал полуполтины со двора. 14 татарских дворов давали в архиерейскую казну 3,5 рубля.⁸

Чувашское население платило натуральный оброк медом. С 33 дворов они обязаны были давать 13,5 пудов меда, что приравнивалось к 8 рублям 8 алтынам, 2 деньгам денежного оброка. Кроме того, чувашские деревни с "бортных ухажеев" давали оброку 27 батманов /40,5 пудов - Ю.И. / меда.⁹

Ш.Ф. Мухамедьяров считает, что "уже в XVII веке русский ясак в Казанском ханстве был фиксированным денежным оброком за пользование землей".¹⁰ Однако приведенные данные из писцовой книги Н. Борисова и Д. Кикина дают нам основание говорить, что фиксированным ясак становится сразу же после присоединения Казанского ханства к России.

После приписки в 1567 г. трех деревень к вотчине архиепископа все население должно было нести повинности с 32 вытей, крестьяне трех вытей находились на льготе, срок которой истек в 1572 году. Кроме того, все нерусское население обязано было платить ясак с земли в количестве 100 рублей 25 алтын и оброк с "бортных ухажеев" 27 батманов меда.¹¹ Однако, нам кажется, что в сумму 100 рублей входили денежные поступления не только с нерусского, но и с русского населения, так как в эту сумму входят оброчные деньги и с рыбных ловель и мельниц, которыми пользовались все население архиепископа.

Стремясь как можно быстрее привлечь на свои земли население и поставить на ноги сельское хозяйство, архиепископ предоставлял крестьянам льготы. Казанский владыка, получая щедрные земельные и денежные

⁷ Мухамедьяров Ш.Ф. К вопросу о положении крестьянства в Казанском ханстве. - В кн.: Из истории классовой борьбы и общественной жизни в Поволжье и Приуралье: Учен. зап. Казанск. ун-та, т. 122, кн. 2, Казань, 1962, с. 150-151.

⁸ СПК, с. 69.

⁹ Там же, с. 70.

¹⁰ Мухамедьяров Ш.Ф. Указ. соч., с. 151.

¹¹ СПК, с. 70.

пожалования со стороны государства, а также ту материальную помощь, какую обязаны были оказывать ему все русские епархии, не спешили выколачивать необходимые для существования кафедр средства со своего зависимого населения.

Анализируя писцовую книгу 1566-1568 гг. обращаем внимание на то, что часть крестьян, положенная в выти "пахали на архиепископа первые десятины, а иного доходу архиепископу нет".¹² Выражение "пахали... первые десятины", на наш взгляд, говорит о том, что для крестьян данного села только что окончился срок льгот и они начинают выполнять повинности в пользу митрополита. Прекращение действия льгот, предоставляемых крестьянству, в разное время свидетельствует о постепенной и непрерывной миграции русского населения в Казанский край из центральных областей Российского государства. Пользуясь предоставляемыми льготами, оно предпочитало обосновываться во владениях крупных землевладельцев.

Пользуясь тем, что русского населения в крае было еще мало, крестьяне получали значительные земельные наделы. В среднем на одну выть приходилось более 11 четвертей пашенной земли, без учета других сортов земли. См. таблицу.

Таблица I.

Количество вытей и земли на выть во второй половине XVI в.

	: Кол-во : дворов	: Кол-во : вытей	: Дворов : на выть	: земля паханная / в чет		
				: всего	: на двор	: на выть
1. с. Тарлаши	9	5/3 ¹	1,1	100	11	12,5
2. с. Каракчей Кабан ²	8	—	—	40	5	—
3. с. Карадулат	10	5	2	35	3,5	7
4. д. Четова	2	1	2	12	6	12
5. поч. Девлеткильдеев 2	—	—	—	3	1,5	—
6. поч. Федотков	2	—	—	1,5	0,75	—
7. д. Кульмаметова	1	3	0,3	30	30	10
8. д. Аметева	8	8,5	ок. 1	86	10,7	10
9. д. Круглая Поляна	2	2,5	0,8	24	12	ок. 10
Всего	44	25 ³	1,75	331,5	7,53	11,48

Источник: СПК, с. 65-75.

Примечания: 1. Три выти на льготе

12 СПК, с. 66 и др.

2. Крестьяне с. Карадулат, Поч. Девлеткильдеев, Федотов на льготе
3. Не учтены льготные выти.

Анализируя данные таблицы, можно сделать вывод, что в первую очередь осваивались земли, ранее уже обрабатываемые. Это позволяло крестьянам быстрее наладить свое хозяйство и на них раньше накладывалась повинность. В этих селениях земли на двор и на выть приходилось, как правило, больше, чем в тех, в которых крестьянство вынуждено было осваивать залежные земли. /См. № 5,6/ Принимая во внимание тот факт, что основная масса крестьянского населения только начинает выполнять феодальные повинности в пользу митрополита, то можно заключить, что первое русское население в вотчине кафедры освобождалось от повинностей на длительное время.

В 1603 г. Иваном Болтиним было осуществлено новое описание вотчинных владений казанского архиерейского дома. В этой писцовой книге нет таких полных сведений о характере вытного обложения тяглого населения как в писцовой книге 1566-1568 гг. Описывая поселения с русским населением, Болтин вообще обходит молчанием вопрос о каких-либо повинностях крестьянства. Только при описании починка на Красной Горке он отмечает, что землю, закрепленную за починком, пашут на митрополита.¹³

Несомненно, что крестьяне, как и прежде, несли те же повинности, которые были наложены на них еще в XVI столетии. Хотя книга не отмечает повинностей, тем не менее можно говорить, что к началу XVII в. уже все население выполняет повинности в пользу митрополита и государства. Об этом можно судить по тому факту, что, несмотря на рост населения в вотчине, мы ни разу не встречаем льгот. Более того, мы видим увеличение повинностей, выполняемых нерусским населением. Так жители селца Тарлаши Татарские обязаны были наряду с денежным ясаком платить ясак хлебный,¹⁴ о котором не упоминалось в середине XVI столетия. Кроме того 33 человека бортников "русских людей и татар и чуваш" дают оброку митрополиту ежегодно 89 батманов меду. Одновременно с медом они обязаны были платить с земли 20 рублей 16 алтын 4 деньги. При этом обращает на себя внимание тот факт, что писец объясняет это как новое поступление в пользу митрополита. Об этом свидетельствует формулировка, что в "окладном списке" т.е. в писцо-

¹³ ШГАДА, ф. 281. ГКЭ по Казани, д. 132/6540, л. 58 об.
¹⁴ Там же, л. 10 об, 13, 18, 31.

вой книге 1566-1568 гг. "те бортники русские люди и татаровя и чуваша не писаны".¹⁵

Это дает нам основание заключить, что Иван Болтин в книге фиксировал только новые повинности, которые выполняли крестьяне и ни словом не обмолвился о старых, так как они известны по писцовой книге Н. Борисова и Д. Кикина 1566-1568 гг. Возрастание повинностей было связано, по-видимому, с тем, что в конце XVI в. казанский митрополит лишился привилегий и обязан был наравне со всеми русскими церковными организациями платить государевы подати. Об этом нам говорит содержание писцовой книги: "...А велено митрополиту в государеву казну оброк давать".

Более полное представление о повинностях сельского населения в начале XVII в. дает нам писцовая книга И. Скобелыцина 1623 года. Наказ, данный писцам этой книги, показывает цель составления новой описи вотчин митрополита. Царь указал писцам И. Скобелыцину и подьячему Я. Власьеву ехать в вотчину казанского митрополита на крестьянскую пашню, "которую пашут крестьяня на себя" и "положить для их государевых всяких податей... на всякую четь по три человека крестьян да по бобылю", а оставшихся бобылей необходимо было положить в тягло на четверть пашни по шести человек.¹⁶ В результате составления переписи на население митрополита было положено чуть более 184 четей пашни, а сошного письма в живущем" около трети сохи.¹⁷

Система единиц обложения в Казанском крае ничем не отличалась от обложения соседних с ней областей, в частности - Вятского края. Как и на Вятке, обложение здесь осуществлялось в вытях. При этом как и в Вятском крае, на выть приходилось 10 четвертей земли. Так в вотчине митрополита числилось 35 вытей, а четвертной пашни 350 четвертей.¹⁸ Вытное обложение просуществовало вплоть до 20-х годов XVII в. Так в писцовой книге 1623 г. мы встречаем ссылку на дозорные книги Осипа Зюзина и Константина Шушарина 1620-21 г., в которых описывались земли государственных дворцовых сел Благовещенского и Рождественского. При этом крестьянское население обоих сел было положено в выти.¹⁹ Однако, уже в 1623 году при описании вотчин митрополита встречается новая окладная единица - четь.

¹⁵ ШГАДА, ф. 281. ГКЭ по Казани, д. 132/6540, л. 71 об.
¹⁶ Покровский И. М. Указ. соч., Приложения, № 1, с. 1-2.
¹⁷ Там же, с. 38.
¹⁸ Покровский И. М. Указ. соч., Приложения, № 1, с. 40.
¹⁹ Там же, с. 31-32, 40.

Введение новой окладной единицы было вызвано стремлением упорядочить сбор налогов с населения, обусловленное экономическим запустением страны в конце XVI - начале XVII в., в результате которого происходит "повсеместное и быстрое уменьшение сошных окладов".²⁰ Происходит такое уменьшение и в вотчине казанского митрополита. К 1623 г. митрополит "подати после московского разорения платит с 31 выти".²¹

Новое описание земель, казалось бы, должно было увеличить количество вытей, с которых митрополит будет платить государственные повинности. Однако количество вытей не только не увеличивается, а, наоборот, сокращается. Если к 1623 г. общий размер тягла митрополичьей вотчины составлял более трети сохи, то после составления писцовой книги, как мы уже отмечали, оно составляло менее трети сохи.

Происходит изменение не только в количестве, но и в характере обложения. Если при составлении писцовой книги 1566-1568 гг. выти клались за определенными населенными пунктами вотчины, то в 20-х годах XVII столетия количество повинностей указывается только общее, на все хозяйство митрополита, включая и посад. Тягло "положено на крестьян и на слобожан и на бобылей и на татар...". Таким образом, происходит расширение категорий налогоплательщиков. С.Б.Веселовский отмечал, что в XVII веке сложился порядок, когда отдельные владельцы и целые феодальные корпорации платили все налоги за все свое зависимое население. "Правительство интересуется тяглецами только во время описаний и дозоров: в промежутке между ними, - пишет Веселовский, - землевладелец платит по одному и тому же окладу сошного письма и его дело оброчить крестьян и входить с ними в те или иные сделки".²² По всей вероятности, такая практика сложилась еще в XVI в. И именно по этой причине Скобелицын указывает только общее количество сошного письма, оставляя полное право самому митрополиту решать, сколько каких повинностей нести тому или иному хозяйству.

Вслед за составлением переписных книг в 1623 г. митрополит получает жалованную тарханную грамоту, которая предоставляла ему права на вотчину и крестьян. Правительство определило круг государственных повинностей, которые должны выполнять митрополичьи крестьяне. Они обязаны были давать основные государственные налоги - "ямские деньги" и "стрелецкие хлебные запасы", а кроме того вынуждены были

20 Веселовский С.Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и пососного обложения Московского государства. Т. I, - М., 1915, с. 229.

21 Покровский И.М. Указ. соч., Приложения, № I, с. 40.

22 Веселовский С.Б. Указ. соч., с. 343.

принимать участие в городском и остром строительстве вместе с "сошными людьми по писцовым и по дозорным книгам по сошному разводу с живущего".²³

Крестьяне освобождались от постоя у них всяких "приезжих людей", а значит и от необходимости содержать постояльцев. Однако на наш взгляд, правительство оставило возможность размещать "ротных" людей при условии, что они "кормов своих" и конских у них "сильно" не будут брать, а будут покупать "по цене, какой им продадут".²⁴

Митрополит освобождался от необходимости давать "наместничьи корма", и полонянничные деньги, которые, по мнению Веселовского, существовали как постоянные налоги для всех категорий земель, включая и монастырские.²⁵ Это говорит об особом положении казанского владыки в Казанском крае.

Говоря о несении государственного тягла зависимым населением вотчины митрополита, необходимо остановиться на повинностях, которые крестьяне выполняли в его пользу.

В начале XVII в. основные повинности сельского населения в пользу митрополита заключались в необходимости обрабатывать его земли, которые к 1623 г. увеличиваются до 407 четвертей, включая и земли его детей боярских, что более чем в два раза превышало количество запашки крестьян митрополита. Кроме этой обязанности, другой повинностью крестьянства оставалась необходимость косить сенные угодья митрополита, покосы которого постоянно увеличивались не только в результате новых приобретений, но и за счет сокращения крестьянских сенных покосов. Так, например, в с. Караишеве все сенные покосы на Волге /500 копен/ "взял митрополит на себя".²⁶

Как и прежде, все русское население находилось на ясаке, размер которого, как мы уже отмечали, постоянно увеличивается. Растет количество оброчных денег, которые поступают в казну митрополита с различных оброчных угодий и с оброчного населения. Оброк достигает 299 рублей 14 алтын и 4 денег. Выросло количество и оброка медом - до 73 батманов с полубатманом и 5 гривенков.²⁷ Платили оброк медом митрополиту не только его вотчинные люди, но и люди дворцовых деревень.²⁸

Для правильного понимания степени тяжести феодального гнета в

23 Покровский И.М. Указ. соч., Приложения, грамоты, с. XV.

24 Там же.

25 Веселовский С.Б. Указ. соч., с. 141.

26 ЦГАДА, ф. 281. ГКЗ по Казани, д. 132/6540, л. 19 об. - 20.

27 Покровский И.М. Указ. соч., Приложения, № I, с. 40.

28 Там же, с. 38-35.

вотчине митрополита необходимо сравнить его с положением других категорий зависимого населения. К сожалению, мы не всегда располагаем сопоставимыми данными, поэтому для сопоставления берем данные по двум дворцовым селам, которые в 1623 г. перешли в вотчину митрополита.

Так в селе Благовещенском в 1620/21 г. было 35 живущих дворов, на которые приходилось чуть более 6 с четвертью вытей. Крестьяне одной выти должны были платить в государеву казну по полтора рубля, т.е. с одного двора чуть более 20 копеек. Крестьяне с.Рождественского со двора платили около 35 копеек, однако качество земли у них значительно лучше, чем в Благовещенском.²⁹ Сравнивая эти данные /с учетом увеличения феодальных повинностей к 1623 г., о которых мы уже упоминали/ с денежным ясаком татарского населения в вотчине митрополита, который они платили в 1566-1568 гг., мы увидим, что феодальные повинности крестьянства архиерея были значительно тяжелее, чем в дворцовых селам. Недаром крестьяне с.Благовещенского в момент приписки к архиерейскому дому осуществили массовый побег, в результате которого запустело 17 дворов крестьянских и 6 бобыльских.³⁰

Таким образом, в изучаемый период происходит неуклонный рост феодальных повинностей крестьянства казанской архиерейской вотчины. Находясь под двойным гнетом государства и землевладельца, крестьяне несли феодальные повинности более тяжелые, чем крестьянство дворцово-го ведомства.

Д.А. М у с т а ф и н а

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН КАЗАНСКОГО УЕЗДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Изучение истории крестьянства России в целом и отдельных его категорий, является одной из главных задач советской историографии. Одним из слабо изученных вопросов является социально-экономическая история Среднего Поволжья в XVII веке, особенно проблема социального положения крестьян Казанского уезда.

В данной статье автор пытается рассмотреть лишь один из факторов, определяющих социально-экономическое положение крестьянства - состояние дворцового и частновладельческого землевладения в Казанском уезде во второй половине XVII века.

²⁹ Покровский И.М. Указ. соч., Приложения, № I, с.30-31, 32-33.
³⁰ Там же, с.30-31.

Для изучения вопроса привлечены главным образом неопубликованные документальные источники, отложившиеся в фондах Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), в отделе рукописей Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского (ОРКНБ), Центрального государственного архива Татарской АССР (ЦГА ТАСР).

В ЦГАДА использованы материалы фонда грамот Коллегии экономии (ф.281) и фонда Поместного приказа (ф.1209). Особый интерес представляют писцовые описания Семёна Волынского 1649 - 1656 гг. и Ивана Кайсарова 1685-1687 гг., практически до данной публикации еще не введенные в научный оборот.

Большое значение имеет круг источников, отложившийся в ОРКНБ. Среди этих документов имеются выписи из писцовых переписных книг, челобитные, "сказки" и другие официальные и частные акты, отражающие социально-экономическое развитие Казанского уезда. Привлечены также некоторые документы из фонда Казанской духовной академии (ф.10) ЦГА ТАСР.

Казанский уезд во второй половине XVII века охватывал значительную территорию. В литературе принято включать в Казанский уезд земли по левой луговой стороне р.Волги (от рр. Шосьмы и Ашит на севере до р.Камы на юге и до р.Вятки на востоке).¹ Материал источников свидетельствует о вхождении в состав уезда земель и по правой, нагорной стороне р.Волги (по рр.Гольянка, Шовыряловка, Агрыз) и Закамья. Таким образом, территория Казанского уезда в рассматриваемый период включала в себя ядро бывшего Казанского ханства.

В административном устройстве уезда многое сохранилось от времен Казанского ханства. Это проявлялось в делении уезда на дороги, восходящем еще к золотоордынскому периоду. Территория уезда делилась на пять дорог: Нагайскую, Алацкую, Зюрейскую, Арскую и Галицкую. Дороги, в свою очередь, делились на станы, волости, сотни, пятидесятки, десятки.

Во второй половине XVII века удельный вес дворцовых и частновладельческих земель в Казанском уезде был значительным. Дворцовые земли располагались по четырем дорогам уезда (Нагайской, Зюрейской, Алацкой, Арской) и общий объем их достигал 29924 дес., а частновладельческие по всем пяти дорогам уезда, при общем объеме в 40845 дес.²

¹ Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века: Очерки из истории колонизации края. Одесса, 1882, с.82.

² Подсчеты произведены автором по материалам писцовой книги С.Волынского в десятинах в одно поле.

Владения двора составляли 28-29% земель уезда, частновладельческие - 37-38%.

Численность дворцовых и частновладельческих крестьян в Казанском уезде также была большой. По данным Я.Е.Водарского, число дворов дворцовых крестьян в уезде достигало 3,5 тыс. При средней населенности 3,2 чел. м.п. на один двор общая численность дворцовых крестьян может быть определена в 11200 чел. м.п.³ По соотношению площадей земельных угодий можно приблизительно представить удельный вес интересующих нас категорий крестьянства, а также вычислить и примерную численность частновладельческих крестьян. Дворцовые крестьяне по данным писцовой книги С.Волынского составляют 27-30% тяглого населения уезда, частновладельческие - 36-39%. Отсюда, при численности дворцовых крестьян обоого пола в 22,5 тыс.чел., численность частновладельческих крестьян составит, видимо, около 30 тыс. человек обоого пола. Цифры эти, конечно, весьма приблизительны, ибо ни одна писцовая книга не содержит описания всего объема земель и населения Казанского уезда.

Писцовая книга С.Волынского включает описание земельных владений 8 сел, 15 деревень, 1 починок, 1 приселка, 1 погоста и 6 пустошей Нагайской дороги; 2 сел, 4 деревень, 1 слобода и 5 пустошей Зюрейской дороги; 4 сел, 102 деревень, 31 починок, 4 пустошей, 11 займищ и одной слободки Алацкой дороги; 8 сел, 43 деревень, 15 починок и 4 пустошей Арской дороги - всего 232 жилых и 19 пустых селений, принадлежавших дворцу. При этом, 31,3% дворцовых земель располагались на Арской, 30,1% - на Нагайской, 24,4% - по Зюрейской, 14,2% - по Алацкой дорогам. По Галицкой дороге дворцовые владения не зафиксированы.

Для писцовых селений Казанского уезда было характерно гнездовое компактное расположение. К селу Воскресенскому "тянули" шесть деревень⁴, к с.Сабутоли - одна,⁵ к с.Рождественское - одна деревня⁷ и две пустоши,⁶ к с.Толминскому - одна деревня и одна пустошь,

3 См. Водарский Я.Е. Население дворцовых владений в России в последней четверти XVII в. - В кн.: Вопросы географии: сб.83. Историческая география. М., 1970, с.123; он же. Численность населения и количество помещико-вотчинных земель в XVII в. /по писцовым и переписным книгам/. - В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1964 г. Кишинев, 1966, с.224.

4 ЦГАДА, ф.1209, кн.1128, лл. 1 об. - 9 об.

5 Там же, лл.30 об. - 33 об.

6 Там же, лл.46, 48, 4 об. - 98 об.

7 Там же, лл.115-124 об.

к с.Анаташи - четыре деревни, две пустоши и одно село,⁸ к с.Ветки - две деревни,⁹ к с.Федоровскому - две деревни, одна пустошь, один починок,¹⁰ к Сарапулу "тянули" с.Вознесенское с шестью деревнями и одним почином, с.Ильинское с шестнадцатью деревнями, одиннадцать починок, с.Архангельское с тремя деревнями и одним почином, с.Преображенское с четырьмя деревнями, с.Никольское с шестью деревнями и двумя починок;¹¹ к с.Ильинскому "тянули" тридцать одна деревня, семь починок и одна пустошь, к с.Петровскому - восемь деревень, семь починок и четыре займища.¹² Среди селений по этническому составу были деревни в основном с русским, но также и с нерусским населением. Двойные названия некоторых из них, как правило, свидетельствуют о происшедшем переходе в разряд дворцовых земель татарских пустошей и деревень. Например, д. Ивертова, Кулчуки тож, д.Тонеево, Аваган тож, с.Толминское, Мансурово тож, а с.Рождественское было в прошлом пустошью Укречь, к нему было приписано селище Сингилеевское.¹³

Объем владений и количество селений, принадлежащих дворцу, менялись. В дворцовых поселениях весьма интенсивно шел процесс хозяйственного освоения земель. Писцовые описания учитывают и отмечают существование нескольких разновидностей пашни: старая пашня, передел, лесные розчисты, пропаши, отъезжая и наезжая пашни. Появление лесных розчистей, пашни наезжей и отъезжей свидетельствуют, с одной стороны, о значительной колонизационной хозяйственной деятельности населения, об экономической состоятельности крестьянина, способного вести хозяйство на дополнительных владениях за пределами деревни, с другой стороны - о нехватке земли.

Два крестьянина из Сарапула владели 18 дес. наезжей пашни "промеж починок Сыропятово и Сергеева", три крестьянина - 36 дес. близ починок Чекурова. Крестьяне с.Рождественского расчистили лес под пашню около д.Тонеево и Тамгачи.¹⁴ Имели наезжие и отъезжие пашни и бобыли д.Буренино, Шевырялово.¹⁵ Эти виды пашни могли по объ-

8 ЦГАДА, ф.1209, кн.1128, лл.171 об., 179-179 об., 181.

9 Там же, лл.173 об., 176 об.

10 Там же, лл.514 об.

11 Там же, лл.476 об. - 478 об., 479-488, 488 об.-489 об., 410-419 об., 419-424 об.

12 Там же, лл.410-424 об.

13 Там же, лл.34, 46, 48, 94 об., 96 об., 115.

14 Там же, лл.94-95.

15 Там же, лл.483- 483 об., 485, 491.

му быть больше старой пашни. Например, в с.Никольском, Березово тож, старой пашни имелось 30 дес., а отъезжей - в одном месте 295 и в другом 288 десятин.¹⁶

Источники отмечают случаи как коллективного, так и индивидуального распахивания пашен вне угодий деревни. На горах по берегу р.Камы располагались 47 десятин наезжей пашни крестьян д.Докши Болшой, а крестьянин той же деревни Дмитрий Онтипин, прозвище Пороша, имел в индивидуальном пользовании участок в 6 десятин.¹⁷ Крестьянин Терешка Поварницын из д.Галево основал себе на отъезжих пашнях "выставку с усадом".¹⁸ Подобные факты можно умножить.

Ограничения на владение наезжими пашнями, определенные Судебниками 1589 г., 1649 г., в рассматриваемый период не действуют. Правительство из фискальных интересов поддерживало наезд как средство "оживления" пустующих участков земли и включения их в хозяйственный оборот. Особенно заинтересованно оно относилось к наезду в дворцовых землях.

Крестьяне стремились поправить свое экономическое положение, включая в посевные площади пашни на пустошах, дубровах, в лесу, обрабатывая их нерегулярно, наездами. Следует отметить, что в исторической литературе бытует мнение о существовании пашни наезжей только на пустошах.¹⁹ Но более детальное знакомство с писцовыми книгами позволяет говорить о пашне наезжей и в дубровах, и в лесу, и в диком поле.

Удельный вес "новой пашни" порой достигал 15-20% земель деревни. Например, соотношение "старой" и "новой" пашни в ряде селений Нагайской дороги в середине XVII века выглядело следующим образом (см. табл. I).

Таблица I
Размеры пашни в дворцовых землях Казанского уезда
в середине XVII в.²⁰

Селения	Пашни (в десятинах)		Итого	Отношение новой пашни к общему итогу по поселению
	старая	новая		
с. Воскресенское	130,5	4	134,5	3%
д. Кокушкин починок	72	6	78	7,8%

¹⁶ ЦГАДА, ф.1209, кн.1128, лл.491 об.-492.

¹⁷ Там же, лл. 481-481 об.

¹⁸ Там же, л.482 об.

¹⁹ Левочкин И.В. Об измерении сельскохозяйственных угодий в Центральной России XVI-XVII вв. - В кн.: Естественно-научные знания в Древней Руси. М., 1980, с.136.

²⁰ ЦГАДА, ф.1209, кн.1128, лл.1 об.-2, 26 об.-33 об., 46-46 об. 94-100.

д. Старые Атары	53	-	53	-
д. Победилов починок	71,5	16	87,5	18,3%
д. Задние Атары	88	10	98	10,4%
с. Сабуголи	325,5	20	345,5	5,8%
с. Рождественское	454	73	527	13,9%
пустошь Полянка	-	18	18	100%
д. Тонеево	55	13 ^x	68	18,2%

Итого: 1251,5 160 1411,5 11,5%

Примечание: В это число не вошло 41 дес. пашни, перелога и розчистей, подсчитанных вместе.

При расчистке леса крестьяне прибегали и к подсечной системе земледелия. За с.Сабуголи было записано в середине XVII в. кроме 325,5 дес. "старой" пашни, 29 дес. лесных гарей, 10 дес. переложных и поросших лесом участков.²¹

Интенсивный процесс хозяйственного освоения земель приводил к возникновению новых починок, займищ и укрупнению существующих селений и выделению из них выставок. Так из деревни Галево, Буренино тож, образовалась новая выставка.²² На новорозчистных землях в черном лесу крестьяне д.Чепчюги основали починок Улубяково и этот починок разросся в деревню Новую.²³

Существенно пополнялся фонд дворцовых земель за счет так называемых отписок "на государя" и припуска в пашню "порозжих" пустующих земель. Отписывались в казну, во-первых, "остаточные" лишние земли за "дачей" помещикам. Наличие их выяснялось или при описании земель, или при сыске, предшествующем отводу земель иному владельцу, или из челобитий дворцовых крестьян. Из пустоши Манчи после "дачи" помещику Аминеву отошли в казну "лишние" 200 чети перелога и порослей, 100 дес. степи и дубров.²⁴ От помещиков села Кадыли - перелога и порослей 8 дес., дубровы непашенной 31 дес.²⁵ После отчисления служилому татарину Кулайку Девлеткильдееву и служилым неворстанным "вожам" Айтутанку Ишпулатову "с товарищи" оставшиеся "лишними" 150 чети были отписаны в 1662 г. "на государя".²⁶ То же самое было произведено с остаточными землями на Улановском и Ундоровском Верхнем городище.²⁷ К с.Чепчюги Алацкой дороги приписана лесная пустошь, бывшая новокрещенская д.Сайря Меньшая, где име-

²¹ ЦГАДА, ф.1209, кн.1128, лл.26 об.-33 об.

²² Там же, лл.482 об.

²³ Там же, лл.342 об.

²⁴ Там же, лл.312-314.

²⁵ Там же, лл.187 об.

²⁶ ОРК НБЛ, ед.хр.1295/26, 1295/27.

²⁷ ЦГАДА, ф.1209, кн.1128, лл.541 об.-543 об.

лось 105 дес. перелога, д.Кулсеитово, Брылеково тож, к которой припущена в пашню на выть 100 дес. в три поля и 8 дес. сенных покосов в пус. Кушпак. Крестьяне с.Чепчуги добились передачи еще 26 дес. пашни за р.Емашурьма и 65 дес. дубров ("где косят сено"), находившихся во владении служилых татар. Служилые татары "дач" на эти угодья не имели. Дворцовые крестьяне, узнав об этом, стали требовать эти земли и добились их отписки в свое владение.²⁸

После смерти помещиков пустующие "выморочные" их земли также подлежали отписке в казну. После умерших помещиков С.Печенегова и Т.Неклюдова к с.Борисоглебскому припущены в пашню 174 дес. земли. Отсутствие "дач" явилось причиной отписки "на государя" 35 дес. пашни от помещиков Мартына и Осипа Болинских села Тевелди, Пермьяки тож Арской дороги, 9 дес. от служилых татар д.Куркачи к с.Чепчуги, от служилых татар на полянках Сеинлияз и Луалан от лаишевских казаков и т.д., причем отписывали и "со крестьян".²⁹

Дворцовое землевание пополнялось также за счет пустых ясачных деревень: д.Середняя Мамеря на р.Нурьме, "что была за чвашею", поросла и была отписана "на государя".³⁰ Земли пустоши, "что была деревня Нурьма ясачная на р.Нурьме Малой", объемом в 150 дес. в одно поле пашни и перелога, стали дворцовыми, а 11 дес. из этого количества было передано служилому татарину Утекейку Ученбулатову в поместье.³¹ Запустевшие земли в д.Нурьма, Сия Меньшая, Шигалеево общим объемом 386 дес. Семен Волынский записал как "государевы пустовые земли".³²

В результате подобной практики передачи отписки "на государя" пустошей и "порозжих" земель и земель, на которые у владельцев не было документов, удостоверяющих их права на владение - "дач", в одном селении или в одном районе сосредоточивались владения различных категорий землевладельцев: дворцовых и поместно-вотчинных, дворцовых и монастырских и т.д. Так, например, произошло и в полянке Тетерино, находившейся в совместном владении крестьян с.Рождественского с мурзами Яушевыми.³³

Царь-вотчинник старался включить в фонд дворцовых владений возможно большее количество земли. В поле его зрения находились и просторы "дикого поля". Размер приписанного "дикого поля" в некото-

рых деревнях иногда превосходил размеры пашенной и переложной земли. Например, удельный вес "дикого поля" в деревнях, тянувшихся к с. Мис, иногда превышал 70%, а в целом был около 50% (см.табл.2).

Таблица 2.
Соотношение пашенной земли и "дикого поля" в деревнях, тянувшихся к с.Мис (в дес.)³⁴

Поселения	Пашенные земли	"Дикое поле"	Итого	Уд. вес "дикого поля"
с. Мис	620	899	1519	59%
сл. Набережная	60	220	280	78,5%
д. Орловка	153	66	219	30%
д. Шильня Верхняя	224	137	361	37,9%
д. Шильня Средняя	390	13	403	3,2%
д. Шильня Нижняя	80	62	142	43,7%
пус. Шишкин	30	67,5	97,5	69,3%
пус. Крутлово	350	150	500	30%
Итого	1937	1666,5	3603,5	46,3%

Итак, в течение всей второй половины XVII века шло увеличение фонда дворцовых земель. Источниками их пополнения являлись: расчистка крестьянами земель под пашню, "порозжие" пустые поместные и ясачные земли, а также земли, отписанные "на государя" вследствие владения без "дач" и "дикое поле".

Увеличение феодальной земельной собственности и эксплуатации приводили к феодальным спорам. Во второй половине XVII века, когда в хозяйственный оборот уже были в основном включены все хорошие, удобные земли уезда, такие земельные споры участились. Для расширения посевных площадей нужно было расчищать лес или распахать дикое поле". Но при этом нарушалась компактность владений, возникали дополнительные трудности. Известно, что каждый земледержатель, помимо всего прочего, стремится именно к компактности своих владений. Помещики д.Темерчи Зузины и крестьяне дворцового села Сабутго-ли спорят о 17,5 дес. пашни и 2,5 дес. сенных покосов,³⁵ крестьяне с. Рождественное, в результате состоявшегося по челобитным суда,

²⁸ Там же, лл.459-460.

²⁹ Там же, лл.103, 107 об., 129 об., 119-124 об., 353 об.

³⁰ 433, 458 об., 538.

³¹ ОРРК НБЛ, ед.хр. 3233/Ш.

³² ЦГАДА, ф.1209, кн.1128, л.298.

³³ Там же, лл.298, 303 об. - 304.

³⁴ Там же, л.46.

³⁴ Таблица составлена автором по данным писцовой книги С.Волынского (см. ЦГАДА, ф.1209, кн.1128, лл.316-318 об.).

³⁵ ЦГАДА, ф.1209, кн.1128, лл.28-28 об.

получили 77 дес. пашни от поместных татарских деревень Тамгачи и Укреч Култук, Чашкуново тож.³⁶ Спор тянулся иногда десятилетиями и разрешался или в результате новых сысков и межеваний, или суда.

Дворцовые земли являлись тем фондом, который шел на раздачу в поместья и вотчины представителям администрации уезда, служилым людям, монастырям. Переведенные на строительство засечных черт "жилцы" также получали земли из фонда дворцового хозяйства. Земли переведенцев на прежнем месте жительства становились "порозжими", превращались в пустоши, зарастали. Так запустели и заросли земли по р. Чалле, владения казаков, сведенных на строительство засечной черты.³⁷

Из фонда дворцовых земель под пашню и под строительство изб для крестьян, приезжавших на рыбную ловлю, получали земли монастыри. Например, в 1665 г. крестьяне Чюдова и Макарьевского монастырей получили пашню и "под дворы места для приезду рыбных ловель".³⁸ Правда, в целом, как справедливо отмечал А.А.Преображенский, говоря о земельных владениях митрополита, в рассматриваемый период правительство повело курс на замораживание роста объема владений земель церковников и монастырей.³⁹ Так случилось и на этот раз. Идя навстречу челобитным дворцовых крестьян, в 1679 г. земли возвращены с Федоровскому. Но рост церковного и монастырского владений продолжался и немалую роль в этом играли государственные дачи.

Писец Андрей Кулебин отделил в поместье из отписанных в казну земель и сенных покосов в д.Енасала служилым людям: В.Макарову 48 чети пашенных земель и 150 копен сена, Евгусте Тансарневу - 20 четь пашни, 450 копен сена и 60 дес. пашенной дубровы, Шомьяру Белякову - 10 чети пашни, 250 копен сена, 3 дес. дубров пашенных. Кроме того, было выделено Шапке "с товарищи" (на 10 ясаков) 58 чети пашни, перелога и зарослей, 1000 копен сена, 12 дес. леса и пашенной дубровы. Оставшиеся "лишними" 15 чети пашенной земли и 50 копен сена были отписаны в казну.⁴⁰

Таким образом, правительство в своем стремлении создать социальную опору не забывало о фискальных интересах казны и старалось выйти из положения с наименьшими затратами: оставшиеся сверх "дач"

³⁶ ПГАДА, ф.1209, кн.1128, лл.46-48 об., 94-98 об.

³⁷ Там же, л.315.

³⁸ Там же, ф.281. ГКА, по Казани, д.6513/105, д.6514/106.

³⁹ Преображенский А.А. Эволюция феодальной земельной собственности в России XVII-нач. XVIII века. - Вопросы истории, 1977, № 5, с.55.

⁴⁰ ЦГА ТАССР, ф.10, оп.5, д.1164, лл.44-49.

и ясаков земли вновь фиксировались как дворцовая собственность. С одной стороны шло пополнение фонда дворцовых земель, с другой - уменьшение его объема вследствие производившихся раздач. На это обстоятельство указывала еще Е.И.Индова.⁴¹

Материал имеющихся в нашем распоряжении источников не позволяет говорить о величине, соотношении десятинной и крестьянской пашни. К сожалению, мы вообще не располагаем полными сведениями, отражающими земельную обеспеченность крестьян всех деревень уезда. Писцы при описании не указывали размеры наделов каждого крестьянина, а записывали общий итог для всей деревни, лишь указывая, что церковные, десятинные и крестьянские пашни подсчитаны вместе. Любопытно, что писцовая книга 1649-1656 гг. отмечает, что в ряде сел и деревень земля мерена "...в 1 поле... в мелочи, а сряду с одного мерить было нельзя потому, что старую пашню и с новолесными розчистми пашут через полосу в полях мелкими в городьбах, а полями не розведена". Из 317 человек крестьян, наделы которых были расписаны "порознь", 117 человек (36,9%) имеют от 2,1 до 3 дес. земли, 66 человек (20,8%) от 3,1 до 4,5, 47 человек (14,8%) от 1 до 1,5, 51 человек (16%) от 1,6 до 2, один человек от 6 до 7 и два человека (2,5%) от 7,1 до 8 десятин земли. Средняя наделенность земель дворцовых крестьян в с.Толминском составляла 2,5 десятин, хотя в ряде селений этот показатель достигал 3,5 десятин (д. Докша Старая, слобода Рыбная). В целом средняя обеспеченность земель для 317 человек крестьян была равной 2,9 десятинам. Рассмотренные данные о наделенности крестьян земель в деревнях Нагайской дороги свидетельствуют о широком диапазоне колебаний в земельной обеспеченности крестьянского двора. Отсутствие равенства в распределении земли и других сельскохозяйственных угодий свидетельствует, как известно, об экономическом неравенстве крестьян. И неравенство это было порой весьма существенным. Так, например, крестьянин дворцовой деревни Шевыряловы Иван Жолваков один имел сто десятин пашни, перелога и лесом поросшей земли в пустоши Малаховской, в то время как в той же пустоши за крестьянином д.Козловы Иваном Шипковым записано две десятины.⁴²

Одной из мер, направленных на эксплуатацию пустующих земельных участков, является перевод крестьян из других областей и заселение пустошей. На пустошах Казанского уезда по царскому указу селились

⁴¹ Индова Е.И. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII в. М.: Изд-во Наука, 1964, с.21.

⁴² Там же, л.485.

уже в первой половине XVII века (пустошь Большая).⁴³ Из Мурашкинской слободы крестьяне были переведены в с.Федоровское Казанского уезда, а оттуда сведены на Закамскую черту.⁴⁴ Строительство засечных укреплённых черт привело к увеличению числа переводов крестьян центральных областей в Поволжье.

Случалось, что отписанные "порожие" земли долгое время продолжали находиться "в пусте" и правительство, стремясь получить "государеву прибыль", включало их в хозяйственный оборот путем передачи в оброчное держание. От служилых татар Кобяка Забакаева "з братьев" писец Ефим Скрипицын отписал в д.Серде 51 десятину земли, которая долго лежала "в пусте" и была передана на оброк ясачным. А сennie покосы их находились во владении ясачных "чюваш" д.Куллар, Кискенешево тож.⁴⁵

Дворцовые деревни давались временно и в поместье вотчинникам. Например, мурзам Канышу и Кадырмамету князем Яшевым в дворцовом селе Рождественное в 1677 г. передана в поместье оброчная земля, ранее бывшая на оброке за ними же, а в 1685 г. они получили на нее ввозную грамоту.⁴⁶

Приписанные пустые участки передавались большей частью на оброк крестьянам соседних селений. На оброчном держании крестьян д.Задние Атары находились примыкавшие к их землям сennie покосы бывшего починка Фокина, а Балымовской тож, и остров Медвежий.⁴⁷ Могли отдаваться пустые земли на ясак и в тигло на выть. Так пустошь Купшак Арской дороги отдана ясачным крестьянам д.Кулсеитово.⁴⁸ Широко практиковалась отдача в оброчное держание "впредь до жильца и до перекупщика". Крестьяне с.Царицыно четыре года держали на оброке пустошь Сайрю по Арской дороге, у них перекупили "из наддачи" крестьяне с.Чепчюги и держали семь лет.⁴⁹ Озера Долгое, Базан, Кривое, Плоское, Шалбы, Колтаковская заводь и рыбные ловли по р.Каме находились в оброчном держании до перекупщика у крестьян дворцовых сел Толминское и Мыс. Рыбные ловли по р.Каме в 1678-1679 гг. были переданы безоброчно Казанскому Преображенскому монастырю.⁵⁰ Широко была распространена перекупка, подтверждающая существование иму-

43 Писцовая книга Казанского уезда 1602-1603 гг. Публикация текста. Казань: изд-во Казан. ун-та, 1978, с.41.

44 ЦГАДА, ф.281, ГИЗ, по Казани, ед.хр. 6513/105, лл.2-2 об.

45 Там же, ф.1209, кн.1128, лл.353-354.

46 ОРРК НБЛ, ед.хр. 4028.

47 ЦГАДА, ф.1209, кн.1128, лл.9 об. См. также лл.103-107 об., 364 об., 410.

48 Там же, л.459.

49 Там же, кн.955, лл.202-213 об.

50 Там же, ф.281, ГИЗ, по Казани, ед.хр. 6525/104.

щественного расслоения. Передача на оброк не могла не привести через имущественное расслоение к социальному.

Дворцовые крестьяне втягиваются в товарно-денежные отношения. Крестьянин из д.Сухая река Павел Степанов фигурирует в расходной книге митрополита Тихона за 1707 г. в качестве продавца бочек. У него 6 марта 1707 г. "куплено про домовый расход 10 бочек дубовых".⁵¹ Крестьянин Назар Родионов из д.Задние Атары продал "для кузнецного расхода 25 мешков четвертных соснового угля".⁵² Рыбные ловцы получали из казны деньги на рыбные снасти.⁵³

Феодално-зависимое население дворцовых земель Казанского уезда делилось на те же категории, что и дворцовые крестьяне центральных областей России.⁵⁴

Итак, в рассматриваемый период идет противоречивый диалектический процесс роста фонда дворцовых земель и численности крестьян. Это происходит, с одной стороны, за счет активной колонизационной деятельности крестьянства, приписок и включения в хозяйственный оборот пустующих в силу разных причин земель, с другой стороны, отписок незаконных владений от помещиков. Таким путем прежде всего пополнялся объем владений двора, увеличивались его посевные площади. Умножение фонда владений сопровождалось усилением споров за землю. Вместе с тем, из дворцовых земель производились государственные раздачи помещикам, вотчинникам и монастырям. Это вело к уменьшению фонда земель. Почти во всех деревнях уезда была десятинная пашня и правительство придерживалось тенденции на ее увеличение. Земельные наделы крестьянского двора были неодинаковыми как в пределах деревни, так и в пределах уезда в целом. Средняя наделенность крестьянского двора в целом составляла 2,9 дес. Широко распространена была в уезде внеадельная форма землепользования. Передача на оброчное держание пашни было обычным явлением. Значительное распространение получила в рассматриваемый период практика обработки пустующих земель наездом и отъездом.

В дворцовой деревне шел процесс перераспределения земель и других сельскохозяйственных угодий в пользу более зажиточной группы

51 Покровский И.М. Казанский архиерейский дом, его средства и штаты, преимущественно до 1764 года. Казань, 1906, с.214-215.

52 Там же, с.225.

53 ОРРК НБЛ, ед. хр. 567, 2799.

54 Индова Е.И. Указ. соч., с.27.

крестьян. Имущественное расслоение перерастало в социальное.

Большую роль в социально-экономическом развитии края играли частновладельческие крестьяне, ибо частновладельческое землевладение на поместном и вотчинном праве являлось одним "из самых важных звеньев социально-экономической природы общества второй половины ХУП века".⁵⁵

Значительная доля поместных владений - 37,4% приходилась на Нагайскую дорогу, 34,5% - на Зюрейскую, 14,5% - на Алацкую, около 12,5% - на Арскую и 1,2% - на Галицкую дороги. Вотчинные же земли имелись лишь по двум дорогам - Нагайской и Зюрейской. В писцовой книге С.Волынского было учтено за помещиками около 34 тыс. десятин земли, а за вотчинниками - немногим более 1 тыс. десятин. Такое широкое распространение поместной системы в уезде было результатом социально-экономической политики правительства, создавшего себе социальную опору в лице служилого сословия и новокрещен.⁵⁶ К середине ХУП века в уезде насчитывалось 391 русских и 478 нерусских служилых людей.

Испомещенные в уезде русские служилые занимали различные должности: являлись воеводами, подьячими, головами и сотниками стрелецких приказов, толмачами и т.д.⁵⁷ Часть служилых людей являлась выходцами из Российских дворянских родов,⁵⁸ но большая часть была приборными. Это определяло большие колебания в их поместных владениях: от 4,5 до 500 дес. 27% русских помещиков владели поместьями от II до 20 дес. земли, 20% - от 21 до 30 дес., 24-25% - от 31 до 60 дес. и лишь пятеро - от 200 до 500 дес. земли. Из 391 человека 110 владели 1,5 - 2 жеребьями, причем только 8 человек в одной и той же деревне. Размеры окладов свидетельствуют о социальном различии по категориям служилых русских людей и о значительной имущественной дифференциации среди них.

Нерусское служилое сословие уезда было представлено в писцовой книге С.Волынского служилыми мурзами /31 человек/, "татарами /309 чел./, новокрещенцами /135 чел./, "иноземцами /3 чел./, одним

55 Новосельский А.А. Вотчинник и его хозяйство ХУП в. М., 1929, с.3; Индова Е.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Буржуазное расслоение крестьянства в России ХУП-ХУШ вв. - История СССР, 1962, №3, с.87.

56 Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине ХУП-ХУШ вв. (Управление Казанским краем). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982, с.62-71.

57 ОРРК НБЛ, ед.хр. 567, 569, 588, 594/2, 596, 1295/9, 1295/13, 1303/5, 1303/16, 1303/23, 3160, 3176; ЦГА ТАСР, ф.10, оп.5, д.1178, лл.451-456.

58 ОРРК НБЛ, ед.хр. 602. Продолжали жить в уезде и потомки некоторых сосланных в ХУП в. опальных дворян /см.ОРРК НБЛ ед.хр.596/.

"черемисиним".

Мурзы принадлежали к 8 фамилиям: Яшевым, Смиленевым, Камаевым, Бакеевым, Маметовым, Сабакаевым, Утеевым, Тойгильдиным. Владения их были рассредоточены между разными селениями. Так Богдан Яшев имел земли в одиннадцати деревнях, Яштерьяк Яшев - в восьми, Кадырмамет Яшев - в шести деревнях. Самым крупным землевладельцем среди них был Кадрек Смиленев, владевший в общей сложности 561 дес. земли, из них 220 на поместном и 341 дес. на вотчинном праве. Самый маленький жеребей принадлежал Канышу Яшеву - 7,5 дес. У большинства мурз жеребьи по размерам не превышали жеребьи служилых татар. Служилые татары в общей своей массе являлись выходцами из той же ясачной деревни, из земельных владений которой они получали поместные жеребьи. Служилые содержались за счет ясачного большинства.⁵⁹ Существовало три формы испомещения служилых в ясачных деревнях: поместные земли сосредоточивались в одном месте и отмежевывались от ясачных жеребьев; поместные земли располагались между ясачными владениями, но отмежевывались; ясачные и поместные владения не разграничивались между собой. Около 40% служилых татар владели от 2 до 40 дес. земли, 27,5% - от 11 до 20 дес., около 20% - от 20 до 30 дес., 12% - от 31 до 60 дес. земли. Служилые татары в большинстве своем принадлежали к приборным людям и не имели крестьян.⁶⁰

Царские указы, предоставляющие крестившимся иноверцам льготы, привели к возрастанию количества новокрещен в Казанском уезде.⁶¹ Размеры окладов новокрещен также были различными. На долю 95% новокрещен приходилось от 3,5 до 60 дес. земли, а 5% - свыше 100 дес. Степану Макарову принадлежало 358 дес. розчистей и пашни, 116 дес. овиных покосов. 7 жеребьев новокрещен опустели.⁶² Большинство из них крестьян также не имели.

Таким образом, в зависимости от величины поместных окладов среди нерусских служилых людей выделяется несколько социальных групп, самой многочисленной из которых была низшая часть приборных людей, владевшая жеребьями не намного превышающими ясачные. В этом отношении принципиальных изменений с начала века не произошло.

59 ЦГАДА, ф.1209, кн.1128, лл.102, 114, 326-327 об., 356-356 об. 60 Интересно сравнить данные Писцовой книги С.Волынского с Писцовой книгой И.Болтина 1602-1603 года.

61 ДАИ, т.8, №89/1, с.310-311; ДММ, т.2, №182, с.45-46; ПСЗ, т.2, №867, 870, с.312-315.

62 ЦГАДА, ф.1209, кн.1128, л.286.

Социально-экономическая политика царского правительства привела к тому, что в нерусском служилом землевладении определялись два типа поместий: поместья в селениях, полностью принадлежавших одному или нескольким служилым; поместья в селениях, земли которых распределялись между помещиками и ясачными крестьянами.⁶³

Реальные размеры поместий и поместные оклады служилых уезда, как правило, не совпадали. По сыскным книгам Богдана Глухова 1665 г., Петр Карасев имел "государево жалованье" - поместный оклад равный 200 четям, а в дачах за ним в Казанском уезде по Арской дороге значилось только 23 чети /11,5% от оклада/. В 1675 г. за М. Бараковым было 112 чети земли, а оклад он имел 465 чети /20% оклада/, за М. Тютчевым - 6 чети земли при окладе 150 чети /37% оклада/.⁶⁴ Материал источников позволяет говорить о том, что нерусские служилые люди владели от 10 до 60% оклада. Помещикам производились придачи к окладам.⁶⁵

Поместья продолжали оставаться прижитыми владениями и после смерти владельца передавались сыновьям и родственникам умершего по челошью. При наследовании владений происходило их дробление. Вместо одного крупного поместья возникало несколько, которые в условиях отсутствия свободных земель не могли увеличиваться в своих размерах. Наследники крупных феодалов нередко разорялись, закладывая или продавали свои владения.⁶⁶

Широко практиковалась продажа земель и крестьян под видом мены. Мены предусматривали крепость крестьян к земле и в каждом случае несоблюдения данного правила судьба крестьян оговаривалась.⁶⁷

Условный характер поместий сохранялся, но существовавшая практика выделения из поместий прожиточных жеребьев вдовам и дочерям помещика после его смерти, а также относительно свободное манипулирование прожитками их владельцев, несомненно, говорят о происходившем в рассматриваемый период сближении поместья и вотчины.⁶⁸

63 Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897, с. 858; Ермолаев И.П. Указ. статья, с. 13.

64 ЦГАДА, ф. 1209, кн. 1128, лл. 226-227 об., ОРК НБЛ, ед. хр. 1295/12, 1303/34.

65 Там же, ед. хр. 600.
66 ЦГА ТАСР, ф. 10, оп. 5, д. 1164, лл. 13-17; ОРК НБЛ, ед. хр. 1303/4, 1303/18, 1303/21, 1303/35, 1315, 2728, 2731, 2739, 3064, 3069, 3070, 3200, 3207.

67 ЦГАДА, ф. 1209, кн. 955, лл. 187-192 об., 198-201 об.; ОРК НБЛ, ед. хр. 581, 1295/12, 1295/19, 1295/20, 1303/5, 1303/23, 2884, 2885, 3097, 3101, 3160, 3209, 3221, 3223.

68 ЦГА ТАСР, ф. 10, оп. 5, д. 1169, лл. 36-37; ОРК НБЛ, ед. хр. 1303/26, 3233/П, 3233/Ш.

Анализ сохранившегося актового материала убедительно свидетельствует о глубокой имущественной дифференциации среди феодалов. А история сложения поместных владений казанца Ивана Нагирина является ярким образцом обогащения одних феодалов за счет других: за период с 1677 г. по 1696 г. его владения возросли с 137,5 дес. до 536 дес. пашенной земли, не считая иных угодий.⁶⁹

Состояние поместного землевладения Зюрейской дороги Казанского уезда в конце XVII века описано в писцовой книге Ивана Кайсарова 1685-1687 гг. Источник содержит описание 44 русских служилых, пяти прожиточных жеребьев вдов с детьми, двух жеребьев служилых татар и четырех жеребьев служилых новокрещен. Самым крупным представителем феодалов был Никита Змеев. В четырех жилых селениях и одной пустоши он владел на поместном и вотчинном праве 675 четями пашни и 169 дес. сенокосов. Большая часть его земель была куплена или выменена, не гнушался он и насильственного захвата владений служилых новокрещен и ясачных земель. Другой крупный феодал А. Азарьев в четырех селениях имел на поместном и вотчинном праве 374 четей пашенной земли и 62,5 дес. сенокосов. Иван Макаров в двух деревнях - 400 чети пашенной земли и 178,5 дес. сенных покосов. В целом же размеры владений помещиков Зюрейской дороги к концу XVII в. существенно не изменились: 35% владеет поместьями от 3,5 до 10 дес., на долю 13,6% приходилось от 15 до 20 дес., на долю 20,5% - от 30 до 40 дес. земли.

Расширение поместного землевладения происходило за счет хозяйственного освоения заброшенных участков земли, насильственного захвата ясачных земель и степи.

В рассматриваемый период происходит увеличение удельного веса вотчинных земель, вследствие того, что многие помещики получили свои поместные жеребьи после подавления Крестьянской войны под предводительством С. Разина "за государевы службы и за раны" в вотчину.

Феодално-зависимое население частновладельческих земель Казанского уезда состояло из крестьян, бообылей, дворовых людей, за- дворных людей, захребетников, "соседей", Источники различают, в зависимости от путей попадания в холопство, ряд групп дворовых лю-

69 ЦГА ТАСР, ф. 10, оп. 5, д. 1169, лл. 36-37; ОРК НБЛ, ед. хр. 1303/2, 598, 607, 612, 1295/17, 1295/23, 2836, 2864, 2865, 2876, 2879/1, 2879/2, 2879/4, 2879/5, 2892, 2896, 3093, 3179, 3180, 3201, 3232.

дей: старинные, кабальные, купленные, приданные и пленные холопы. Среди "пленных" холопов отмечены люди польского, литовского, калмыцкого, ногайского, черкасского "полону". По-видимому, различий в правовом и социально-экономическом положении между этими группами холопов не было.

В подвергшихся описанию 20 селениях Зюрейской дороги к концу XVII в. насчитывался 261 жилой крестьянский двор, людей в них имелось 1086 человек. Кроме того, зафиксировано 89 пустых дворов. Пять человек крестьян были "в бегах". Средняя населенность крестьянского двора - 4,1 человека. Наделенность дворов землей в среднем на двор составляла 2,4 дес. Бобыльских дворов имелось: жилых 58 и пустых 2, средняя населенность 3,1 человека /всего записано 183 человека/. Дворовых людей было 139 семей с общим количеством населения в 320 человек. Кроме того, 45 человек дворовых людей находилось "в бегах". Таким образом, удельный вес крестьян в деревнях Зюрейской дороги составлял более 68%, бобылей - 10,5%, дворовых людей - 18%, более 3% населения находилось "в бегах".

Помещики старались закрепить за собой возможно большее количество-крестьян. Прибегали при этом к хитрости,⁷⁰ насильству.⁷¹ Крестьян продавали с землей и без земли,⁷² передавали в приданое.⁷³ Низшие слои приборных людей после разорения поступали по кабальным записям "во крестьянство" к феодалам. Например, новокрещен Федор Кондратьев поступил "во крестьянство" к князю Якову Асанову на по-лувить с условием выполнения барщины.⁷⁴ Попадали в крестьянство и холопство к феодалам и ясачные люди. Например, Досай Аишев "воров-ски похолопил по кабалам и по записям и без записей насильством к себе во дворы многих ясачных людей".⁷⁵ Между феодалами постоянно шли споры о принадлежности того или иного крестьянина.

Писцовая книга Ивана Кайсарова свидетельствует о начавшемся процессе расслоения крестьянства. Один из крестьян помещиков Бе-лавинных владеет мельницей под Симбирском, а один из холопов пере-шел в крестьянство. Материал писцовой книги позволяет говорить и

⁷⁰ ЦГА ТАСР, ф.10, оп.5, д.1169, лл.36-37; ОРК НБЛ, ед. хр. 4220/1.

⁷¹ ЦГА ТАСР, ф.10, оп.5, д.1164, лл.116-118.

⁷² ОРК НБЛ, ед.хр. 1303/2, 1303/12, 3210.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же, ед.хр.569, 613, 1295/4, 1791, 1780, 3159, 3172, 4005 4007, 4011.

⁷⁵ ЦГА ТАСР, ф.10, оп.5, д.1173, лл.28-30.

о продолжавшемся процессе миграции населения и колонизации края. Названия ряда селений сохраняют в своем наименовании слова "что был починок", отражая тем самым историю возникновения и развития данно-го селения, появившегося как результат внутренней колонизации и хо-зяйственного освоения земель. Источник фиксирует и все случаи "при-бытия" крестьян "сверх книг". Часто встречающаяся формула "а приш-лых людей и крестьян за ним нигде нет", также свидетельствует о на-личии широкого процесса миграции населения.⁷⁶ Появляются новые се-ления - выставки из материнского селения: из Больших Клыков выстави-лись Малые Клыки, из Большой Елани - Малая, из Большой Шахазды - Ма-лая и т.д.

В Казанском уезде деревни были многодворными. По книге Ивана Кайсарова на деревню в среднем приходится 16-17 жилых дворов. В каждой деревне имелось от 1 до 5 пустых дворов.

Частновладельческие крестьяне Казанского уезда несли феодаль-ные повинности и подати в пользу государства и своих владельцев: платили сошный "стрелецкий хлеб", "рублевые" и "полоненичные" день-ги, исполняли ямскую и постоянную повинности. При эксплуатации част-новладельческих крестьян, как и дворовых, применялись все три фор-мы феодальной земельной ренты: отработочная, продуктовая и денежная.

Социальный протест против феодальной эксплуатации чаще всего находил свое выражение в побегах, участии крестьян в "грабежах и розбоях". Так, вследствие бегства хозяев запустели тягла крестьян в д.Смоленцово, займище Костаревском, Кукарской слободе. Бежали крестьяне в степные просторы юго-востока, переходили на другие зем-ли в пределах уезда, искали облегчения своей участи на монастырских землях. Во время следующей переписи они включались обычно в разряд "новоприходцев" по конкретному месту своего жительства. Выходцы "дворцовых волостей из розных сел и деревень" и помещичьи крестья-не обнаружены в 1686 г. стольником С.И.Толстым и подъячим А.Волко-вым в Казанском уезде в "пустом диком большом лесу" за р.Сумкой. Писцы записали в 20 дворах д.Безводной 81 человек мужского пола.⁷⁷ Стольник Г.Супонев в 1678 г. записал в селе Икимени - погосте Николая Залесского Нагайской дороги - на церковной земле 9 дворов крестьян,

⁷⁶ ЦГАДА, ф.1209, кн.434, лл.53 об., 57 об., 91, 126 об., 131 об.

⁷⁷ ЦГАДА, ф.1209, кн.1, л.95-99.

из них владельцы восьми дворов являлись выходцами дворцовых деревень разных уездов.⁷⁸

Самое активное участие приняли рассматриваемые категории крестьянства и в Крестьянской войне под предводительством С.Разина.

Таким образом, самой распространенной формой землевладения во второй половине XVII столетия становится частновладельческая (на поместном и вотчинном праве). Развитие этой формы землевладения шло в рассматриваемый период не только вширь, но и вглубь, и приводило к активизации социальной дифференциации господствующего класса, к усилению эксплуатации и классовой борьбы.

С.Х.Алишев

СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ СЛУЖИЛЫХ ТАТАР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI - XVII веков.

Социальная эволюция служилых татар после присоединения Казанского ханства к Русскому государству уже привлекала внимание историков. Об этом свидетельствуют, в частности, работы Г.Губайдуллина, М.Г.Сафаргалеева, В.А.Нестерова, Р.Н.Степанова.¹ Хотя не со всеми их положениями и выводами можно безусловно согласиться, исследования этих авторов заострили внимание к этой теме, наметили определенные пути ее изучения.²

Цель данной статьи - продолжить изучение социальной эволюции служилых татар во второй половине XVI-XVII веков на базе разнообразного и сравнительно широкого источникового материала: летописных сведений, актов и архивных документов, писцовых, разрядных и всевозможных справочных книг, специальной литературы, некоторых татарских изданий на арабском шрифте.

⁷⁸ ЦГАДА, ф.1209, кн.1, лл.95-99; ф.281, ГКЗ, по Казани, ед.хр. 6627/219.

¹ Губайдуллин Г.С. Татар тарихы. М., 1925; он же. Из прошлого татар. - Материалы по изучению Татарстана. Вып.2, Казань, 1925; он же. История классов у татар в XVII-XVIII и начале XIX столетия. Казань, 1925; К истории разложения феодального класса у приволжских татар. - Востоковедение. I-II, Баку, 1928 и др.; Сафаргалеев М.Г. К истории татарского населения Мордовской АССР. - Труды НИИЯЛИЗ Мордовской АССР. Вып. XXIV, Саранск, 1963; Нестеров В.А. Чувашия в составе Русского государства во второй половине XVI и начале XVII веков. Материалы по истории Чувашской АССР. Вып.1, 1958; он же. Нерусские помещики и их крестьяне в Среднем Поволжье /вторая половина XVI-XVII вв./ - Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья /XV-начало XX в./, Саранск, 1979; Степанов Р.Н. К вопросу о служилых и ясачных татарах. Сборник аспирантских работ. Казанский государственный университет, 1964.

² См. Алишев С.Х. Газиз Губайдуллин как историк. Исследования по историографии Татарии. Казань, 1978, с.46-53.

Казанское ханство являлось феодальным государством. Это означало, что власть в государстве принадлежала феодальному классу. Основой феодального строя в Казанском ханстве являлось сюрдальное право феодалов на сбор податей с населения определенной территории. Источники не позволяют указать ни на размер, ни на количество таких сюрдальных участков. Имелись также феодалы, пользующиеся тарханскими правами, которые освобождались от всяких податей, обязанностей и становились полновластными хозяевами своих земельных владений. Сюда же надо отнести многочисленных духовных феодалов: сейдов, имамов, шейхов, мулл, муллазаде, азеев, абизов и др.

О количестве феодалов Казанского ханства точной цифры мы не имеем. Известно, что в строительстве г. Свияжска в мае - июне 1551 г. участвовало 500 казанских князей, мурз, уланов и казаков,³ которые раньше эмигрировали в Москву из-за гнета Сафа Гирей хана и крымцев. В ноябре 1551 г. в царском дворе Шах-Али было убито 70 чел. именитых вельмож Казани.⁴ В марте 1552 низложенный правительством Ивана IV хан Шах Али при уходе из Казани в Свияжск вывез с собой, якобы на рыбалку 84 чел. видных князей, мурз и сдал их воеводам.⁵

Много было и сельских феодалов. А.Курбский с удивлением писал, что в Заказанье "дворы княжат их и вельможей zelo прекрасны... и села их часты..."⁶ В ходе антифеодального восстания после падения Казани сами крестьяне только в 1555 году в этом районе побили 1560 чел. князей и мурз.⁷

Завоевание Казанского ханства в 1552 году - важный рубеж в истории народов Среднего Поволжья. Мощь татарских феодалов была сломлена, сюрдальное право ликвидировано. Оставшаяся часть феодалов должна была всецело ориентироваться на политику московского правительства.

Лояльные русскому правительству татарские феодалы остались на месте и должны были служить новой власти. Их стали называть мурзами и служилыми татарами. Княжеский титул среди них тоже встречается. Однако больших вотчин и поместий не было. Это говорит о том, что здесь правительство на создание или восстановление крупных землевладений не шло. Примерами служб лояльных бывших феодалов новой власти могут быть следующие факты. После падения Казани служилым людям было выделено особое место для заселения за городскими сте-

³ ПСРЛ, т.13, с.160-161.

⁴ Там же, с.172, 472.

⁵ Там же, с.174, 474.

⁶ Записки А.Курбского. РИБ, XXXI, с.190-191.

⁷ ПСРЛ, т.13, с.247-248.

нами, за Булаком и Кабаном. Эта татарская слобода в 150 дворах заселялась служилыми татарами, участвовавшими во взятии Казани, людьми из Горной стороны, находившимися в составе татарского войска Шига-лея и др. Из их состава правительство набирало не только воинов, но и толмачей - переводчиков. Новая власть не могла обойтись без местного управления, поэтому она сохранила некоторых сотников или сотных князей, мулл, абззов, старост и т.д.

Известный в исторической литературе Камай Мурза Хусаинов, перешедший к Ивану IV в начале штурма Казани /22 августа 1552 г./, после взятия города сразу же начал служить новой власти. Он вместе с сыном боярским Казариновым ездил к арским людям принять присягу в верности и вернулся оттуда 10 октября того же года.⁸ За верную службу и в дальнейшем ему пожалованы были поместные земли. Это был дед того Камае Смиленева, поместье которого по писцовой книге 1603 года по Арской дороге было самым крупным среди других /600,5 десятины всех угодьев/.⁹ Между прочим, указанная писцовая книга для подтверждения поместных прав служилых мурз и князей ссылается на выписки прежних лет, начиная с 1556-1556 годов. В 1557 году казанские воеводы жаловали "старых казаков Юлгуша Бакшандина со всеми угодьями, как было при Магмее /Мухамед Амине/ царе".¹⁰ Кроме того, в ней много указаний на то, что служилые мурзы и татары владеют поместными угодьями "без дач", "по старине", т.е. владели "теми жеребьи отцов их и дядья и братья до Казанского и после Казанского взятия".¹¹

Некоторая часть служилых феодалов, таким образом, оставалась на своих земельных владениях по-прежнему, как было при Казанском ханстве, но в дальнейшем, особенно когда возникали спорные дела о земельных владениях, "угодья без дач", земли без жалованных указов не признавались юридически царской администрацией. У владельцев "угодьев без дач" были зависимые крестьяне, но "по обычаю азиатских областей без крепостей".¹² А у владельцев земельных угодий по жалованным грамотам крестьяне становились крепостными в силу этих грамот.

⁸ ПСРЛ, т.13, с.221.

⁹ Писцовая книга Казанского уезда 1602-1603 годов. Изд. Каз. ун-та 1978, с.117-120; Г.Губайдуллин. К истории разложения феодального класса у приволжских татар. - Востоковедение, т.11, Баку, 1928, с.4-10.

¹⁰ Там же, с.173.

¹¹ Там же, с.135 и др.

¹² Государственный архив Оренбургской области. ф.3, оп.1, д.101, л.3-8,32.

Оставалось также мусульманское сельское духовенство. Муллы и их мечети тоже имели земельные участки /Вакуфное землевладение/. Кроме того, они собирали с населения религиозные подати: зякать /10% от всех доходов мусульман/, гошур, фитыр и другие пожертвования. Разбогачившись, некоторые из них в дальнейшем сделались крупными феодалами. Об одном из них Абдуризаке в своих "Материалах по археологии" писал К.Насыри. Первый муфтий М.Хусаинов от самой Екатерины II получил большие земельные владения. В XVIII-XIX вв. эти духовные феодалы, особенно ишаны, имели даже больший вес в татарском обществе, чем помещики-мурзы. Они подчиняли себе все крестьянство не только в духовной, но и в общественной жизни.

Феодалы очень цепко держались за свои владения, они иногда умудрялись взимать налоги в свою пользу с государственных ясачных крестьян по традиции прежних времен Казанского ханства.¹³ Исходя из таких данных, можно поставить вопрос: не был ли отцом известных князей XVII-XVIII вв. Яшевых арский князь Явуш, участник обороны Казани в 1552 г. и соратник Япанчи. Сын соратника Степана Разина Хасана Карачурина, крещенный и закрепощенный Анас /Оналка/ уже в XVII в. после восстания 1670-1671 гг. тоже требовал себе отписанные отцовские земли.¹⁴ Сын Явуша, если не он сам, в XVI в. тем более быстрее могли восстановить свои прежние владения. Все это позволяет считать, что не все феодалы были ликвидированы и вывезены отсюда в центральные районы страны. Из сохранившихся князей на Горной стороне известен князь Макул, чье имя носит до настоящего времени деревня Верхне-Услонского района. Его потомки крестились (на этом факте мы остановимся ниже).

Таким образом, совокупность фактов показывает, что после присоединения Казанского ханства часть татарских феодалов, поступивших на службу к царскому правительству, сохранилась, хотя и не приняла христианство. Н.Ф.Калинин писал, что через 10-15 лет после падения Казани только в левобережье Волги /т.е. в Казанском уезде/ источники упоминают 200 татарских землевладельцев.¹⁵

Другую группу феодалов составляли кипчакско-мишарско-ногайские князья и мурзы, заселявшие мордовско-мещерские места, а также расселенные в центральных районах России. Многие из них заселяли междуречье Оки и Суры задолго до образования Казанского ханства. Они построили здесь города как Наровчат, Кадом, Елатма, Касимов, Тем-

¹³ Писцовая книга, с.117.

¹⁴ Русский архив 1915 г. № 11-12, с.285-286.

¹⁵ Калинин Н.Ф. Казань. Исторический очерк. Казань, 1955, с.54.

ников и некоторые др. Известные фамилии татарских князей: Седахметовы, Акчуринны, Кутушевы, Тенишевы, Еникеевы, Енгалычевы имели своим родоначальником некоего князя Бехана из кыпчакских степей. В XIV в. в районе р.Пьяны появляется князь Секизбей, в Наровчате князь Тагай из Бездежа, царевич Арабшах и другие феодалы. Их потомки, постепенно умножаясь, в дальнейшем концентрировали местное население вокруг городов и сделались владельцами мордовских беляков. /Беляк от слова буляк-подарок/.

В своих владениях эти князья действовали как в настоящих княжествах: выделяли своим мурзам и слугам поместья, судили людей и устанавливали свои порядки среди зависимого населения. В XV в. эти земли больше тяготели и зависели от русских княжеств, чем от Казанского ханства.¹⁶ С образованием Русского государства эта зависимость получила форму вассалитета татарских князей, прямой службой их русским государям. Так, князь Аккура, меньший брат Седахмета признал себя вассалом Василия III и в 1509 г. был пожалован землями в Мордовии. Точно также князь Тениш в 1528 г. пошел на службу к московскому великому князю. За это ему кроме г.Темникова, которым он владел и до этого, пожалованы были села Верхнее Быково и Козлово. От Ивана IV, тоже до падения Казани, Кадомский мурза Исеней Мокшев, сын Бутаков получил княжение над рязанскою мордвою Кирдяновского беляка.¹⁷ Такие феодалы со своими отрядами участвовали в походе Ивана IV и при взятии Казани в 1552 г. Например, Еникей князь Тенишев, присоединившись в пути к Ивану IV, служил со своим татаро-мордовским отрядом в Ертоульском полку и принимал деятельное участие не только во взятии Казани, но и в подавлении восстаний в 1552-1558 г.¹⁸ Благодаря этому, он в 1558 г. стал воеводой в Темникове. пожалования продолжались и в XVI-XVII веках. Князю Давлеткильдееву в 1563 г. был пожалован Кирдяновский беляк на р.Суре, служилым мурзам Р.Алтышеву с 20 товарищами в 1586 г. - поместья в Арзамасском уезде, а касимовец Сарай мурза Уразай Енашев в 1631 г. положил начало городу Рузаевке.

В XVII в. из фамилии Кутушевых владели беляками князья Акири - Ерыхтинским /22 села/, Тениш - Киржанским /24 села/, Еникей - Темниковским, Енгалыч - Телядилским и т.д.¹⁹ В 1629 г. в Арзамасском

¹⁶ Сафаргалеев М.Г. Указ. соч., с.74-75.

¹⁷ Там же, с.75.

¹⁸ ПСРЛ, т.13, с.199-200, 246-247.

¹⁹ Сафаргалеев М.Г. Указ. соч., с.74.

уезде было 216, в Алаторском - 420 служилых татар, а в старых в Касимовском, Кадомском и Темниковском уездах их насчитывалось соответственно 409, 250, 389 чел.²⁰ В дальнейшем княжеские роды измельчались, владения их дробились между наследниками, сами они использовались, кроме ратных, в других разных службах. Например, в 1642 г. в связи со строительством г.Саранска переведены были сюда темниковские служилые, а в 1646 году, когда строился г.Инсар - другая группа темниковских мурз и татар. В 1648 году в Курмышском уезде служилых татар считали 386 чел. А во второй половине XVII в. эти мишари появляются на территории Татарии и Башкирии. Так, на Большой и Малый Черемшан и Шешму в 1658 году их переселили из Арзамаса, Темникова и Саранска. В Бирске они появились в 1664 г., в Уфе - 1683 году.²¹ Отдельных представителей потомков служилых князей в XVIII-XIX вв. мы можем увидеть среди Оренбургского дворянства. Например, в 1796 г. после доказательства на Оренбургском дворянском собрании своего происхождения от "благородных предков", именным указом императора Павла были утверждены в дворянских правах князья Янбулатовы, Яушевы, Акчуринны, Чанышевы, Диваевы, Маминны, Маматкозины, Сакаевы, Кудашевы и мурзы Кашаевы, Бигловы, Еникеевы, Терегуловы, всего 235 чел.²² Еще раньше дворянское звание имели здесь мурзы Давлетшинны, Бикчуринны, Айтовы, Ахматовы, Кукляшевы, Куватовы, Кайсаровы²³ и др.

Многие княжеские роды были очень разветвленными. Еникеевы, например, имели имения в разных уездах и жили там каждый со своими семьями. Один из них был депутатом Екатерининской комиссии 1767 г. и выступал там с требованием не равнять служилых мурз с простыми ясачными татарами.²⁴ Таким же разветвленным представляется род Тенишевых.²⁵ Один из крупнейших фамилий Енгалычевых в XVI в. в дальнейшем постепенно захирел. Хотя один из князей Енгалычевых сопровождал Екатерину II в поездке в Казань в 1767 году, другой князь Осип Енгалычев явился активным участником Крестьянской войны 1773-1775 гг. под предводительством Пугачева. В допросе следственной комиссии он свое участие в пугачевском восстании объяснял так: "по притеснению его от со-

²⁰ Книга разрядная, т.II, СПб., 1885, с.199-200, 296.

²¹ Материалы по истории Башкирской АССР, т.I, ч.I, М-Л., 1931, с.147-202.

²² Государственный архив Оренбургской области, ф.6, оп.I, д.56, л.1-2.

²³ Там же, ф.38, оп.I, д.7, л.5-17; д.2, л.8-II, 149-150, 176-200

²⁴ Сб.Русского исторического общества, т.2, с.543.

²⁵ ПСЗ, т.2, № 867, Дополнения к актам историческим, т.УШ, № 89, с.310-311.

седних русских помещиков земли для его пашни стало недостаточно".²⁶ Отпрыски князей Енгальчевых Прокофий и Сергей Карлович в 1860 годах служили в Оренбурге простыми письмоводителями, не имея никаких чинов и титулов.²⁷

В центральных районах России интерес представляют так называемые Романовские и Ярославские служилые татары. Кстати, без учета различия в происхождении административные органы и вся историческая литература ногайско-кипчакских, мишарских феодалов называли татарскими. Впоследствии, действительно, все они, не принявшие христианство, вошли в состав татарских феодалов.

Ногайский мурза Исмагил в 1555 году убил своего брата князя Юсуфа (отца Казанской царицы Сюймбеки) и сам стал князем.²⁸ В 1563 г. Исмагил отправил в Москву заложниками младших сыновей Юсуфа Иль мурзу и Ибрагима Мурзу. Им с их дворами и людьми пожалован был Романовский округ с селами и деревнями. Отсюда романовские татары и знаменитые князья Юсуповы. В 1647 г. служилые татары писали царю, что Романовский воевода посадил их в тюрьму "сажал в чепь и железа",²⁹ принуждая принять православие. Хотя царь велел воеводе насильственно их не крестить, все же они были ликвидированы. Некрестившаяся часть романовских и ярославских служилых была отослана со своими семьями в г.Углич, где их поместили в постоянные дворы, а кормить их должны были крестившиеся родственники, которым отдавались их поместья. Очевидно в эти же годы приняли христианство князья Юсуповы. Сын Иль Мурзы Сеуш мурза служил с романовскими татарами в войсках и в 1656 году умер. Хан-мурза Джан-мурзиневич Юсупов, внук Сеуша, впервые стал православным Юсуповым. Затем принял крещение один из сыновей Сехша Абдул мурза и получил титул князя. Сын Абдул мурзы /Дмитрий Сеушевич/ Григорий Дмитриевич /1676-1730/ дослужил до генерал - аншефа и сенатора.³⁰

Интересна история рода Тевкелевых, хотя мы пока точно не можем указать на их родоначальника. Активно участвовавшие в Крестьянской войне под предводительством Е.Пугачева крестьяне дер. Терса /Ар-

²⁶ Алишев С.Х. Татары Среднего Поволжья в пугачевском восстании. Казань, 1973, с.129.

²⁷ Справочная книга Оренбургской губернии на 1870 год. Оренбург, 1870, с.39.

²⁸ Из многочисленных ногайских мурз один старший считался князем и обладал номинальной верховной властью.

²⁹ История Татарии в документах и материалах. М., 1937, с.150.

³⁰ О роде князей Юсуповых. СПб, 1866, ч.III, с.46-68.

рызский р-н ТАССР/ разгромили имение Тевкелевых и все архивы были во время пожара уничтожены. По некоторым данным на рубеже XV-XVI вв. жил ногайский князь Тевкель. Он был родным братом известной царицы в Казани и Крыму Нур Салтан. Когда Крым окончательно ликвидировал Большую Орду /1502 г./, его политика на этой территории была направлена против ногайцев за установление своего господства на Нижней Волге. В такой ситуации Тевкель переходит из ногайцев в Крым под защиту сестры и зятя Мингли-Гирея. Есть сведения и о том, что один из служилых татар Тевкель по поручению Ивана III в 1499-1505 годах два раза посетил Крымское ханство.³¹ Тогда Москва была в союзе с Крымом и имела дружеские сношения. Может быть этот Тевкель одно и то же лицо. В 1530 г. казанский князь Тевкель был в составе Казанской делегации, ведшей переговоры в Москве о мире. В то же время на московской службе находился Мустафа Тевкелев.³² Может быть ногайский Тевкель пришел в Казань из Крыма с Сафа Гиреем, а московские Тевкелевы другие? В 1545 г. московские воеводы на обратном пути из Казани разорили имение Муртазы Тевкелева на Свияге, а самого его увезли в плен. А в 1546 г. князь Тевкель снова участвовал в составе Казанского посольства в Москве.³³ Наверное эти двое-отец и сын. После взятия Казани один из Тевкелевых служил в Свияжском воеводстве. Его потомок Константин Тевкелев имел поместья в Казанском и Свияжском уездах и активно участвовал в подавлении Крестьянской войны 1670-1671 гг. под предводительством Ст.Разина.³⁴ Крепостные акты поместного разряда начинают упоминать Тевкелевых от Уразлея.³⁵ Сыном его был Уразмамет, а последнего - Девлетмамет. Сын Девлетмамета Мамеш был отцом известного генерала Кутлумухамеда Тевкелева /Алексея Ивановича/. Предки его являлись Ярославскими мурзами. Девлетмамет, например, имел поместья в Ярославском и Владимирском уездах и четырех сыновей: Сафара, Булыша, Мамета и Мемеша. Сын Сафара Абдулла крестился и эта ветвь как татарская здесь прекращается. О нем Булыше известий не имеется. Мамет, очевидно, имел сына Абдрах-

³¹ ПГАДА, ф.123, кн.2, лл.798, 1105.

³² Там же, д.18, л.1629; ПСРЛ, т.13, с.54.

³³ ПСРЛ, т.13, с.446-448.

³⁴ История Татарии в документах и материалах, с.382.

³⁵ Временник Московского общества истории и древностей Российских. М., 1852, кн.13, с.12-14.

мана, так как Рамазан Абдрахманович являлся двоюродным братом Кутлумухамета Мамешовича Тевкелева и служил в посольском приказе переводчиком. Его сын Муртаза продолжал отцовское занятие во второй половине XVIII в. в чине коллежского асессора и занимался научными делами. Напр., в 1754 г. он сверял московский список с петербургским /с подлинником/, а затем составлял комментарий к известной истории Абулгази Бахадур хана.³⁶

Поместья Мамиша Давлетмамбетовича были во Владимирском, Касимовском и Керенском уездах, а Ярославское имение его отца уже не упоминается. А Кутлумухамет Мамешович и его сын Юсуф /Осип Алексеевич/ не имели их ни в Владимирском, ни Керенском уездах. В XVIII в. их имения находились на территории современной Татарии: в Агрызском районе Терсинская волость, Казанское подгородное поместье, за р.Камой в дер. Измерях, в Бутульминском ведомстве и Белебейском уезде дер. Килем. Имения в Касимовском и Керенском уездах, очевидно, ушли из их рук в качестве приданого дочерям Мамеша: его дочь Зулейха вышла замуж за Керенского мурзу Максютова, а вторая, Ураз за Касимовского мурзу Шакулова. Тевкелевы со службой были связаны в основном с **окраинами России**. В XIX веке в Среднем Поволжье имений Тевкелевых мы не видим, они появились в Оренбургском крае, как и у многих других татарских феодалов, которые были посланы туда в 1737 г. для строительства городков и крепостей.³⁷ Кутлумухамет Тевкелев в 1711 году сопровождал Петра I в качестве переводчика в турецком походе, а в персидском походе 1722 года был старшим переводчиком в секретных делах при Петре I. По возвращении Петр I намеревался послать его в казахские орды для приведения их в Российское подданство. Но это тогда не осуществилось. Лишь в 1730 г. стало возможно осуществить такую миссию. "Я подвергал себя, - пишет сам Тевкелев, - опасности около двух лет ради благо отечества."³⁸ За содействие в присоединении Казахстана к России он получил чин полковника с полным армейским жалованием. Жестоко подавлял башкиро-татарские восстания в 1736-1740 и 1755 годах, за что получил от правительства чин генерал-майора, а от народных масс прозвище "дьявол-мурза". Сын его секунд-майор Осип Алексеевич был убит в 1773 г. восставшими крестьянами-пугачевцами в дер.Акбаш и погребен багачами дер.Байряки /совр.

36 Азиатский вестник. СПб., 1826, с.235.

37 ШТАД, ф.248, оп.3, кн.139.

38 Временник Московского общества истории и древностей российских, с.16.

Бавлинского р-на ТАСССР/. Шагин-Гирей Юсупович Тевкелев /Петр Осипович/ в 1789 г. служил ефрейтором-капралом, за ним числилось крепостных душ: в Уфимском наместничестве - 897, в Вятском - 1130 и в Рязанском - 83 чел.³⁹

Примечательно, что Тевкелевы среди русских носили христианские имена, а у себя дома и среди татар-мусульманские. По-видимому правительство относилось более благосклонно к некоторым мурзам за их особые заслуги и не очень принуждало принимать православие. Хотя Петр I в 1713 г. требовал крещения служилых татар в полгода, это мало касалось крупных феодалов. Салимгерей Шагингереевич Тевкелев во второй половине XIX века сделался даже муфтием всех мусульман внутренней России и Сибири.⁴⁰

До XVIII в. сохранились также в мусульманстве Каринские татарские феодалы /их называли также арскими князьями/. В 1545-1552 годах они были в сторожевом полку князя Серебряного и приняли участие во взятии Казани. За это им были пожалованы поместья на р.Чепче. Князья Девлетьяровы, Казневы, Карачурины, Мурсейтовы, Азегметовы и Малышкины владели всеми поместьями и угодьями, лугами и лесами по р.Чепче в сторону Карина до р.Бахтыевки и "исполняли государеву конную службу"⁴¹ по праву тарханских царских грамот.

Многие Золотоординские феодалы, крестившиеся до и после присоединения Среднего Поволжья влились в состав русского дворянства. Последние цари Казани Утямыш Гирей и Едигер были крещены в 1553 году. Шах Али московский служилый хан Казани и Касимова до своей смерти в 1567 году оставался в своей вере и верно служил в качестве Касимовского хана и военачальника в Ливонской войне. Н.Загоскин подсчитал, что из всей массы крестившихся **золотоординских князей и мурз** одиннадцать родов достигли боярства в период от Ивана III до Петра I /Сабуровы, Давыдовы, Хитровы, Матюшкины, Нарышкины, Юшковы, Глинные, Сулешевы и Урусовы/ и 8 родов достигли околичества. В высшем слое Московского служилого класса всего выходцев из татар было 130 родов. Среди них Загоскин приводит такие фамилии, как Дашковы, Державины, Вельяминовы-Зерновы, Мещерские, Огаревы, Апраксины, Рос-

39 Там же, с.20 /Терсинская волость тогда входила в Вятское наместничество/.

40 Шура, 1915, № 2 и 4.

41 Сборник "Столетие Вятской губернии". Вятка, 1881.

топчины, Тимирязовы, Тургеневы, Хомяковы - Языковы и др.⁴² О некоторых татарских родах среди русских феодалов писала также М.Е.Бычкова.⁴³ Из среды казанско-татарских феодалов крещенных тоже было немало. К таким полноправным помещикам можно отнести бывших татарских феодалов Сабуровых, Бибиковых, Асановых, Камашевых, Молоствовых, Макуловых-Каменевых и др.⁴⁴

Для иллюстрации судьбы таких родов можно привести пример князей Макуловых-Каменевых. Родоначальником этого рода был князь Макул, о котором упоминалось выше. Его имение находилось на Горной стороне, недалеко от р.Свияги. После взятия Казани Макул крестился и служил в г.Свияжске. Внук его Кузьма стал уже посадским человеком. По преданию, Кузьма несмотря на гонения старообрядцев при патриархе Никоне остался твердым как камень. Отсюда якобы ему было присвоено прозвище Каменев. Потомок Макула Петр Григорьевич Каменев во второй половине XVIII в. стал президентом Казанского губернского магистрата, в 1773-1775 годах был Казанским городской головой. При посещении Екатериной II Казани /1767 г./, будучи бургомистром магистрата, получил от нее шпагу. Сын его Гаврил Петрович Каменев, первой гильдии купец и бургомистр городского магистрата, был известным Казанским поэтом, автором баллады "Громваль". Его внучка Анна Петровна Фукс, жена профессора К.Ф.Фука, была также известной поэтессой Казани. Имение и земли Макула в Свияжском уезде, пожалованные ему Иваном Грозным, перешли к родственникам князьям Макуловым, из которых одни приняли православие, другие оставались в мусульманстве. Один из князей Макуловых служил при Екатерине II в чине полковника.⁴⁵ В 1622 г. за крещение получили награждения и титул князя бывшие татарские мурзы Тургеневы, Куликовы, Урусовы.⁴⁶

В XVII веке началась отписка имений мусульманских помещиков, у которых были крепостные крестьяне православной веры. Крестившись, некоторые из них просили, чтобы им вернули поместья. Например, в 1681 году одну из челобитных новокрещенных мурз просьбой об оставлении за ними их родовых поместий подписали следующие татарские феодалы из Мордовии: Андрей Мостовин /Мустафин/, Давлет Кильдеев, Алек-

42 Загоскин Н. Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси. Казань, 1876, с.181, 195.

43 Бычкова М.Е. Родословные книги XVI-XVII вв. как исторический источник. М., 1969.

44 История Татарской АССР, т.1, Казань, 1951, с.253.

45 Агафонов Н. Казань и казанцы. Казань, 1906, с.37-42.

46 ЦГАДА, ф.131, кн.3, д.7, с.4-11.

сей Мостовин, Семен и Иван Алмашевы, Александр Маметов, Василий Сафонович Тенишев и др.

В XVI-XVII веках правительство нуждалось в службе татарских феодалов, в их коннице. Поэтому оно приписало в служилое сословие многих татар бывшего Казанского ханства, раздавало им поместья за службу. По размерам земельных владений служилых татар XVII в. можно подразделить на несколько групп. Высшая группа феодалов владела от 500 до 1000 и более десятин земли: пашня, сенокосные дуги и лес. В Казанском уезде их было немного, но в Среднем Поволжье в целом и в центре их было несколько десятков. Эти князья и мурзы в XVI-XVII вв. играли еще заметную роль в общественной и экономической жизни. Вторую, среднюю группу представляли помещики с земельными владениями от 100 до 500 десятин. По Писцовой книге 1602-1603 гг. в Казанском уезде таких феодалов было более 30 человек.^{45а} Впрочем, источники XVII в. пожалование служилых татар 200-500 десятинами земельных угодий считают обычным явлением.^{46а} Третью группу составляли мелкие служилые люди, владевшие от 50 до 100 десятин земли. И самые низкие оклады поместной земли /до 50 десятин/ были у рядовых служилых, мало чем отличавшихся от основной массы крестьянства. Что касается служб, то она в основном заключалась в их участии в военных походах против внешнего противника, а также и против выступлений народных масс, крестьянских восстаний и войн. Вот некоторые данные.

По разрядным книгам 1617-1618 годов под Псков были посланы против немцев московские новокрещены и татары в количестве 133 чел., каюмовские - 200, темниковские - 150, кадомские - 115, курмышские - 60, арзамасские - 84, шатские - 15, алаторские - 115 чел. Романовские, прославские и казанские /101 чел./ служилые татары в 1618 г. использовались под Смоленском и т.д.⁴⁷ Таких примеров можно привести много, начиная с середины XVI в. В целом татары в русской армии в XVI в. составляли около 10%, в 1651 их было 6,5% или 9113 чел. конных воинов.⁴⁸ Татарские феодалы и служилые люди использовались также и на восточной границе в качестве иррегулярных войск, на строительстве городков, кре-

45а Писцовая книга Казанского уезда 1602-1603 годов. Казань, 1978, с.137-139, 115-116, 139-140 и др.

46а История Татарии в документах и материалах. М.-Л., 1937, с.172-174 и др.

47 Временник общества истории и древностей Российских. М., 1849, кн. III.

48 Чернов А.В. Вооруженные силы русского государства в XV-XVII вв. М., 1954, с.95, 167.

постей и т.д. Однако по мере того как границы удалялись дальше на восток, государство все более укреплялось и стало населеннее, правительство в их военной службе особенно нуждаться не стало.

К 1716 году, когда производили учет татарских помещиков-крепостников для отписки православных крепостных, в Казанской губернии "служилых иноверцев", главным образом из татар, было 9060 чел. м.п. Сюда надо добавить и некоторых других, не входящих в Казанскую губернию, например, касимовских служилых мурз и татар, о количестве, которых мы говорили выше. Общее количество земли и крепостных крестьян этих феодалов пока учету не поддается. Но в 1716 г. в руках только касимовских татарских помещиков было 8795 душ крестьян. У темниковских мурз отписали в эти годы 1765 русских крепостных крестьян.⁴⁹

В XVIII в. христианизация принимает насильственный характер. Не только служилые, но и все другие должны были креститься. В результате ко второй половине этого столетия чуваша, мари, мордва, удмурты в своей основной массе приняли православие. В 1713 году Петр I своим указом потребовал крещения служилых помещиков в полгода. В противном случае их поместья отписывались на государя. В 1715 г. им было разрешено оставлять имения с татарским крепостным населением. С этого времени начинается ликвидация этого класса. К середине XVIII в. он полностью разложился.

Татары мало крестились. Из-за этого большинство рядовых служилых лишилось своих имений. Они должны были опуститься на одну ступень ниже по феодальной лестнице и стать государственными крестьянами наряду с ясачными. Сохранила свои позиции лишь небольшая группа бывших князей и мурз. Характерным явлением было и то, что из одного рода феодалов одни крестились, другие нет. Например, из родословной князей Максудовых видно: крещеный Батыр Исмагилович князь Максудов работал переводчиком в коллегии иностранных дел, другие служили офицерами, а некоторые князья Максудовы, оставаясь в мусульманстве, использовались на мелкой службе.⁵⁰

В это время переходят в православие князья Кулунчаковы /предки А.И.Куприна/ Кутушевы, Кадомцевы и другие мурзы. Некоторые люди из указанных фамилий оставались опять-таки в своей вере. Но они постепенно измельчались и не имели уже феодальных владений и привиле-

⁴⁹ Ключков М. Население России при Петре Великом, т. I, СПб., 1911, с. 314-323.

⁵⁰ Шура, 1917, № 6, с. 139-143.

гий.

Сукрталное право, распространенное в Казанском государстве, давало возможность феодалам собирать поборы с населения определенной территории, но не касалось личной свободы крестьянина. Крепостную зависимость от частновладельцев татарское крестьянство начало испытывать только после присоединения, но и то в ограниченном количестве и в отдельных случаях. Ясачных крестьян Агрийского района Тевкелевы сумели закрепить, крестьяне против них повели вековую борьбу, утверждая, что "отцы и деды их никогда в крестьянстве не были".⁵¹ Но другим служилым это мало удавалось. Традиция не позволяла сделать единовещи рабом. Правительство же на раздачу ясачных крестьян помещикам не шло в фискальных интересах. Поэтому татарские феодалы никогда не имели достаточных рабочих рук, т.е. крепостных татарских крестьян. Они старались иметь крепостных из числа русских, мордовских крестьян, с контра военных действий привозили немецких, литовских, польских пленников и сажали их на своих землях. Но законы XVIII в. категорически требовали отписки православных крестьян от князей и мурз и пленных уже не стало. В 1781 году татарских крепостных крестьян насчитывалось в Казанском уезде только 540 чел. Поэтому землевладельцы-помещики, хотя некоторые имели земельные площади, обрабатывали их силами ясачников-крестьян, сдавая им земли в аренду.⁵² Но это тоже их не спасало. Постепенно эти земли переходили к ясачным землям, а владельцев иногда и самих записывали в ясачники. Например, служилые помещики дер. Нур-овар Толбай и Кулбай Ишеевы владели поместьем на Чурик реке за Каной. После их смерти сыновья Тохтагул Кулбаев и Смаил Толбаев записаны были ясачными крестьянами и в 1691 году лишились поместной земли.⁵³

В 1718 году всех мурз и служилых татар приписали в Казанское адмиралтейство для заготовки корабельного леса, впоследствии их стали называть лашманами. В 1719 г. их было 23750 чел. Это было жестоким ударом по служилому классу. Изнурительная работа в лесах разоряла и ободняла их. Отсюда в народе распространялось прозвище "чабаты муралар" /"мурзы в лаптях" или "князь"/. Их уже нельзя считать феодалами, они стали государственными крестьянами де факто, хотя и по-прежнему назывались служилыми. К концу XVIII в. сохранилось незначительное

⁵¹ Алишев С.Х. Классовая борьба татарских крестьян Терсинской волости Тевкелевых в XVIII в. - Тезисы докладов научной конференции молодых ученых. Казань, 1967, с. 67-71.

⁵² Чернышов Е.И. Татарская деревня второй половины XVI и XVII вв. - Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Рига, 1963, с. 179, 182.

⁵³ Малов Е. Древние грамоты и разные документы. Казань, 1902, с. 41-45.

количество татарских князей и мурз, имевших земельные владения.

На Екатерининской комиссии в 1767 году служилый князь Ениеев просил, чтобы их, служилых, не равняли с ясачными крестьянами и бахвалился заслугами служилых мурз и князей перед троном по подавлению народных движений. Служилые мурзы в 1784 году получили равноправие с русским дворянством и выступали как часть всего феодального класса России, хотя их было очень мало. В социально-экономической жизни народа князья и мурзы во второй половине XVIII в. существенной роли не играли.

Однако не все обедневшие служилые стали государственными крестьянами. Одна их часть превратилась в торговцев и купцов, другие пополняли ряды мусульманского духовенства. Особый интерес в этом плане представляет род одного из крупных феодалов XVI в. - Акчуринных. По одной шеджере Акчуринных перечисляется 16 колен. Из них, начиная с Казанского ханства, 12 колен названы мурзами, а с конца XVIII в. начинаются муллы, последний из которых - Муса мулла умер в 1911 году. Эта одна ветвь. Другое же их поколение стало известными купцами-промышленниками. В XIX в. Акчурины одними из первых в крае образовали акционерное объединение в текстильной промышленности и превратились в крупных капиталистов. По свидетельству Р. Фахрутдинова, они имели шеджере, состоящее из 370 чел. - Акчуринных⁵⁴. А один из них Мухамед Хасан Абдулгфарович князь Акчурин в 1860-1880 годах служил командиром роты в пехотном гурийском полку в чине капитана⁵⁵. Осуф Акчурин был публицистом.

При Казанском ханстве жил феодал Галишах. Его сын Альмет в конце XVI в. с группой татар переехал из Горной стороны в Закамскую глушь. На лесной опушке, где р. Гирей вливается в М. Черемшанскую притoku р. Мораса, они образовали деревню Альметьево. Правнук Альмета Джагфар перешел на другую сторону р. Мораса, где впоследствии образовалась деревня Новое Альметьево. Все эти потомки князя Галишаха стали муллами, а деревня получила прозвище "хазратлар Альмете" (муллинское Альметьево). Во многих татарских шеджере указывается, что первоначальные колена рода являлись мурзами и служилыми, а с XVIII-XIX вв. их потомки стали уже муллами⁵⁷. Служилый татарин Казани Ишбулат Ишеев

54 Шура, 1915, № 7 на обложке, 1917, № 6, с. 144.

55 Адрес календарь личного состава служащих в Оренбургской губернии на 1884 год. Оренбург, 1884, с. 78.

56 Марджани Ш. "Мохтасад аль ахбар...". Казань, 1902, с. 122.

57 Ахметзянов М. И. Источниковедческий и лингвистический анализ списков татарских шеджере. Канд. дисс. 50, 160, 179 и др.; Усманов М. А. Татарские исторические источники XVIII-XIX вв. Казань, 1972, с. 174-180.

в 1682 г. слободским татарам привез из Москвы грамоту о подтверждении их зачисления в служилые, а сам назначался муллой.⁵⁸ Служилые татары больше, чем ясачные крестьяне, имели возможность получать тогдашнее религиозное образование и они в основном избирались сельскими охотами муллами. Все это говорит о том, что некоторая часть бывших оветских феодалов стала духовными лицами.

Служилые татарской слободы г. Казани в большинстве своем не имели поместья на стороне. За их службу правительство жалованье не платило. Поэтому им специальным указом от 1686 г. разрешено было беспрепятственно торговать и они начали нести службу "с торговли", тогда как сельские служилые с поместий. Но и последние в большинстве своем начали заниматься торговлей еще в XVII в. В последней четверти XVIII века служилые татары г. Казани начали переходить в купеческое и мещанское сословия. Из крупных торговцев в гильдийское купечество записались тогда 32 семьи, а средние и мелкие служилые торговые люди пополняли ряды мещан, многие из которых затем опять-таки выдвинулись в ряды купцов. Среди них из рода феодалов можно указать на владельцев мыловаренных заводов в Казани Даута и Исхака Аитовых, потомков князей Замановых.⁵⁹ Потомки князя Хузясеитова стали владельцами кумачных и кожевенных мануфактур в дер. Служилые Ура Царевкокшайского уезда.⁶⁰ Во второй половине XVIII в. служилые татары основали и владели около 100 мануфактурными предприятиями капиталистического типа, поскольку они не имели крепостных крестьян их мануфактуры держались на вольнонаемном труде. Мануфактура в XIX в. "шагнула" к фабрике.

Помещик Г. Ишмуратов в своем имении в Казанском уезде открыл бокрасильный, лесопильный, конный заводы. Дворяне Дебердеев и А. Алиев еще в 50-х годах XIX в. построили на своих землях в Саратовской и Симбирской губерниях суконные фабрики. Потомки бывших феодалов Акчурины /о них уже мы писали/, Рамеевы, Яшевы, Хусайновы, Давлетшины, Арслановы, Утямшевы и др. также сыграли видную роль в торгово-промышленном мире.⁶¹ Еще один любопытный факт. Потомки бывших мурз братья Алтынбай, Рахматулла и Хамидулла Мусаловы в 30-х годах XIX в. числились в ясачных татарах дер. Муртазиной Бирского уезда Башкирии. В 1832 г.

58 ЦГАДА, ф. 248, оп. 14, д. 803, л. 958-960.

59 Хасанов Х. Х. Формирование татарской буржуазной нации. Казань, 1977, с. 49.

60 ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 435, л. 107 об., 108.

61 Хасанов Х. Х. Ук. соч., с. 114-116.

они поставили здесь чугуноплавильный завод по изготовлению домашней утвари и хозяйственных изделий. Завод работал по 60-е годы XIX в. Из архивного дела не видно, когда эти мурзы сделались ясачными. Но они открыли промышленное предприятие, что не разрешалось татарам в прежние времена, стали заводчиками и торговцами. В их предприятии торговый и промышленный капиталы тесно переплетались.⁶²

Таким образом, татарский феодальный класс в процессе разложения дал из своей среды, во-первых, многочисленных государственных крестьян, во-вторых, людей духовного звания и, в третьих, группу торгово-промышленного сословия. Собственно помещиков в XIX в. оставалось совсем мало. К 1861 г. в их руках было всего 71 чел. дворовых. Оставшихся отдельных мурз Г.Ибрагимов назвал оторванными от народа элементами старых времен.⁶³

Татарские феодалы по отношению к своим крепостным крестьянам выступали как жестокие эксплуататоры. Для примера можно привести факты из жизни крепостников Тевкелевых, Еникеевых и др. Ставший первым муфтием духовный феодал М.Хусаинов приравнивал зависимых крестьян к рабам арабского востока. Для показа феодального гнета ограничимся примером князя А.Шейдякова. Выходец из ногаев и потомок князя Шейдяка он крестился и стал князем Артемием Шейдяковым. Ему были пожалованы поместья в Ярославском крае. За 1625 г. он собрал оброк с татарских крестьян села Ширинги, но квитанцию не дал. Кроме денег собрал другие продукты, бил и мучил крестьян. Приехав опять из Ярославля в село Ширинги, вторично за тот же год собрал оброчные деньги в сумме 50 р. Заставил крестьян варить пиво, достать 40 ведер вина, отобрал лошадей и т.д. Этот князь "своим служивым татарам деревни в поместье роздал и жене своей, княгине Федоре, также дал 2 деревни в поместье".⁶⁴ Не выдержав таких мучений некоторые крестьяне разбежались, некоторые были посажены им в тюрьму и т.д. Такую же картину мы могли бы наблюдать и у других крепостников.

Крестьяне вели ожесточенную борьбу против своих классовых врагов. Они не ограничивались только бегством и составлением челобитных, но вступали и в активную борьбу с оружием в руках. Еще после взятия Казани в 1552-1558 гг. крестьяне включались в вооруженную борьбу с феодалами и уничтожили многих татарских феодалов, о чем мы упомянули выше. Татарские крестьяне активно участвовали и в крестьянских

⁶² Государственный архив Оренбургской области. Ф.6, оп. II, д.404, лл. I-56.

⁶³ Ибрагимов Г.И. Татары в революции 1905 года. Казань, 1926, с.21.

⁶⁴ История Татарии в документах и материалах, с.195-196.

ских войнах в России XVII-XVIII вв. в 1742-1744 гг. закрепощенные Тевкелевым крестьяне Терсинской волости подняли восстание, создав вооруженный отряд, вели настоящие сражения с правительственными войсками, призванными из Казани помещиком. Такая борьба продолжалась и в дальнейшем. В результате в XIX в. Тевкелевы потеряли власть над крестьянами Терсинской волости. Крестьяне активно сопротивлялись закрепощению и в других местах, что не давало возможности татарским феодалам усилить эксплуатацию. Они также ожесточенно боролись против гнета феодального государства.⁶⁴

И.А.Г и л я з о в

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ ТАТАРСКИХ КРЕСТЬЯН СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВО 2-ОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

Вторая половина XVIII в. занимает важное место в истории России как эпоха господства феодальных порядков и в то же время возникновения черт нового, буржуазного уклада в социально-экономической структуре государства. Эти процессы находили свое отражение в развитии и промышленности, и сельского хозяйства, и торговли. Свообразно развивалось в это время хозяйство крестьян в сословном отношении весьма неоднородных.

Подавляющее большинство татарского населения Среднего Поволжья оставляло крестьянство, и развитие земледелия, скотоводства, всей сферы неземледельческих занятий определяло его социально-экономическую жизнь.

Отношение крестьян к земле, земельной собственности, использование ее в своих хозяйственных нуждах является краеугольным камнем изучения развития сельского хозяйства в любую эпоху, ибо земля в классовом обществе являет собой ключ к пониманию социальной структуры и социальных отношений. Поэтому изучение вопросов землевладения и землепользования, связанных с ними аспектов социально-экономической жизни крестьянства и феодалов, является важным и актуальным.

Эти вопросы привлекали и привлекают внимание историков. Однако проблемы изучения землевладения и землепользования татарских крестьян Среднего Поволжья во 2-ой половине XVIII в. в целом не были предметом специального исследования. Отдельные, но весьма важные для нас

⁶⁵ Алишев С.Х. Капарман бабайлар. Казань, 1976. Книга целиком посвящена классовой борьбе крестьян.

наблюдения имеются в работах, посвященных хронологически более раннему или более позднему периоду истории татарского народа.¹

Имеющиеся по изучаемой теме источники, к сожалению, не дают возможности проследить эволюцию татарского землевладения, динамику его развития во 2-ой половине XVIII в., но для воссоздания в целом более статичной картины, например, для 90-х гг. XVIII в. они вполне репрезентативны. Среди таких источников, бесспорно, самым важным являются "Экономические примечания" к Генеральному межеванию, составленные на рубеже XVIII-XIX вв. Интересные факты имеются и в опубликованных источниках /например, в заметках П.И.Рычкова о земледелии в Казанской и Оренбургской губерниях,² в текстах законов, вошедших в "Полное собрание законов Российской империи" и др./, а также в архивных, неопубликованных материалах.

Вначале необходимо вкратце остановиться на характеристике социальной структуры татарского населения изучаемого периода, ибо без ее понимания трудно рассматривать вопросы об отношении различных социальных групп к земельной собственности, а также об использовании земли в своих хозяйственных нуждах.

Исторически сложилось так, что преобладающим населением средне-вожского региона стало государственное крестьянство разных национальностей, и земли, ими занимаемые, также составляли большинство. Татарское государственное крестьянство складывалось во 2-ой половине XVIII в. из бывших ясачных и служилых людей. Что это были за группы населения?

Ясачные татарские крестьяне во 2-ой половине XVIII в. уже не платили ясак как форму натурального обложения. После присоединения Казанского ханства к Российскому государству ранее платившие ясак крестьяне были оставлены на положении ясачных людей, в XVI-XVII вв. ясак как повинность претерпел определенную эволюцию: он был не только государственным налогом, но и единицей обложения, феодальной рентой, взимавшейся деньгами и хлебом с площади обрабатываемой земли.³ Крестьяне

¹ Мухамедьяров Ш.Ф. К истории земледелия в Среднем Поволжье в XV-XVI вв. - В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, сб.3. М.: Изд-во АН СССР, 1959, с.89-122; Халиков Н.А. Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья XIX-начала XX в. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1981; Чернышев Е.И. Татарская деревня 2-ой половины XVI-XVII вв. - В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г. Рига: Изд-во АН ЛССР, 1963, с.174-183.

² Рычков П.И. Письмо о земледелии в Казанской и Оренбургской губерниях. - В кн.: Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих, январь-июнь, 1758г. СПб., 1758.

³ Айплатов Г.Н. Ясачное землевладение в Среднем Поволжье в XVIII в. В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, сб.8. М., 1975, с.95-111; Сафаргалиев М.Г. Ясак как одна из форм феодальной крепостнической эксплуатации мордвы. Уч. зап. Мордов. гос. пед. ин-та, 1956, вып.4, с.119-127; Чернышев Е.И. Татарская деревня... с.179.

Среднего Поволжья в XVI-XVII вв. наряду с ясаком, выполняли и другие повинности, которые составлялись из ямских, подводных, полоняничных и других сборов.⁴

В 1724 г. для ясачных людей края было введено подушное обложение, т.е. фактически они перестали уже быть ясачными, но в XVIII в. и даже вплоть до второй четверти XIX в. их продолжали так именовать. Это название сохраняется чисто традиционно, формально. В реальной же жизни по хозяйственному положению и общественным отношениям они мало чем отличались от государственных крестьян русского происхождения.

Вторую основную группу государственных крестьян из татар составляли служилые. Во 2-ой половине XVIII в. так продолжали называть тех представителей татарского населения, которые исполняя военную, административную или дипломатическую службу, получали вознаграждение от правительства в виде пашенных земель, сенных покосов. Эта категория получила оформление в XVI-XVII вв. как более или менее привилегированная часть татарского населения. Положение их стало меняться в начале XVIII в., когда служилые люди в силу экономических и политических причин стали меньше получать пашенных и сенных угодий, и они по своему имущественному положению все более приближались к основной массе полночного татарского крестьянства.⁵ Их земельные владения мельчали: делились по наследству, продавались, иногда захватывались. Существенное влияние на известную хозяйственную самостоятельность служилых татар, по сравнению, например, с ясачными, оказала и приписка их в 1718 г. к Адмиралтейским работам по рубке, обработке и вывозке корабельных лесов. Вся эта категория стала именоваться "служилые, приписанные к Адмиралтейским работам", а позднее - "лашманами".⁶

⁴ Дмитриев В.Д. О ясачном обложении в Среднем Поволжье. - Вопросы истории, 1956, № 12, с.113, 115.

⁵ Степанов Р.Н. Первый этап в политике паризма по переводу служилых татар из военного сословия в податное: конец XVII-первая четверть XVIII в. - В кн.: Итоговая научная конференция за 1964 г. Тезисы докладов. Казань: Изд-во Казанского университета, 1964, с.129-132.

⁶ Алишев С.Х. Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань: Таткиногиздат, 1973, с.16-18, 45-47; Алишев С.И. Лашманы Среднего Поволжья в 1-ой половине XIX в. - В кн.: Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья: Докладный период. Йошкар-Ола, 1978, с.55-63; Клеянкин А.В. Лашманы. - Вопросы истории, 1978, № 6, с.132-136; он же. Ясачные крестьяне и старослужилые люди Среднего Поволжья на Адмиралтейских работах в XVIII-первой половине XIX вв. - В кн.: Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья, с.46-55; Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т.II. СПб., 1901, с.579-592; Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г. и колонизация закамских земель в это время. Казань, 1869, с.24-39.

Ясачные и служилые составляли основную часть всего татарского населения Среднего Поволжья. Весьма малочисленную количественно и довольно слабую политически, группу татарского населения в это время составляли служилые мурзы.

К началу XVIII в. многие из бывших татарских князей и мурз приняли христианство, обрусели и влились в ряды русского дворянства. Но оставались и некрещенные мурзы. Мельчание их земельных владений приводило к тому, что многие из них во 2-ой половине XVIII в. вливались в ряды государственных крестьян из татар. Может быть они и отличались от основной массы крестьян более крупными земельными владениями, на которые они к тому же имели поместные права /при предъявлении необходимых документов/, но фактически они уже не представляли полноправного, сильного экономически и политически феодального класса и вместе с государственными крестьянами составляли один класс.⁷ Но закон во 2-ой половине XVIII в. все еще выделяет служилых мурз как наиболее привилегированную часть татарского населения, учитывая достаточно высокую социальную дифференциацию его.

Кроме крестьянства и служилых мурз в среде татарского населения выделялись и небольшие группы мусульманского духовенства и промышленников-торговцев, в основном, выходцев из указанных двух групп.

Итак, в изучаемое время татарскому государственному крестьянству - большинству татарского населения региона, противостояли как класс не собственные феодалы-мурзы /вследствие их политической и экономической слабости/, а непосредственно государство, как верховный собственник земли. Приблизительно такая же картина наблюдалась в это время и для других отрядов национального крестьянства Среднего Поволжья.

Рассмотрим отношение указанных групп татарского населения к земельной собственности. Право собственности на землю для государственных крестьян на протяжении длительного времени претерпело значительную эволюцию. Учтем при этом, что земельные владения государственных крестьян считались собственностью казны, но "право собственности казны на земельные участки, занятые государственными крестьянами, не имело той прочной экономической основы и той безусловной юридической силы, какое получило право земельной собственности частных

⁷ Губайдуллин Г. К истории разложения феодального класса у поволжских татар. - Известия Вост. фак-та Азерб. ун-та: Востоковедение, т. 2, 1928, с. 1-26.

вотчинников".⁸ Отсюда и те многочисленные сделки, связанные с куплей-продажей, арендой земель государственными крестьянами, в том числе и татарскими, на протяжении всего XVIII в. Специфической особенностью права распоряжаться землей для всего татарского населения Среднего Поволжья было то, что законодательно строго запрещалось совершать торговые сделки о земле между некрещеными татарами-землевладельцами и русскими. Такая политика берет начало еще с Соборного уложения 1649 г.⁹ Это, например, отчетливо звучит в Сенатском указе от 30 марта 1761 г. "О дозволении купли-продажи земель только крещеным инородцам с русскими владельцами".¹⁰ Закон предписывал землевладельцам-татарам, чтобы они "русским помещикам и вотчинникам земель своих ни под каким предлогом не продавали". Подобный запрет встречается и в инструкции землемерам к Генеральному межеванию, подписанной 13 февраля 1766 г.¹¹

И хотя закон и предусматривал ряд мер во избежание подложных продаж ясачными и служилыми татарами русским владельцам /через новокрещен татарского происхождения/: чтобы продающие земли новокрещены лично являлись в конторы крепостных дел для составления купчих, причем с аттестатами, подтверждающими принятие ими христианства, подобные подлоги были распространены. Так, например, в тексте указа 1761 г. отмечен факт купли земли у татарских крестьян Казанской и Нижегородской губерний помещиками Приклонскими. Точно также, в обход законов, совершили сделку помещик И. Страхов и ясачные татарские крестьяне д. Бикеево Свияжского уезда в 1765 г.¹² Этот же землевладелец в 1786 г. приобрел угодья у новокрещенных татар д. Большие Буртасы, ранее купленные ими у служилого татарина той же деревни Сагита Мансурова.¹³

Сделки же о земле между самими татарскими крестьянами, в особенности, между служилыми, были весьма часты. В феврале 1754 г. служилый татарин д. Малой Челны Симбирской провинции Муслим Кузеев купил у татарина д. Старые Какирлы Мулея Дюнеева земли 20 четвертей в поле, а в дву потому же, уплатив ему 9 руб.¹⁴ В марте 1754 г. служилые татарские крестьяне с. Макулово и д. Старое Барышево Свияжского уезда продали служилому мурзе Мухамедвалю Темееву часть своей земли в д. Старое Барышево.¹⁵ В мае 1774 г. служилый татарин д. Илькино Ка-

⁸ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946, с. 33.

⁹ См.: История Татарии в документах и материалах. М.: Соцэкгиз, 1937, с. 151, 161.

¹⁰ ПСЗ, т. XVI, № 11231.

¹¹ Там же, т. XVII, № 12570.

¹² ЦГАДА, ф. 1312, оп. 2, д. 723, л. 1 об.

¹³ Там же, д. 725, л. 38.

¹⁴ Там же, ф. 443, оп. 2, д. 133, л. 1-2.

¹⁵ Там же, ф. 1312, оп. 2, д. 730, л. 5.

занского уезда Мавлекей Ишметев продал 8 четвертей своей земли слуге татарину д. Куркачи Казанского уезда Шафю Бикееву.¹⁶ В 1788 г. некоторые служилые татарские крестьяне д. Кумургази, Средний Алат, Большой и Малый Калк, Епанчино и Челны Казанского уезда продали земли 277 четвертей в поле а в дву потому же казанским торговым татарам из служилых Исмаилу и Мухамету Ксуповым и Абдрешиту Ибраеву.¹⁷

Итак, право собственности на землю татарских крестьян во 2-ой половине XVIII в. можно, на наш взгляд, рассматривать следующим образом.

Для ясачных татарских крестьян, как и для всех государственных крестьян страны, государство выступает как верховный собственник земли, наделая общины ясачных участками, которые в свою очередь распределялись между крестьянами.

Право же служилых на землю было более своеобразным. В XVI-XVIII вв. за исполнение определенных служб в государстве они получали вознаграждение от правительства в виде земельных участков и сенокосов на поместном праве с записями, подтверждающими право владения на них. В XVIII в., когда служилое землевладение сильно сократилось и измельчало, а сами служилые петровскими указами 1719-1724 гг. были приписаны к государственным крестьянам, земли тех из них, которые по тем или иным причинам не имели владенных документов, законом стали рассматриваться как казенная собственность. Право же небольшой части служилых татар и мурз, предоставивших необходимые документы, законодательно оставалось прежним. Это подтверждается, на наш взгляд, материалами Генерального межевания, спорными делами. При описании земельных участков (дач), например, показываются земли всех служилых татарских крестьян какой-либо деревни, в то же время некоторые татарские землевладельцы перечислялись поименно, т.е. есть основания рассматривать их как собственников отдельных участков, имеющих на них официальные документы. И таким образом получается, что по праву собственности на землю термину "служилые" официально соответствовала лишь небольшая часть служилых татар, прочих же закон рассматривал как держателей казенной земли. Сами же служилые продолжали считать свои земли поместьями, свободно передавали их по наследству, продавали и меняли.¹⁸

Если по обычному праву длительность владения земельным наделом считалась основным критерием, по которому фиксировалось частное владение, то закон при рассмотрении различных дел о земле требовал не-

¹⁶ ЦГА ТАССР, ф.1241, оп.2, д.2, л.29.

¹⁷ Там же, ф.1238, оп.1, д.1, л.3 об.

¹⁸ Дмитриев В.Д. История Чувашии XVIII в.: До Крестьянской войны 1773-1775 гг. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959, с.60.

посредственных документов на нее, тем более, что практика выдачи владенных записей в крае существовала издавна: как в Казанском ханстве, так и после вхождения ханства в состав России в XVI-XVII вв. Поэтому мы вправе рассматривать большинство служилых татар и мурз именно как держателей государственной земли, а не частных владельцев, поскольку они не всегда имели соответствующие документы. Это отражалось и в источниках. Например, в 1797 г. во время рассмотрения одного из спорных дел о земле в Свияжском уезде многие служилые мурзы представили следующие документы: князя Ишеевы - дарственные, датированные 1591, 1688 гг., служилые мурзы д. Старое Варышево - дарственные записи, выданные их предкам Темеем Тяхшеву, Янбаю Терегулову, Досаю Мамаеву; Иштеряку Темееву в 1593, 1619, 1622, 1688, 1702 гг., выписи из писцовых книг 1647 г.¹⁹ Если же во время решения дела обе стороны не смогли представить каких-либо документов, то оспариваемые земли переходили в число казенных.²⁰

Основной чертой служилого землевладения в изучаемое время явилось значительное мелочение, дробление земельных участков вследствие массовых распродаж земель служилыми в 20-е гг. XVIII в., явившихся следствием принятия петровских указов 1713 и 1715 гг.,²¹ захватов их, деления по наследству..

Довольно значительная дифференциация среди татарского крестьянства имела тенденцию к перераспределению земель уже внутри служилого населения. Одни крестьяне, теряя хозяйственную состоятельность, продолжали продажу своих земель, другие же, разбогатевшие - покупали их. Среди последних большинство составляли купцы и торгующие татары, занимавшиеся и промышленной деятельностью. Они использовали земли и для постройки на ней промышленных предприятий, или же сдавали их в аренду. Так, например, в 1788 г. служилые торговые татары Бакей Абдулов и Адигул Рахматуллин приобрели 20 четвертей земли в поле а в дву потому же в д. Янбахино Казанского уезда у служилого татарина Сулеймана Рипкина.²²

Довольно полные сведения о количестве земель, принадлежащих различным классам и сословиям можно извлечь из материалов Генерального межевания. Так, например, по данным Экономических примечаний

¹⁹ ЦГАДА, ф.1312, оп.2, д.730. л.13,14,26,28-29 об., 30-42, 60-59.

²⁰ Там же, д.715, л.34.

²¹ История Татарии в документах и материалах, с.166-167, 485.

²² Там же, д.2, л.10.

в конце XVIII в. в Казанском уезде земли распределялись следующим образом: татарскому населению принадлежало 198 378 десятин 1439 кв. саженей всей земли уезда /44,5%/; русским государственным крестьянам - 77 605 десятин 536 кв. саженей /17,41%/; помещикам - 77 037 десятин 1497 кв. саженей /17,28%/; казне - 29 396 дес. 1935 кв. саженей /6,59%/; ясачным марийским крестьянам - 15 989 дес. 336 кв. саженей /3,58%/; удельным крестьянам - 10 197 дес. 779 кв. саженей /2,28%/; монастырям и церквям - 2000 дес. 544 кв. сажени /0,44%/.²³ В других уездах татарскому населению принадлежало: в Тетюшском - 38,45% земли уезда, Спасском - 17,50%, Свияжском - 14,27%, Мамадышском - 49,66%, Чистопольском - 17,32%, Лаишевском - 28,17%, Царевококшайском - 5,65%, Цивильском - 3,46%, Сергачском уезде Нижегородской губернии - 15,96% /в это число включены и дачи помещиков уезда, обмежеванные вместе с татарскими землями/, в Буинском уезде Симбирской губернии - 12,76% /цифра, по-видимому, неточна, так как сюда не включены те татарские земли, которые были обмежеваны с дачами прочих государственных крестьян, в частности, чувашских/.²⁴ Если сравнить эти процентные цифры с данными о соотношении татарского населения к общему числу жителей уездов, то окажется, что цифры эти приблизительно совпадают лишь в Лаишевском, Тетюшском и Свияжском уездах. В Лаишевском уезде татарское население составляло 28,54% населения и владело 28,17% земли, в Тетюшском эти цифры соответственно составляли 40,89% и 38,45%, Свияжском - 18,67% и 14,27%.²⁵ В остальных же уездах татарскому населению принадлежал меньший процент земли, причем указанные цифры отличаются довольно значительно. Все это можно связать с уменьшением татарского землевладения во 2-ой половине XVIII в., а также с наличием помещичьего землевладения во многих уездах.

²³ ЦГАДА, ф.1355, оп.1, д.402.

²⁴ ЦГАДА, ф.1355, оп.1, д.412, 416, 422, 431, 435, 443, 449, 849, 1416. Рассматриваются уезды с преобладающим или большим процентом татарского населения Казанской, Симбирской и Нижегородской губерний.

²⁵ Процент татарского населения, включая и крещеных татар, рассчитан по изданию: Переписи населения России: Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России /1646-1858/, вып. IV. М.: Институт истории СССР АН СССР, с.83.

К сожалению, источники не отражают со всей полнотой количественную эволюцию татарского землевладения за 50-80-е гг. XVIII в., поэтому мы приводим наиболее полные данные из имеющегося источника по этому вопросу - данные Генерального межевания.

Рассмотрим как распределялись по угодьям земли в отдельных уездах Среднего Поволжья, где проживало и татарское население /табл. I/.

Таблица I.

Распределение земель по угодьям в уездах Среднего Поволжья по данным Генерального межевания /в десятинах и квадратных саженях/*

Уезды	Под усадьбой	Пашни	Сенных покосов
Казанский	7803.124	199811.2006	35848.2209
то же в %	1,52	39,06	7,01
Лаишевский	4206.2154	150532.1441	59869.1585
то же в %	0,81	29,15	11,59
Чистопольский	6663.1575	310117.223	121591.1615
то же в %	0,81	37,54	14,72
Спасский	5253.1889	205204.336	93174.2168
то же в %	0,97	38,02	17,26
Тетюшский	4154.1450	164511.2375	28539.1408
то же в %.	1,22	48,41	8,40
Мамадышский	4067.1052	127810.282	44513.876
то же в %	0,82	25,61	8,92
Свияжский	2238.1909	87092.2308	10203.199
то же в %	1,29	50,31	5,89
Царевококшайский	3853.1446	97973.649	11738.2081
то же в %	0,54	13,71	1,64
Цивильский	5113.968	140301.507	11372.441
то же в %	1,64	44,91	3,64
Всего по Казанской губернии	58940.2161	1828014.1851	459410.155
то же в %	1,06	32,80	8,24

* ЦГА ТАСР, ф.324, оп.740, д.344, л.109; ЦГАДА, ф.1355, оп.1, д.402, 412, 416, 422, 427, 435, 431, 449.

Таблица I /продолжение/

Уезды	Леса	Неудобных мест
Казанский	245628.595	22456.1946
то же в %	48,02	4,39
Лаишевский	257379.1038	44354.515
то же в %	49,85	8,60
Чистопольский	344668.550	43123.1905
то же в %	41,72	5,21
Спасский	192621.252	43483.1054
то же в %	35,69	8,05
Тетюшский	125021.1642	17623.1930
то же в %	36,79	5,18
Мамадышский	307102.876	15477.2045
то же в %	61,55	3,10
Свияжский	64014.628	9564.1229
то же в %	36,98	5,53
Царевококшайский	585160.1901	15947.1220
то же в %	81,87	2,24
Цивильский	151210.1475	4385.1777
то же в %	48,41	1,40
Всего по Казанской губернии	2959977.653	267357.1913
то же в %	53,10	4,80

Земли, находившиеся во владении татарских ясачных и служилых крестьян распределялись по угодьям следующим образом /табл.2/.

Картина в большинстве уездов идентичная: во всех уездах пашня занимает почти половину имевшейся у крестьян земли, а в некоторых даже намного превышает ее, что показывает значительный уровень обработки земли в Сергачском уезде Нижегородской губернии, Курмышском и Буинском уездах Симбирской губернии, причем это было характерно не только для татарских государственных крестьян, а и для всего населения левобережных районов Волги. Хотя отметим, что в наиболее плодородных уездах Казанской губернии - Чистопольском и Спасском - пашня также составляла большую часть всех угодий. Любопытно, что в Царевококшайском уезде Казанской губернии пашня составляла всего 13,71% угодий /табл.1/, а у татарского населения - 44,44% /табл.2/. Это яр-

Таблица 2.

Удельный вес угодий в дачах, принадлежащих татарскому крестьянству в уездах Среднего Поволжья по данным Генерального межевания /в%/*

Уезды	Под усадьбой	Пашни	Сенных покосов	Леса	Неудобных мест
Казанский	1,82	48,55	4,96	41,34	3,33
Лаишевский	0,75	29,92	7,69	57,16	4,48
Чистопольский	0,86	50,64	17,42	26,76	4,32
Спасский	0,96	47,43	12,21	34,98	4,42
Тетюшский	1,09	49,21	9,02	37,88	2,80
Мамадышский	1,05	31,25	10,46	55,43	1,81
Свияжский	1,38	45,58	5,86	43,49	3,69
Царевококшайский	1,88	44,44	9,02	42,84	1,82
Цивильский	2,12	66,04	4,85	25,04	1,95
Сергачский	1,06	73,85	18,98	4,19	1,92
Буинский	2,37	73,32	7,97	13,95	2,39
Курмышский	2,16	73,16	18,17	0,52	3,78
У крестьянства на территории Чувашии	1,55	40,37	6,00	49,00	3,08

* ЦГАДА, ф.1355, оп.1, д.402, 412, 416, 422, 427, 431, 435, 449, 849, 1416, 1420

ж Димитриев В.Д. Чувашия в конце XVII - начале XIX вв.:

По материалам Генерального межевания. - Уч.зап. Н.-и. ин-та яз., лит-ры, ист. и экономики при СМ ЧАССР, вып. XXXI: Исторический сборник. - Чебоксары, 1966, с.73.

кое свидетельство трудолюбия крестьян, делавших все возможное, чтобы обеспечить необходимый уровень сельскохозяйственного производства в уезде, 84,11% территории которого занимали леса и неудобные для земледелия места.

Количество сенокосов в различных уездах также довольно разнообразно. Наилучшую картину наблюдаем в Сергачском, Курмышском, Спасском и Чистопольском уездах, что наиболее благоприятно сказывалось на результатах труда земледельцев. Самое затруднительное положение в отношении сенокосов было у татарских крестьян Казанского, Свияжского и Цивильского уездов. Количество же сенных покосов было исклю-

чительно важно для развития земледелия, что подчеркивал еще в 1779г. известный ученый А.Т.Болотов,²⁶ ибо оно находилось в прямой зависимости от развития скотоводства - главного поставщика удобрений для полей.

Большой процент лесов в татарских дачах Лаишевского, Мамадышского и Свияжского уездов вряд ли может быть показателем экономического благосостояния, если считать их резервом для увеличения площади пашни и сенокосов. Леса эти в большинстве своем находились в извешном ведении и активно использовались для Адмиралтейских работ.

Источники отвечают на вопрос и о количестве пашенной земли на одну душу мужского пола у татарского крестьянства /табл.3/.

Таблица 3.

Количество пашенной земли на одну душу м.п. в уездах Среднего Поволжья по данным Генерального межевания /в десятинах/*

Уезды	Для татарского крестьянства		Для всего населения уезда	
	Пашни	Всей земли	Пашни	Всей земли
Казанский	4,17	8,13	4,17	10,60
Лаишевский	4,39	12,78	4,18	14,28
Чистопольский	7,58	14,71	7,43	19,73
Мамадышский	4,72	11,75	4,23	16,72
Свияжский	4,30	8,91	4,70	9,11
Спасский	6,89	14,55	6,61	17,33
Тетюшский	4,65	9,20	4,53	9,29
Царевококшайский	4,60	14,80	4,89	25,62
Цивильский	3,84	5,67	4,29	9,53
Сергачский	5,95	8,06	4,47	7,21
Курмышский	4,80	6,60	-	-
Буинский	7,10	11,25	-	13,25

* ЦГАДА, ф.1355, оп.1, д.402, 412, 416, 422, 427, 431, 435, 449, 849, 1416, 1420.

26 Болотов А.Т. Избранные сочинения по агрономии, плодоводству, лесоводству и ботанике. М.: Изд-во Моск. об-ва испытателей природы, 1952, с.56.

Для сравнения отметим, что по всей Казанской губернии приходилось на одну душу м.п. 7,2 десятины пашни,²⁷ у чувашских государственных крестьян - 4,49, у государственных татарских крестьян - 5,27, у мордовских государственных крестьян - 8,61.²⁸ Из таблицы видно, что наибольшее количество пашни на душу м.п. у татарских крестьян и у прочего населения приходилось в самых благоприятных для земледелия уездах Казанской губернии - Чистопольском и Спасском, а также в Буинском уезде Симбирской губернии. Если учитывать при характеристике этих данных тот факт, что 7 сентября 1798 г. появился именной указ о "довольствовании" казенных поселян 15-десятиной "пропорцией",²⁹ то увидим, что лишь в Чистопольском, Спасском и Царевококшайском уездах средние цифры о количестве всей земли на душу м.п. и у татарского, и у прочего населения близки к "указной пропорции". В Чистопольском уезде из 53 обмежеванных дач татарского крестьянства в 28 средняя цифра о количестве земли на душу м.п. превышает 15 десятин, в Спасском - из 35 - в 16, а в Царевококшайском уезде эта цифра составляет в основном из большой площади лесов. В Казанском же уезде таких обмежеванных дач было всего 3, в Тетюшском тоже 3, в Свияжском - 2.³⁰

Итак, источники показывают, что в подавляющем большинстве татарских поселений количество земли на душу м.п. не совпадает и иногда даже очень значительно, с указным минимумом в 15 десятин, т.е. можно сказать, что в татарской деревне конца XVIII в. налицо малоземелье. При наличии же в разных районах разных условий для хозяйствования наблюдается весьма неравномерное развитие крестьянского хозяйства. Это подтверждается не только наличием дифференцированного надела, а и существованием в деревнях арендных операций по увеличению запашки и обеспечению покосами.

Конечно, по источникам различаются аренда для расширения хозяйства и аренда в целях обеспечения минимальных условий для его функционирования. Весьма широко эти операции были распространены у татарского населения Казанского уезда, особенно часто ими арендовались сенокосы. Так, например, служилые татарские крестьяне д.Большой Шукоты /9 дворов/ за аренду 4 дес. 956 кв. саженой земли платили в Казанскую казенную палату в год по 37 коп.³¹ Служилые и ясачные тата-

27 Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во 2-ой половине XVIII в. М.: Госполитиздат, 1957, с.209.

28 Димитриев В.Д. Чувашия в конце XVIII-начале XIX вв., с.95.

29 ЦГАДА, ф.1312, оп.2, д.713, л.50-50 об.

30 Там же, ф.1355, оп.1, д.402, 422, 431, 427, 435, 449.

31 Там же, д.402, л.261 об.

ры д. Чемерцы и Теленгур арендовали 218 дес. 2267 кв. саж. земли, за что платили в казну по переоброцке.³² В Экономических примечаниях Казанского уезда отмечено 9 арендованных у казны дач татарскими жителями: их общая площадь составляла более 910 дес. Кроме того, татарские крестьяне арендовали земли и у соседних помещиков и татарских землевладельцев. Так, в дачах татарских деревень Казнево и Атабаево Тетюшского уезда имелись земли помещиков В.П.Куприянова и М.В.Матюнина. Последний помещик, не имевший крепостных в этих деревнях, отдавал свои земли татарским крестьянам в аренду, причем по весьма высокой цене: за одну десятину в год по 2 руб.³³ В дер. Еникеево того же уезда имелись земельные владения служилых татар д. Большие и Малые Кляри, которые отдавались в аренду различным лицам по цене 70 коп. за десятину в год.³⁴ Вообще сдача татарскими крестьянами, в особенности служилыми, своих земель в аренду была также достаточно частым явлением в хозяйственной жизни крестьянства Среднего Поволжья. Например, в дачах д. Ромашкино и Биктимирово Чистопольского уезда имелись земли служилого мурзы д. Камкино Княгининского уезда Нижегородской губернии Аита Аблязова, служилого татарина Бугульминского уезда Уфимской губернии Абдулмизита Шавеева, мурзы д. Старые Тиганы Батырши Адельшина, некоторых служилых татар из других деревень Чистопольского уезда. Понятно, что владельцы, проживая столь далеко от названных деревень, не обрабатывали сами своих земель, а сдавали их внаем.³⁵

Пахотные земли, сенокосы, луга и другие угодья общин ясачных крестьян или отдельных землевладельцев зачастую располагались на отдаленных расстояниях от поселений крестьян. Такое явление наблюдалось в XVIII в. и у чувашских государственных крестьян.³⁶ Как оно появлялось?

Во-первых, это были издавна отданные татарским крестьянам земли и сенокосы в качестве оброчной земли, причем они не обязательно были даже в своем уезде. Так, например, служилые татары д. Верезы Казанского уезда владели 377 дес. 939 кв. саж. земли в Царевском

32 ЦГАДА, ф.1355, оп.1, д.402, л.295. При переоброцке оброк за аренду земель периодически менялся. Землевладелец, предлагавший казне большую сумму за аренду земель, получал это право на определенный срок.

33 ЦГАДА, ф.1355, оп.1, д.431, л.79 об.

34 Там же, л. 86 об.

35 Там же, д.449, л.14.

36 Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII в., с.62-66.

шайском уезде.³⁷ После появления закона о 15-десятинной пропорции иногда земли отдавались государством наиболее малоземельным крестьянским общинам. Так, в конце XVIII в. 838 дес. 1113 кв. саж. сенокосов получили татарские и русские крестьяне д. Ташкирмен, Сарали, Агайбаш, Сингалы Лаишевского уезда.³⁸

Во-вторых, отхожие земли появлялись как результат покупок земли более зажиточными крестьянами или мурзами, а также как пожалования от правительства различным землевладельцам. Например, в Чистопольском уезде на р. Толкиш располагались "жалованные" земли служилого татарина Шафая Урманчеева площадью 109 дес. 1562 кв. саж.³⁹ В том же уезде на р. Челне находились "особо жалованные земли" мурзы д. Бакирова Умера Байбекова площадью 24 дес. 2200 кв. саж., которые обрабатывались на владельца наемными людьми.⁴⁰ В Казанском уезде при большой дороге из Казани в Уржум были земли, купленные разбогатевшими представителями служилых татар Мустаем Исенеевым и Ибраем Якуповым площадью 99 дес. 1131 кв. саж.⁴¹

Отметим также и такое явление в землевладении и землепользовании у татарских крестьян Среднего Поволжья: служилые татары, жившие в пригородных слободах г. Казани владели определенным количеством земельных угодий в разных уездах губернии, составлявших так называемые отхожие земли. Так, например, в д. Кабан Лаишевского уезда имелись владения жителей слобод Кутлы Уразлина, Абдрафика, Абдулвагапа, Абдрашита Абдусалаямовых, Мусы Кутушева, Биккула Аисова общей площадью 410 дес. 1940 кв. саж.⁴² Такие же отхожие земли были в д. Ташкирмен Лаишевского у. у жителя Старотатарской слободы Бикбова Исхакова,⁴³ в д. Чертушкино Чистопольского у. у служилого Ибрагима Мустафина,⁴⁴ в д. Каин Илга Мамадышского у. у служилого Мусы Якупова площадью 3927 дес. 32 кв. саж.⁴⁵ земли, принадлежавшие жителям татарских слобод г. Казани, обычно обрабатывались самими хозяевами или же наемными людьми.

Некоторые из владельцев отхожих земель, как жители слобод, так и представители уездного крестьянства использовали эти угодья для

37 ЦГАДА, ф.1355, оп.1, д.435, л. 64 об.

38 Там же, д.412, л.52 об.

39 ЦГАДА, ф.1355, оп.1, д.449, л.37.

40 Там же, л.39 об. 40.

41 Там же, д.402, л.307-307 об.

42 Там же, д.403, л.16.

43 Там же, д.412, л.44.

44 Там же, д.449, л.33.

45 Там же, д.416, л. 86 об.

постройки заводов, мельниц, приносящих доход, что также можно отметить как новое и особенное явление в землепользовании у нерусских народов Поволжья в это время. Служилый татарин, житель Старотатарской слободы Бикбов Халфин имел в Казанском уезде отхожую землю, на которой был выстроен поташный завод, а земли площадью 10 дес. 354 кв. саж. обрабатывались на него наемными людьми.⁴⁶ По данным "Экономических примечаний" в Казанском уезде только в 90-х гг. XVIII действовали в различных деревнях 5 кожевенных заводов и 6 кумачных фабрик, выстроенных служилыми татарами и торговцами Бурнаевыми, Мусиным, Рахмандеевым, Манасыповым.⁴⁷ И все они не только ставили и держали свои заводы, а и использовали земли для хозяйствования. На р. Ашит при д. Большая Атия действовала мукомольная мельница, принадлежащая служилому татарину д. Большие и Малые на двух полянках Верески Гумеру Мустаеву,⁴⁸ в д. Новый Менгер пильная мельница служилого Мусы Муслимова с годовым доходом 250 руб.⁴⁹ Промышленно-промысловые предприятия татарских владельцев имелись и в других уездах: поташный завод в д. Белый Ключ Мамадышского уезда служилого татарина Мухамета Рахманкулова⁵⁰ и в д. Уразлино Царевококшайского у. жителя Старотатарской слободы Гаддыша Гумерова,⁵¹ в д. Служилая Ура Царевококшайского у. находились 4 кумачных фабрики служилых татар Хозясеитовых.⁵² Содержать промышленные предприятия могли только наиболее зажиточные татарские крестьяне или мурзы.

Поскольку речь идет о земельных владениях татарского крестьянства, необходимо сказать и о торговых операциях в изучаемое время. Во 2-ой половине XVIII в. уже не наблюдается такой массовой продажи земель служилыми людьми края, каковая, например, имела место в 20-е гг.⁵³ Однако сказанное не означает, что подобная практика прекратилась совсем. Купли-продажи земель в целях улучшения хозяйственного благосостояния продолжались. Особенно много материалов о них содержится в так называемых "спорных делах" Генерального межевания, причем сведения даны не только на конец XVIII в., а и на более ранние периоды времени.⁵⁴ Обычно в вопросах купли-продажи земли, совершае-

⁴⁶ Там же, д. 402, л. 198.

⁴⁷ Там же, л. 304 об. 306, 315-315 об., 360 об., 362 об.; Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. Казань: Таткнигоиздат, 1977, с. 45-47.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 402, л. 309 об.

⁴⁹ Там же, л. 313.

⁵⁰ Там же, д. 416, л. 26 об.

⁵¹ Там же, д. 435, л. 62.

⁵² Там же, л. 107 об.

⁵³ Алишев С.Х. Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании, с. 21-22; Дмитриев В.Д. История Чувашии XVIII в., с. 61.

⁵⁴ Дмитриев В.Д. Источники по аграрной истории Среднего Поволжья XVI-XVIII вв. в "спорных делах" Генерального межевания. - В кн.: Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья. Са-

мых татарскими владельцами, власти строго следили лишь за тем, чтобы торговые сделки не заключались между ними и русскими помещиками. Торговые же операции татарских крестьян-землевладельцев между собой были обычным явлением, в большинстве своем среди служилых. Приведем примеры. В мае 1774 г. служилый татарин д. Илькино Казанского у. Мавлекей Ишметев продал часть своей земли служилому татарину д. Куркачи Казанского у. Шафеев Бикееву.⁵⁵ В 1786 г. служилые татары Сагит, Абдрей, Муштарей Мансуровы и Мурадалий Муртазин продали свои земли в д. Большой Буртас Тетюшского у. служилому татарину Бакею Султанову площадью 21 четверть в поле а в дву потому же, а также сенокосы и мельницу, получив за это 200 руб.⁵⁶ В документах обычно указывается, какова площадь оставшейся у продавцов земли "для платежа подушных денег и справления корабельных работ". Крещенные татарские мурзы и крестьяне продавали свои земли и русским помещикам: например, в 1754 г. новокрещен из служилых мурз Алексей Анисимов продал "крепостную помещную пашенную землю" и мельницу при д. Старое Барышево Свияжского у. содержателю Казанской суконной фабрики Ф.Д. Дряблову, причем отмечается в купчей, что для платежа государственных податей и для корабельных работ у него осталось в указанной деревне 12 четвертей земли со всеми угодьями,⁵⁷ т.е. всего 6 десятин, что является ярким примером мельчания землевладения служилых татар в изучаемый период.

Причины этих и подобных сделок разнообразны. Для одних это был единственный путь покончить с недоимками или выплачивать государственные подати, для других продажа земель являлась следствием нехватки рабочих рук для ее обработки, третьи пытались, продав земли, заняться более доходным, на их взгляд, торговым промыслом.

Таким образом, рассмотрев некоторые вопросы землевладения и землепользования татарских крестьян Среднего Поволжья во 2-ой половине XVIII в., можно определенно утверждать, что разница в размерах земельных владений между служилыми и ясачными татарскими крестьянами почти не ощущается. Лишь некоторые из служилых владели отдельно обмежеванными дачами, имея, по-видимому, необходимые документы на эти угодья. Большинство же владений служилых татар уже было обмежевано

ранск, Мордов. кн. изд-во, 1981, с. 44-47.

⁵⁵ ЦГА ТАССР, ф. 1241, оп. 2, д. 2, л. 29.

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 1312, оп. 2, д. 723, л. 15.

⁵⁷ Там же, д. 730, л. 4.

в общие сельские дачи, т.е. они не только законодательно, но и в реальной хозяйственной жизни по своему положению были приравнены к ясачным крестьянам, ко всему сословию государственных крестьян России.

Служилое землевладение претерпело в изучаемый период большие изменения. Если по законам при предъявлении необходимых документов владельцы земли сохраняли свои права, то реально многие служилые не могли претендовать на это, тем более при столь быстром мельчании их земельных владений, какое наблюдалось в XVIII в.

Ясачное общинное землевладение, насколько можно судить по имеющимся источникам, оказалось менее подверженным изменениям - количественным и качественным. И законодательно, и реально общины ясачных оставались держателями казенной земли. В документах мало сведений о продажах земель ясачными.

В связи с отсутствием соответствующих источников трудно представить эволюцию землевладения татарских крестьян, однако для 90-х гг. XVIII в. можно сказать, что обеспеченность крестьян землей в разных районах была различной: в некоторых уездах количество ее приближалось к указной 15-десятинной пропорции, в других же земли было явно недостаточно. При этом нельзя упускать из виду, что почвенные условия также были разнообразны. В обеспеченности землей проявлялась и растущая социальная дифференциация крестьянства.

Ю.И.Смыков, Л.Н.Гончаренко

КРЕСТЬЯНСТВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ АППАРАТ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Постановка данной темы предполагает, на наш взгляд, рассмотрение двух основных взаимосвязанных между собой вопросов: с одной стороны, отношение губернского административного аппарата к крестьянству, с другой - отношение крестьянства губернии к административному режиму в последней четверти XIX в. Освещение этих вопросов имеет важное значение для углубленного, всестороннего раскрытия социально-политического положения широких крестьянских масс в дооктябрьской России, а также для понимания процесса обострения кризиса самодержавия в эпоху капитализма. Хронологические рамки статьи охватывают этап от второй революционной ситуации в стране до конца прошлого века.

Как известно, в дореволюционной дворянской и буржуазной историографии вопросам местного управления уделялось пристальное внима-

ние.¹ Однако при этом главным образом изучали процесс создания тех или иных учреждений, их функции и компетенции, структуру, организацию делопроизводства и отчетности. Практически не рассматривались стиль и методы работы местных органов власти, классовая направленность их деятельности.

Принципиально новый этап в изучении методов осуществления аграрной политики самодержавия, стиля работы его административного аппарата знаменуют собой работы В.И.Ленина. В его трудах вскрыто классовое содержание политики самодержавия в отношении крестьянства, взаимосвязь этой политики с методами ее осуществления. В работе "Проект программы нашей партии", написанной в 90-х годах XIX века, В.И.Ленин писал: "Известны факты восстания крестьян и в пореформенное время против помещиков, их управляющих, защищающих их чиновников, известны факты аграрных убийств, бунтов и пр. Известен факт растущего возмущения в крестьянстве... против дикого произвола той шайки благородных оборванцев, которую напустили на крестьян под именем земских начальников".²

Значительный вклад в дело изучения методов осуществления государственной политики в отношении крестьянства, форм его борьбы против административно-судебного строя вносят советские историки-аграрники.³ Определенное освещение этот вопрос получил в работах, посвященных истории государственных учреждений дореволюционной России.⁴ Однако до настоящего времени отсутствуют работы, специ-

¹ Лохвицкий А. Губерния, ее земские и правительственные учреждения. ч.1. 2-е изд., СПб., 1864; Градовский А.Д. Начало русского государственного права. Органы местного управления. Собр. соч., т.9, ч.3. СПб., 1904; Головин К.Ф. Наше местное управление и местное представительство. СПб., 1884; Страховский И.М. Губернское устройство (Правительственные учреждения). СПб., 1913; Гессен В.М. Вопросы местного управления. СПб., 1904; Блинов И. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905; Розенберг В. Земские начальники. - В кн.: Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, т.1, СПб., 1904 и др.

² Ленин В.И. Проект программы нашей партии. Полн. собр. соч., т.4, с.228.

³ Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861-1880. М., 1978; Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1861-1904 гг. М., 1980; Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1891 г. М., 1974; Кузнецов И.Д. Очерки истории чувашского крестьянства, ч.2. Чебоксары, 1969 и др.

⁴ Брошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд., М., 1983; Зырянов П.Н. Социальная структура местного управления капиталистической России (1861-1914 гг.). - Ист. зап. №107. М., 1982; Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861-1904 гг. М., 1979; Либерман А.А. Состав института земских начальников. - Вопросы истории, 1976, №3, с.201-204; Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978; Ореховский И.В. Самодержавие против революционной России. М., 1982 и др.

ально посвященные методам осуществления правительственной политики в отношении крестьянства, стилю деятельности местного административного аппарата самодержавия, отношению широких масс крестьянства к проводимым властями мероприятиям.

Настоящая статья основана на довольно широком и разнообразном круге источников. Прежде всего это неопубликованные материалы, извлеченные из ряда фондов Центрального государственного исторического архива СССР (фонды ревизии сенатора М.Е.Ковалевского, Уголовного Кассационного департамента Сената, Канцелярии МВД), Центральных государственных архивов Татарской и Чувашской АССР. Из опубликованных материалов были использованы документы Полного собрания законов Российской империи, статистические сведения Первой всеобщей переписи населения 1897 г.

В пореформенный период управление Казанской губернией строилось и осуществлялось на основе, так называемого, "Общего учреждения губернского", и она входила в состав тех пятидесяти губерний государства, на которые было распространено действие реформ 60-х - 70-х годов XIX века, вводивших буржуазные начала местного управления и суда.

В последней четверти XIX века функции надзора за крестьянским сословным управлением и руководства им выполняли созданные в 1874 году уездные по крестьянским делам присутствия, пришедшие на смену мировым посредникам и их уездным съездам.⁵ Высшим губернским органом надзора за крестьянством являлось существовавшее с 1861 года губернское по крестьянским делам присутствие.

В целях повышения эффективности этих органов, 12 июля 1889 года была учреждена должность земского начальника. Второй инстанцией стал уездный съезд земских начальников, состоявший из административного и судебного присутствия. В обоих из них председательствовал уездный предводитель дворянства. Уездные съезды земских начальников, в свою очередь, находились под контролем губернского присутствия, ранее называвшимся губернским по крестьянским делам присутствием, во главе с губернским предводителем дворянства.⁶

В Казанской губернии институт земских начальников был введен с 1891 года. Вся губерния была разделена на 65 земских участков, во главе каждого из которых стоял земский начальник.⁷ Земские на-

⁵ Полное собрание законов Российской империи. П., т. 49, № 53 678. Далее: ПСЗ...

⁶ ПСЗ III, т. IX, № 6196

⁷ ПСЗ III, т. XI, № 7775.

чальники должны были назначаться из местных дворян. Они имели широкие полномочия в отношении крестьянского сословного управления. По закону от 12 июля 1889 года они имели право накладывать на крестьян штраф до 6 рублей, подвергать аресту до трех дней и телесным наказаниям.

Таким образом, как справедливо отмечает академик Н.М.Дружинин, "...над мирскими сходами и крестьянскими выборными была воздвигнута громадная иерархическая система сословно-дворянских учреждений по крестьянскому делу".⁸

Перечисленные нами органы непосредственно занимались крестьянским сословием. Фактически же крестьянский вопрос занимал ведущее место в практике всех важнейших учреждений губернии. Он доминировал в деятельности губернского правления и полицейских органов, органов суда и прокуратуры, казенной палаты и уездных казначейств. Весь местный административный аппарат в пореформенный период был нацелен на обеспечение классового господства помещиков, получение от крестьян налогов, подавление сопротивления крестьянских масс.

По данным переписи населения 1897 года общее количество лиц, занятых в административно-судебных органах и полиции, составляло в конце XIX века в Казанской губернии 3594 человека, а в том случае, если мы будем учитывать и занятых на общественной и сословной службе, то общая численность администрации составит 5594 человека.⁹ Следует оговориться, что в это число не входят сельские старосты, низшие чины полиции - сотские и десятские и некоторые другие должностные лица крестьянского сословного управления, учтенные переписью в числе крестьян.

Наиболее многочисленной и постоянно растущей прослойкой представителей местного административного персонала являлись работники полицейских органов. Так в 1892 году число служащих полицейских управлений губернии составляло 148 человек, а к 1904 году их количество возросло до 175 человек.¹⁰ Особенностью полицейского аппарата являлось то, что абсолютное большинство его работников находилось вне городов. К началу 80-х годов XIX века в губернии числи-

⁸ Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861-1880. М., 1978, с. 268.

⁹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897г., т. I.4. Казанская губерния. СПб., 1904, с. 179-183.

¹⁰ ЦГА ТАСР, ф. 2, оп. 2, д. 4422, л. 8; д. 7022, л. 13.

лось 84 урядника и 144 стражника (96 конных и 48 пеших), которые находились под начальством 28 станowych приставов. В своей деятельности они опирались на 1900 сотских и 11100 десятских.¹¹ К началу XX века число урядников было повышено до 102, а к декабрю 1905 года составляло 177 человек. Численность же стражников в этот период достигла 1192 человека.¹² Все это свидетельствует об общей карательной направленности аппарата местного управления.

Функционирование органов коронной администрации в Казанской губернии в исследуемый период свидетельствовало о полном пренебрежении к правам, личному и национальному достоинству местного населения. По своей сути это была антинародная власть, что выражалось, в частности, в методах ее деятельности, в ее полной неспособности выполнять даже простейшие созидательные функции. Особенно ярко все эти черты проявлялись в процессе функционирования органов, непосредственно ведавших вопросами, связанными с жизнью крестьянства. Рассмотрим, например, как функционировало уездное по крестьянским делам присутствие.

Уездный предводитель дворянства, как правило, крупный помещик, являвшийся по закону председателем этого присутствия, обычно жил в своем имении, а не в уездном городе. Кроме того, он имел много других обязанностей и поэтому мог уделять весьма скромное внимание работе по крестьянским делам присутствия, как впрочем и всех других присутствий, где он был председателем или членом.

Председатель земской управы и уездный исправник, занятые своими непосредственными делами, а также обязанностями в других "присутственных местах", также редко появлялись на его заседаниях. Сплошь и рядом имели место примеры, когда члены присутствия прямо уклонялись от исполнения функций, возложенных на них законом по этому учреждению, а полученные ими от присутствия поручения стремились передать своим подчиненным. Так, в Чистопольском уезде, как было обнаружено в ходе ревизии сенатора М.Е.Ковалевского, председатель уездной земской управы, порученную ему проверку приговора о представлении крестьянина в распоряжение правительства, передал к исполнению члену управы, объясняя это неимением свободного времени. В том же уезде, исправник, которому присутствием было поручено наблюдение за правильностью выбора волостного старшины, поручение это переадресовал становой приставу, а на заседания при-

¹¹ ЦИА СССР, ф.1317, оп.1, д.1, л.108, 112, 114 об.

¹² Хасанов Х.Х. Революция 1905-1907 гг. в Татарии. М., 1965, с.177.

сутствия вместо себя, обычно, присылал своих подчиненных. Непременный же член присутствия, также обычно из местных помещиков, как отмечал М.Е.Ковалевский, "часто уезжает в уезд для исполнения различных поручений или просто уезжает в свое имение".¹³ При таком положении дел в уездных по крестьянским делам присутствиях Казанской губернии редко можно было заставить кого-либо, кроме наемных писцов. В этих условиях вполне естественно, что весь смысл выполняемых этим учреждением функций сводился в основном к канцелярской работе. Представители реакционного класса, игравшие руководящую роль в этом, да и других аналогичных учреждениях губернии, были не способны превратить их в эффективный инструмент управления даже в рамках, необходимых им для осуществления своего классового господства.

Говоря об уездных по крестьянским делам присутствиях, любопытно отметить, что многие сельские старосты, не говоря уже о простых крестьянах, даже не знали, где расположено это учреждение, ведавшее делами крестьянства в уезде. Был случай, когда одного сельского старосту Спасского уезда вызвали в уездное присутствие для выслушивания выговора. Староста приехал в Спасск и, разыскивая это учреждение, полагал наконец в какое-то другое "присутственное место", откуда его прогнали. Приняв это за следовавший ему выговор, староста отправился домой и только впоследствии, когда уездное по крестьянским делам присутствие потребовало от волостного правления объяснения, почему староста не явился по вызову, случай этот выяснился.¹⁴

Для местного административного аппарата была свойственна крайняя медлительность в производстве исполняемых им дел. Анализ прохождения документации в губернских и уездных учреждениях показывает, что поступающие прошения, ходатайства и жалобы сплошь и рядом не рассматривались по нескольку лет, а иногда и десятилетий. Ежегодно в канцелярии казанского губернатора и губернском правлении принимались десятки постановлений о прекращении дел, срок которых истек.

Канцелярская вылохита в исполнении дел сочеталась с обилием всевозможных бумаг, которые плодились в многочисленных губернских и уездных учреждениях.

В полицейских управлениях некоторых уездов Казанской губернии объем переписки достигал 40 и более тысяч входящих и исходящих бумаг в год, не считая личной переписки исправника, которая также

¹³ ЦИА СССР, ф.1317, оп.1, д.1, л.5 об.-6.

¹⁴ Там же, л.6 об.

была весьма обширна. Количество различных ведомостей и статистических отчетов достигало 31 наименования.¹⁵ Не удивительно, что в этих условиях весь смысл выполняемой работы часто сводился к своевременному представлению очередного отчета, вникать в содержание которого уже не было времени. В противном случае могла возникнуть обширная переписка по поводу непредставления данного отчета. В результате документы, на основе которых вышестоящие органы должны были принимать жизненно важные для населения региона решения, давали зачастую искаженное представление о действительности.

Недостатки, проявившиеся в процессе функционирования аппарата местного управления, в значительной степени усугублялись высоким уровнем должностных преступлений, совершаемых занятыми в нем лицами. Газета "Волжский вестник" так описывает царившую в губернии в 1882 году атмосферу: "всеобщий упадок экономической жизни, хронические неурожаи, безденежье; бесконечные процессы о всякого рода "хищениях", казнокрадстве, лихоимстве, лжи и насилия..."¹⁶ Так только за 1893-1897 годы в Казанской губернии к суду было привлечено за должностные преступления 247 представителей административного аппарата, в том числе 125 человек или более 50%, за превышение и бездействие власти (см. Отчеты губернатора за эти годы). Это свидетельствует о том, что произвол и отсутствие инициативы были наиболее характерными пороками местного административного аппарата.

Если учитывать, что привлечение к судебной ответственности за должностные преступления было в царской России крайней мерой наказания, и большинство такого рода преступлений рассматривались не судами, а вышестоящими чиновниками, значительная же их часть и вовсе оставались безнаказанными,¹⁷ то возникает довольно неприглядная картина разложения административного аппарата Казанской губернии в исследуемый период.

Моральное разложение коснулось работников всех звеньев аппарата местного управления. Так, земский начальник 3-го участка Цивильского уезда Веригин неоднократно задерживал у себя собранные у населения деньги, пожертвованные на постройку различных объектов и закупку товаров для общественных нужд.¹⁸

¹⁵ ЦИА СССР, ф.1317, оп.1, д.1, л.120, 174.

¹⁶ Волжский вестник, 1883, 2 января.

¹⁷ История государства и права СССР, ч.1. М., 1972, с.538; Петухов Г.Е. Административная юстиция в царской России. - Правоведение, 1974, № 5, с.73.

¹⁸ ЦГА ТАССР, ф.1, оп.3, д.9775, л.4-5.

Особенно неудовлетворительное положение складывалось в полицейских органах, служащих которых можно рассматривать как наиболее нравственно ущербную и косную часть бюрократии. Пьянство, драки, взаимные оскорбления, нанесение побоев ничем неповинным людям было обычным делом среди полицейских чинов.¹⁹

Подавляющее большинство руководящего состава уездной полиции не имело даже среднего образования. По данным на 1880 год в Казанской губернии из 20 столоничальников уездных полицейских управлений лишь один имел среднее образование, а остальные указывали, что получили низшее или домашнее образование. Из 40 станковых приставов только 13 имели среднее образование, из 12 исправников - высших чинов уездной полиции - среднее образование получили 5 человек.²⁰

Моральное разложение бюрократии, творимое ею беззаконие усугублялось невозможностью придать гласности ее действия. Газета "Волжский вестник", в статье, вышедшей затем с существенными цензурными изменениями, писала: "Правительственные органы практически не подвергались никакой критике со стороны печати. Появившиеся бы на ее страницах критические материалы, касающиеся деятельности собственно государственных органов, просто не были бы пропущены цензурой".²¹

В условиях ухудшения для правящего класса политической ситуации в стране, роста межклассовых противоречий, снижения эффективности действий местной администрации, правительство шло по пути усиления авторитарной власти губернатора на местах, стремясь таким путем повысить эффективность деятельности администрации в борьбе с революционным движением.

Начало этой политики выходит за рамки исследуемого нами периода и относится еще к первым десятилетиям пореформенной эпохи. Закон от 22 июня 1866 года превращал губернатора в полного хозяина губернии, так как его власть, если не прямо, то косвенно, распространялась на учреждения всех ведомств, находившихся в ней. Губернатору предоставлялось право "производить во всякое время общую и внезапную ревизию" во всех учреждениях, находившихся на территории губернии, хотя бы и не принадлежавших к ведомству Министерства внутренних дел.²²

¹⁹ ЦГА ТАССР, ф.41, оп.2, д.4970, 4919, 2225, 2240 и др.

²⁰ ЦИА СССР, ф.1317, оп.1, д.1, л.173 об.

²¹ Волжский вестник, 1885, 17 декабря. /ценз.экз./.

²² ЦСЗ П, т.91, № 13501.

В 1876 году Комитет министров снова предпринял шаг к усилению власти губернаторов, дав им право издавать обязательные постановления, имевшие силу закона²³.

Логическим продолжением политики правительства, направленной на усиление власти губернатора в системе местного управления, было издание 14 августа 1881 года закона "О мерах по охранению государственной безопасности и общественного спокойствия"²⁴, а также создание в 1904 году, так называемых "особых совещаний", руководящих дознанием по государственным преступлениям, где губернатор был председателем²⁵.

Предусмотренная по закону от 14 августа 1881 года возможность введения режима усиленной охраны была реализована в Казанской губернии, вслед за другими губерниями Среднего Поволжья, 4 октября 1906 года, то есть уже в годы первой народной революции²⁶.

Расширение власти губернатора путем предоставления ему законодательным путем все новых и новых прав, вплоть до наделения фактически диктаторскими полномочиями, в полной мере соответствовало содержащемуся в законодательстве положению, что он являлся первым "близителем неприкосновенности верховных прав самодержавия"²⁷. В этом заключалась сущность и характер его власти. Не случайно В.И. Ленин, определяя роль губернатора в пореформенной России, писал, что он "в русской провинции был настоящим сатрапом, от милости которого зависело существование любого учреждения и даже любого лица во вверенной губернии"²⁸.

Огромная, практически бесконтрольная, власть губернатора порождала многочисленные факты губернаторского произвола. Яркий пример тому — деятельность Казанского губернатора Н.Я. Скарятин, который, по характеристике А.Ф. Кони, был "деятельный и энергичный администратор, но охмелевший от "вина власти"²⁹. Крупный помещик, отставной николаевский военный, бывший предводитель дворянства

²³ Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров, т.3, ч.1. СПб., 1902, с.144.

²⁴ ПСЗ Ш, т.1, № 350.

²⁵ Брешкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России, 3-е изд., М., 1988, с. 224.

²⁶ ЦГА СССР, ф.1276, оп.2, д.128, л.312.

²⁷ Свод законов Российской империи. Изд. неоф. кн. I. М., 1910, т.2. Свод губернских учреждений. Общее учреждение губернское, ст. 270.

²⁸ Ленин В.И. Борьба с голодающими. Полн. собр. соч., т.5, с.280.

²⁹ Кони А.Ф. Из записок судебного деятеля. Собр. соч. В 8-ми т., т.1. М., 1966, с. 415.

Курской губернии, Скарятин не без основания считал себя всевластным хозяином губернии.

Жертвами губернаторского произвола могли оказаться и оказывались представители практически всех сословий, однако в массовом масштабе он творился прежде всего в отношении крестьян. Причем, здесь произвол осуществлялся не только лично губернатором, но и всей подчиненной ему административной машиной. В этом случае он был возведен в ранг государственной политики.

В 1878 году в Казанской губернии вспыхнуло крестьянское восстание. Его причины, характер и ход получили достаточно широкое освещение в исторической литературе,³⁰ нас же интересуют лишь действия администрации во главе с губернатором, которые дают яркое представление о стиле и методах деятельности аппарата государственного управления в национальных районах Среднего Поволжья, когда дело касалось выступлений народных масс и, в частности, татарских крестьян.

Осенью 1878 г. крестьянское движение охватило Спасский, Казанский, Чистопольский, Мамадышский и Тетюшский уезды губернии, выразившись в целом ряде резких негативных акций в отношении должностных лиц различных звеньев государственного аппарата управления. Восстание татарских крестьян в Казанской губернии в 1878-1879 годах, явившись важным политическим событием второй революционной ситуации в стране, с полной откровенностью показывало резко отрицательное отношение широких крестьянских масс ко всей системе губернаторского административного режима.

Каковы же были в создавшейся ситуации действия администрации? В уезды, охваченные волнениями, были направлены войска, которые возглавил лично губернатор.

Прибыв первоначально с батальоном солдат в 500 человек в деревню Менгерн Больше-Менгерской волости Казанского уезда, губернатор велел собрать всех крестьян, приказал опуститься им на колени и, обходя их, наносил крестьянам "побой руками и пачками допол-

³⁰ Фирсов Н.Н. Прошлое Татарии. Казань, 1926, с.39-42; Чернышев Е. Волнение казанских татар в 1878 г. — В кн.: Вестник научного общества татароведения № 7, Казань, 1927, с.173-202; Смирнов Ю.И. Классовая борьба в пореформенной деревне Казанской губернии /1867-1881/. Казань, 1956; он же. Крестьянское движение в Казанской губернии в 1878-1879 годах. Казань, 1959.

нительных листов к инструкции сельским обществам, иных татар хватал и рвал за бороды, а других толкал ногами в грудь и лицо".³¹ При этом он приговаривал, "вот вам коран, вот вам Магомет, вот вам за неприятие шести параграфов данной инструкции".³² В той же деревне губернатор "приказал полицейскому стражнику Медведеву бить татарина Вали-та Халитова" и, тем самым, отплатить за ранее нанесенные Медведеву побои. Затем губернатор сам схватил за бороды двух почетных татарских старшин Исакова и Сайфутдинова и стал бить их головами друг об друга, сопровождая свои действия нецензурной бранью. Лично участвовал он и в расправе над крестьянами в деревне Мамсе и Атне.³³ Во всех этих деревнях крестьяне подверглись массовой порке. Пороли без разбору, всех, кто попадался под руку. Наказанию подверглись многие из тех, кто не принимал участия в антиправительственных действиях. Всего в трех волостях было высечено свыше 400 человек, многим из крестьян было дано более 100 ударов - сечение производилось до появления крови.³⁴

Расправа над участниками волнений, но уже в форме административной высылки, производилась и в 1879-1880 годах.

Личные действия губернатора Скарятин в 1878 году получили довольно широкую огласку и вызвали нежелательный для правительства резонанс в условиях обострения внутривластной обстановки. В результате, Скарятин вынужден был выйти в 1880 году в отставку с огромной, по тем временам, пенсией 3000 рублей в год.³⁵ Правда, правительство в то время вынуждено было возбудить против него уголовное дело, однако в его защиту выступили влиятельные силы. В "Московских ведомостях", издававшихся М.Н.Катковым, тесно связанным с реакционными правительственными кругами, в 1883 году появились две статьи, направленные на оправдание действий Скарятин. В них живо говорилось о порядке, который якобы царил в Казани во времена Скарятин, о его будто бы благотворном влиянии на местную молодежь и двух имевших место покушениях на его жизнь.³⁶ Таким образом, делался намеренный намек на причастность к скарятинскому делу каких-то тайных сил, а самого губернатора пытались представить как борца против революционной угрозы, за порядок и спокойствие. На самом деле никаких покушений на

31 ЦИА СССР, ф.1363, оп.10, д.148, л.36 об.

32 ЦИА СССР, ф.1363, оп.10, д.149, л.3.

33 ЦИА СССР, ф.1363, оп.10, д.148, л.36 об.-37.

34 ЦИА СССР, ф.1363, оп.10, д.152, л.67.

35 ЦИА СССР, ф.1282, оп.2, д.1083, л.11.

36 Волжский вестник, 1883, 24 апреля.

Скарятин не было. В статьях "Московских ведомостей" улавливается попытка составить аналогию с покушением на Александра II, и, таким образом, оправдать действия бывшего казанского губернатора. Не удивительно, что в условиях наступления реакции и в связи с коронацией в 1883 году нового императора, дело Скарятин было прекращено.³⁷

Интересно отметить, что Н.Я.Скарятин обвинялся лишь "в личной расправе и жестоким обращении с татарами". Как писал исполняющий дела судебного следователя по особо важным делам Завьялов, "требование казанским губернатором военной команды и употребление экзекуции в отношении причастных к беспорядкам лиц не должно быть почитаемо превышением предоставленной ему законом власти".³⁸

Действительно, действия Н.Я.Скарятин не выходили за рамки постоянно имевшей место практики подавления крестьянского недовольства с помощью войск и массовых экзекуций и были совершенно естественны и оправданы с точки зрения крепостников и реакционеров, находившихся у власти. Так было и до него, сохранилась эта практика и в последней трети XIX века, войска и военные команды широко использовались для подавления народного недовольства в начале XX века.

В 1888 году, в ответ на нежелание крестьян деревни Старицы Урмары отдавать 47 десятин лесной дачи в пользу кулаков, местные власти ввели в деревню крупный отряд конных полицейских урядников, подвергли крестьян массовым телесным экзекуциям и наказаниям, определенным решениями волостного суда, 17 крестьян были приговорены к смертной казни, замененной впоследствии пожизненной каторгой в Сибирь.³⁹

В октябре 1890 года, для подавления аграрных беспорядков в селах Биябаш, Бабаево, Новопоселковский Биябаш и ряде других Тетюшского уезда, была использована воинская команда в составе 400 человек. Была осуществлена массовая порка, 25 крестьян арестовано.⁴⁰

В 1896 году для подавления аналогичных беспорядков многочисленная полицейская команда была применена в деревне Новое Урмове Цивильского уезда.⁴¹

37 Волжский вестник, 1883, 1 мая.

38 ЦИА СССР, ф.1363, оп.10, д.152, л.58-59.

39 Григорьев Т.Г., Николаев П.Н. Рабочее и крестьянское движение в Чувашии в конце XIX - начале XX веков. - Учен. зап. ЧНИИ, вып. 13. Чебоксары, 1956, с.44.

40 ЦИА ТАССР, ф.1, оп.3, д.8747, л.5-15.

41 Григорьев Т.Г., Николаев П.Н. Рабочее и крестьянское движение в Чувашии в конце XIX - начале XX веков. - Учен. зап. ЧНИИ, вып. 13. Чебоксары, 1956, с.44.

В 1898 году отряд казаков численностью в 40 сабель был использован против крестьян, оказавших сопротивление кулацким захватам в деревнях Самушкино, Пизенер и ряде других Асакасинской волости Ядринского уезда. Была произведена массовая порка крестьян, которой лично руководил Ядринский уездный исправник.⁴²

С 1876 по 1900 год местные власти 13 раз вводили военные команды для подавления крестьянских волнений. Всего же, с момента отмены крепостного права до начала XX века, они были использованы в Казанской губернии 62 раза.⁴³

Таким образом, применение властями против крестьян воинских и полицейских команд, массовых телесных наказаний, производившихся без всякого судебного разбирательства, в соответствии с установившейся еще в феодальную эпоху практикой, носило постоянный характер.

Произвол, бездеятельность, нравственный упадок коронной администрации, тот социально-экономический строй, охранителем и защитником которого она выступала, тот политический режим, который она собой олицетворяла, вызвали растущий протест среди населения, рост антиправительственных выступлений, стимулировали развитие революционного процесса. Основная тяжесть административного гнета в исследуемый период падала на плечи крестьянства. Именно оно наиболее активно и выступало против этого гнета. Не случайно, что значительная часть крестьянских волнений в Казанской губернии в исследуемый период была направлена против административно-судебного строя. Всего с 1876 по 1900 год, включительно, в Казанской губернии произошло 46 таких выступлений.⁴⁴ Крестьянство в основной своей массе не доверяло администрации и даже в действиях властей, позитивных в своей основе, склонно было видеть, и часто не без оснований, скрытые меры, способные поставить его в еще более тяжелое положение. Даже полезные и необходимые мероприятия — противотуманные, противохохолерные, страховые, перепись населения и т.п. проводились местной администрацией настолько грубо, с полным пренебрежением к массам и отдельным людям, с таким откровенным произволом, что вызвали взрывы яростного негодования народных масс.

В яркой форме недоверие крестьянских масс к администрации в Казанской губернии проявилось в 1896 и 1897 годах — во время про-

⁴² ЦГА ТАССР, ф. I, оп. 52, д. 164, л. 8.

⁴³ Смыков Ю. И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю. 60-90-е годы XIX в., с. 128.

⁴⁴ Смыков Ю. И. Указ. соч., с. III, 113.

ведения первой Всеобщей переписи населения. Проведение переписи вызвало массовые волнения во многих деревнях Лаишевского, Цивильского, Чистопольского, Тетюшского и Спасского уездов.⁴⁵ Таким образом, мы можем говорить о самом настоящем кризисе доверия к местной администрации в конце XIX века.

Не случайно, у чувашей даже был обычай кидать гнилые лапти и пить водку вслед за отъездом представителей государственной власти из деревни.⁴⁶

Показателем падения авторитета власти, роста сопротивления административному гнету и политике, проводимой бюрократией, являлся высокий уровень различного рода преступлений, направленных против должностных лиц и системы управления. Только в 1897 году произошло 2099 такого рода преступлений, в которых было замешано 4112 человек. (см. таблицу № I).

За пять лет, с 1893 по 1897 год всеми судебными органами губернии за преступления против системы управления было осуждено 19744 человек. В среднем это составляло 3949 человек в год. Таким образом, количество лиц, ежегодно принимавших участие в преступлениях, направленных против системы управления, превышало численность работников административно-судебных органов и полиции, что, в известной степени, свидетельствовало о шаткости существовавшего режима.

Обращает на себя внимание высокая численность лиц, осужденных за преступления, направленные против системы управления, дела которых были рассмотрены мировыми судьями, уездными съездами, уездными членами окружного суда, земскими начальниками и волостными судами. Дело в том, что эти инстанции, в основном, рассматривали дела лиц крестьянского сословия. Таким образом, это свидетельствовало о глубоком недовольстве широких масс крестьянства административным аппаратом, олицетворявшим существовавший в стране режим.

В целом изучение процесса функционирования коронной администрации в Казанской губернии убеждает в том, что произвол и насилие в отношении крестьян являлись обычной практикой ее деятельности. Бесконтрольность, антинародная сущность проводимой политики, громадные привилегии и полномочия высших представителей государственной власти на местах порождали возмутительные примеры деспотизма и самодурства, полного пренебрежения к правам, личному и национальному достоинству крестьянского населения, вызывали поток различно-

⁴⁵ ЦГА ТАССР, ф. 390, оп. I, д. 607, 589, 586, 532, 560, 563, 570.

⁴⁶ ЦГА ТАССР, ф. 334, т. 10, л. 179.

Таблица I.

Число лиц, осужденных за действия, направленные против системы управления в Казанской губернии за 1893-1897 годы.*

I. Рассмотренных общими судебными установлениями

№ : п :	Наименование преступления	Годы совершения преступлений				
		1893	1894	1895	1896	1897
:	:	число	число	число	число	число
:	:	участ-	участ-	участ-	участ-	участ-
:	:	ников	ников	ников	ников	ников
I.	Неуважение к присутственным местам и чиновникам при исполнении служебных обязанностей	46	24	34	10	61
2.	Сопrotивление распоряжения правительства и установленным властям	-	13	10	3	18
II. Рассмотренных мировыми судьями, уездными съездами, уездными членами окружного суда, земскими начальниками и волостными судами.						
3.	По оскорблению полицейских и других стражей, а также служителей судебных и правительственных мест.	1233	994	789	849	716
4.	По прочим проступкам против порядка управления	3458	2715	2078	3376	3317
Итого по всем судебным учреждениям		4737	3746	2911	4238	4112

* Таблица составлена на основе данных, содержащихся в ежегодных обзорах Казанской губернии за 1893, 1894, 1895, 1896,

1897 годы. Казань, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898. Приложения. Ведомость № 6.

го рода злоупотреблений и должностных преступлений среди служащих местной администрации. Все это порождало кризис доверия к власти. Об этом свидетельствовал, в частности, и высокий уровень выступлений и действий, направленных против должностных лиц и порядка управления, враждебное отношение крестьян края к любым, в том числе и позитивным в своей основе, мероприятиям правительственных органов.

Для коронной администрации были характерны такие черты как фумажная волокита, сведение всего смысла выполняемой работы к канцелярской деятельности. Все это усугубляло отрыв аппарата управления от большинства населения региона, в еще большей мере противопоставляло его трудящимся массам, порождало недоверие к нему народа, свидетельствовало о глубоком кризисе всей политической системы самодержавия, неумолимо и закономерно шедшей к своему полному крушению. Резко отрицательное отношение широких крестьянских масс к местной царской администрации явилось одним из важных социально-политических факторов, ускоривших это крушение.

Л.Н. Гончаренко

КРЕСТЬЯНСКОЕ СОСЛОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРЕФОРМИННЫЙ ПЕРИОД (60-90-е годы XIX в.).

Одним из крупнейших феодально-крепостнических пережитков в России в эпоху капитализма выступало царское самодержавие и вся его политическая система. Важным ее элементом, действовавшим на самом стыке базиса и надстройки, являлось крестьянское сословное управление. Как отмечал академик Н.М. Дружинин, органы крестьянского сословного управления являлись "орудием коронной администрации, передаточным механизмом, исполнявшим правительственные предначертания".^I

В этой связи большой научный интерес представляет вопрос о состоянии и функционировании этих органов в процессе проведения правительственной политики в отношении крестьянства. Их исследование важно и для понимания многих проблем, связанных с обществен-

^I Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева, т.2. М., 1958, с.5.

но-экономическим строем пореформенной деревни. Дело в том, что выполнявшая в этот период целый ряд административно-фискальных и правовых функций в интересах государства, возложенных на них законом, органы крестьянского сословного управления продолжали оставаться важным регулятором общественно-хозяйственных дел крестьянских обществ, то есть выполнять функции характерные для них и в прошлом. В конечном счете, без всестороннего изучения стили и методов деятельности органов крестьянского сословного управления, социального состава их должностных лиц, круга стоявших перед ними задач и эффективности их работы невозможно со всей полнотой воссоздать историю крестьянства в пореформенную эпоху.

Исследование крестьянского общественного управления требует конкретно-исторического подхода, так как социально-экономические условия, национальная среда, в которой ему приходилось действовать, не были полностью идентичны в различных частях Российской империи. Важное значение имеет исследование данного вопроса в Казанской губернии, которая занимала центральное положение в Среднем Поволжье и являлась типичным сельскохозяйственным районом с огромным преобладанием крестьянского населения.

Казанская губерния выделялась многонациональным составом населения, особенно сельского. По данным переписи 1897 года татары составляли 31,1% населения губернии, чуваша - 23,1%, марийцы - 5,7%. На долю других нерусских народов, в том числе и некоренных, приходилось 1,7% населения губернии. Следовательно, представители нерусских народов составляли 61,6 жителей.² Таким образом, изучение интересующего нас вопроса на примере Казанской губернии дает возможность показать состояние и функционирование органов крестьянского сословного управления в условиях национального района.

В русской дореволюционной немарксистской историографии крестьянское сословное управление получило довольно широкое освещение. Обусловлено это было той острой полемикой, которая развернулась между представителями революционно-демократического лагеря по вопросу о судьбах и перспективах развития крестьянской поземельной общины в России. Кроме того, как представители революционно-демократического лагеря, так и прагматики из числа деятелей, выступавших в защиту интересов правящего класса, не могли не видеть недостатки, свойственные системе крестьянского сословного управления. В этой связи выда-

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897г., т.14. Казанская губерния. СПб., 1904, с. III-IV.

лись различные концепции его реорганизации или улучшения.

Из работ дворянских и буржуазных авторов следует отметить исследования А.А.Риттиха, И.Страховского, С.А.Дедюлина, В.Тригорова, Н.Н.Вячеслава, В.Ф.Преображенского, В.Пругавина и др.³ Большое внимание общине и структуре ее управления уделяли идеологи народничества.

Анализируя работы дореволюционных немарксистских исследователей, следует отметить, что хотя они и содержали большой фактический материал, касающийся органов крестьянского сословного управления, тем не менее их авторы так и не смогли вскрыть прямую зависимость снижения эффективности деятельности органов крестьянского сословного управления от реакционной политики царского правительства в отношении крестьянства, разложения самой общинной организации, роста классовой борьбы в деревне.

Принципиально новый этап в изучении органов крестьянского сословного управления знаменуют собой работы классиков марксизма-ленинизма и, прежде всего В.И.Ленина, посвященные аграрным отношениям в пореформенной России и являющиеся методологической основой для их дальнейшего изучения. В этом плане особое значение имеют ленинские высказывания о роли крестьянской общины в пореформенной деревне. В.И.Ленин писал, что она являлась "средневековой", "архаической", на три четверти "фискально-крепостнической".⁴ В то же время это не исключало, считал В.И.Ленин, роли общины как демократической организации местного управления, как товарищеского или соседского союза, удовлетворявшего, в известной мере, нужды крестьян как совладельцев наделной земли.⁵

Из работ советских авторов ценный вклад в изучение органов крестьянского сословного управления вносят исследования А.Н.Анфимова, Н.М.Дружинина, П.Н.Зырянова, А.В.Бондаревского, Н.П.Ерошки-

³ Риттих А.А. Зависимость крестьян от общины и мира. СПб., 1903; Дедюлин С.А. Крестьянское самоуправление в связи с дворянским вопросом. СПб., 1902; Пругавин В. Русская земельная община в трудах ее местных исследователей. М., 1888; Преображенский Ф.А. Вопросы крестьянского самоуправления: Сельские учреждения и должностные лица. М., 1893; Вячеслав Н.Н. Сведения о сельских поземельных общинах Казанской губернии. Казань, 1879; Страховский И.В. Крестьянские права и учреждения. СПб., 1903; Тригоров В. Община и подать. СПб., 1882 и др.

⁴ Ленин В.И. Аграрная программа русской социал-демократии. - Полн. собр. соч., т.6, с.344; он же. Революционный авантюризм. Полн. собр. соч., т.6, с.395; он же. Ответы на замечания Плеханова на статью "Аграрная программа русской социал-демократии". Полн. собр. соч., т.6, с.446.

⁵ Ленин В.И. Аграрная программа русской социал-демократии. Полн. собр. соч., т.6, с.344.

на. 6

Ряд аспектов деятельности органов крестьянского сословного управления в Казанской губернии в пореформенный период затронуты в работах историков Татарской, Чувашской, Марийской АССР.⁷

В советской исторической науке утвердилась точка зрения на крестьянское сословное управление, высказанная Н.П.Ерошкиным. Он, в частности, писал, что для правительства органы крестьянского сословного управления "являлись дополнительным, бесплатным административно-полицейским звеном..., органами, закрепившими сословную неполноправность и замкнутость пореформенного крестьянства".⁸

Анализ имеющихся в советской историографии исследований показывает, что историческая наука достигла определенных успехов в изучении органов крестьянского сословного управления. Наиболее изученным звеном крестьянского сословного управления является общинное управление во главе с сельским старостой. В то же время практически отсутствуют работы, специально посвященные крестьянскому сословному управлению. Слабо изученными остаются вопросы, связанные со стилем и методами деятельности его должностных лиц, их правовым положением, объемом полномочий и уровнем деловой квалификации. Недостаточное внимание уделено исследованию эффективности действий органов крестьянского сословного управления по реализации правительственной политики в отношении крестьянства, их взаимоотношений с различными звеньями системы местного управления и ряду других вопросов.

В литературе, посвященной истории крестьянства Среднего Поволжья в пореформенный период, этим сюжетам практически не уделялось внимания.

Большой комплекс материалов, касающихся состояния крестьянского сословного управления в Казанской губернии, содержится в

6 Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861-1880. Зиянов П.Н. Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период (1861-1914). - История СССР, 1980, № 4, с. 24-30; он же. Социальная структура местного управления капиталистической России (1861-1914 гг.). - Ист. зап. № 107. - М.: Наука, 1982; Бондаревский А.В. Волостное управление и положение крестьян в царской России (1861-1917): Автореф. канд. дисс. Киев, 1951.

7 См. например. Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю. 60-90-е годы XIX в. Казань, 1973; Кузнецов И.Д. Очерки истории чувашского крестьянства, ч.2. Чебоксары, 1969; Данилов К.В. Крестьянство Марийского края в пореформенный период. Автореф. канд. дисс. Йошкар-Ола, 1955 и др.

8 Ерошкин Н.П. История Государственных учреждений дореволюционной России. Изд. 3-е. М., 1983, с. 227.

Фондах Центрального государственного исторического архива в Ленинграде. Прежде всего следует назвать материалы ревизии сенатора М.Е. Ковалевского. Эта ревизия осуществлялась на основе Указа от 27 августа 1880 года и проводилась в рамках одновременного обследования девяти губерний страны. Напутствуя в августе 1880 года сенаторов, выезжающих на ревизию, М.Т.Лорис-Меликов говорил: "Ревизия ваша не будет простой сенаторской ревизией, какими они были прежде: здесь речь идет не о предании суду и отрешении от должности лиц, оказавшихся виновными в каких-либо злоупотреблениях; нет, здесь надо посмотреть, как бы устранить общие неудобства нашего провинциального порядка, как бы привести к единству, к согласию все то, что, быть может, не всегда в одном направлении было сделано законодательной властью за последнее время".⁹

Все ревизирующие сенаторы получили специальную инструкцию, которая также, в первую очередь, нацеливала их на тщательное изучение того, как функционировал местный аппарат государственной власти, в том числе и органы крестьянского сословного управления. Характерно, что ревизия была назначена в 1880 году, то есть в период, когда в стране сложилась новая революционная ситуация. В этих условиях, самодержавие пыталось, с одной стороны, отвлечь общественное мнение от повторяющихся подряд голодных лет, от деятельности революционных народников, террористические акты которых потрясли всю страну, а с другой - получить сведения для изучения путей ликвидации кризиса, путем совершенствования аппарата местного управления.

Выбор Казанской губернии для ревизии, в числе прочих, был не случаен. В 1878-1879 годах в ней произошли широкие волнения татарских крестьян, скандальную известность в стране приобрели действия главы местной администрации - губернатора Н.Я.Скарятина во время подавления этих волнений. В мае 1917 года В.И.Ленин, подвергая критике образовавшийся в Петрограде обреченный на бездействие ЦК "по восстановлению и поддержанию нормального хода работ в промышленных предприятиях", в объявлении об образовании которого были высопарные слова об организации над "всеми промышленными предприятиями постоянного деятельного общественного контроля", писал: "Они напоминают сенатские и прочие чиновничьи комиссии "доброе старое" царистского времени. Как только, бывало, проворуется какой-

9 Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880 годов. М., 1964, с. 239-240.

нибудь негодий из царских министров, губернаторов, предводителей дворянства и т.п., как только осрамится сильно на всю Россию и на всю Европу, какое-нибудь прямо или косвенно зависящее от царского правительства учреждение - так сейчас же следовало "успокоение общественного мнения" посредством назначения комиссии из знатных и знатнейших, высокопоставленных и высокопоставленнейших, богатых и богатейших "персон". В.И. Ленин отмечал, что "эти персоны" успокаивали общественное мнение всегда с наилучшим успехом. Они хорошили - обязательно по первому разряду - всякий общественный контроль "тем основательнее, чем пышнее были фразы об успокоении нашим мудрым царем "общественной совести".¹⁰

Материалы ревизии содержат характеристику всех структурных подразделений крестьянского сословного управления и занятых в них должностных лиц, их взаимоотношений с губернскими и уездными учреждениями, так или иначе, связанными с реализацией правительственной политики в отношении крестьянства. С позиции прагматика, заинтересованного в укреплении существовавшего режима и повышении деятельности органов крестьянского сословного управления, в выполнении задач, возложенных на них Положением от 19 февраля 1861 года, М.Е. Ковалевский анализирует недостатки, свойственные этим органам.

Степень достоверности сведений ревизии сенатора М.Е. Ковалевского можно рассматривать как весьма высокую. Ревизия была назначена в экстремальных внутривластных условиях, а ее результаты, по первоначальному замыслу, должны были послужить для выработки конкретных мер по улучшению работы аппарата местного управления. Кроме того, материалы ревизии с самого начала не предусматривалось предавать широкой гласности и ревизовавший знал это. Как отмечает Э.С. Панина, материалы ревизий "более достоверны и критичны, чем документация обследованных сенаторами учреждений".¹¹

В работе использованы также материалы Особой комиссии для составления проектов реорганизации местного управления, возглавлявшейся М.С. Кахановым. Эта комиссия работала с 20 октября 1881 года по 28 февраля 1885 года. Деятельность ее не дала результа-

¹⁰ Ленин В.И. Идут наперерез. Полн. собр. соч., т. 32, с. 37-38.

¹¹ Панина Э.С. Сенаторские ревизии и их архивные материалы (XIX - начало XX в.). - В кн.: Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX - начала XX века. М., 1967, с. 150.

тов, тем не менее комиссией был собран обширный материал, в том числе и по органам крестьянского сословного управления. Кстати, в эту комиссию были переданы и материалы ревизии М.Е. Ковалевского.

По заданию комиссии было предпринято комплексное обследование должностных лиц крестьянского сословного управления губерний Европейской России. Эти материалы позволяют установить численность различных категорий должностных лиц крестьянского сословного управления в Казанской губернии, время их нахождения в должности, образовательный уровень, денежное содержание, сословный состав (писарей волостных правлений) и ряд других сведений.

Уточнить и существенно дополнить данные ревизии сенатора Ковалевского и Особой комиссии для составления проектов реорганизации местного управления позволили материалы делопроизводственного характера из Центральных государственных архивов Татарской и Чувашской АССР.

Ценным источником, позволяющим получить представление о правах и полномочиях должностных лиц крестьянского сословного управления в пореформенный период, являются законодательные материалы, вошедшие во второе собрание Полного собрания законов Российской империи и, в первую очередь, "Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости" от 19 февраля 1861 года.

Все эти источники, безусловно, требуют сугубо критического к себе отношения в соответствии с их происхождением, временем появления, авторством, полнотой представленных в них сведений и, самое главное, классовой направленностью. Однако в своей совокупности они позволяют достичь поставленную в статье цель - осветить различные аспекты состояния и функционирования органов и должностных лиц крестьянского сословного управления в интересующий нас период. В число задач данной статьи входит анализ правового положения должностных лиц органов крестьянского сословного управления, выполняемых ими функций, установление пределов их полномочий, образовательного уровня и способности эффективно выполнять возложенные на них обязанности, а также изучение отношения к этим лицам широких народных масс в ходе многочисленных крестьянских волнений в Казанской губернии в 60-90-х годах XIX века.

Как известно, крестьянское общественное управление было утверждено "Общим положением" от 19 февраля 1861 года.¹² Однако, как справедливо отмечает П.Н. Зырянов, "реформа 1861 года лишь "легализовала" общинное управление бывших помещичьих крестьян".¹³

¹² ПСЗ II, т. 36, № 36657.

¹³ Зырянов П.Н. Социальная структура местного управления 1861-1914 гг. - Ист. зап. № 107. М., 1982, с. 239.

У государственных крестьян эта "легализация" была осуществлена еще по реформе П.Д.Киселева. С 1866 года организация органов крестьянского сословного управления государственных крестьян была унифицирована с бывшими помещичьими крестьянами. Действие общего положения было распространено и на них.¹⁴

Предусматривалось избрание самими крестьянами целого ряда должностных лиц - волостных старшин, сельских старост, сборщиков податей, смотрителей хлебных магазинов, лесных и полевых сторожей, сотских и десятских. Их положение было двойственно. Принадлежа к крестьянству - податному, наиболее ограниченному в правах сословию, они, как правило, продолжали заниматься крестьянским трудом, во многом разделяя участь своего сословия. Вместе с тем, как представители аппарата государственной власти, они были наделены целым рядом прав и привилегий, ставивших их над теми, из чьей среды они вышли и которыми управляли. В "Общем положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости", были сформулированы следующие привилегии должностных лиц крестьянского сословного управления: "1/ все назначающиеся по выбору должностные лица на время их службы увольняются лично от всяких натуральных повинностей, которые за них принимает на себя общество; 2/ волостной старшина, его помощники, сельские старосты, заседатели волостного правления, судьи волостного суда, сборщики податей и смотрители хлебных магазинов на время служб освобождаются от телесных наказаний; 3/ волостной старшина, на время служб, освобождается с семейством от рекрутской повинности; 4/ волостной старшина, беспорочно прослуживший два трехлетия, освобождается лично, навсегда, от исполнения рекрутской повинности, а по истечении трех трехлетий беспорочно служб старшины, льгота сия распространяется, по его выбору на одного из его сыновей или родственников, или воспитанников".¹⁵

Как мы видим, льготы были, но весьма скромные, и, что самое главное, они не давали возможности лицам крестьянского управления изменить свой сословный статус, перейти в состав другого, более привилегированного сословия. Должностные лица крестьянского сословного управления постоянно находились под угрозой самого строгого наказания со стороны вышестоящих властей. Непременный член уездного по крестьянским делам присутствия, полицейские урядники и стражники, мировые посредники, чины судебного ведомства, не гово-

¹⁴ ПСЗ П, т.41, № 42899.

¹⁵ ПСЗ РИ, 2-е собр., т.36, № 36657.

ря уже о более высокопоставленных лицах, имели право распоряжаться ими по своему собственному усмотрению.

Особенно невыносимым стало положение после учреждения в 1889 году должности участковых земских начальников, которые пользовались безраздельной властью над крестьянским сословным управлением. Они получили право, в случае невыполнения их требований или за те или иные маловажные проступки, подвергать лиц крестьянского сословного управления выговору, денежному взысканию до 5 рублей, а также аресту до 7 дней. За более важные нарушения земским начальникам предоставлялось право временно устранять должностных лиц и выходить с представлением в уездный съезд о совершенном увольнении их от службы или о предании их суду.¹⁶

Таким образом, мы можем говорить о том, что должностные лица крестьянского сословного управления составили самую бесправную и эксплуатируемую часть административного аппарата самодержавия.

Низшей единицей крестьянского сословного управления являлся сельский сход, в котором участвовали все домохозяева одного большого или нескольких мелких селений, являвшихся членами одной общины. В Казанской губернии общины разделялись на три основных вида: простые, состоящие из одного селения; раздельные, где одно селение распадалось на две или более земельные общины; и, наконец, сложные, представлявшие из себя несколько самостоятельных селений или обществ, искусственно объединенных лишь общей земельной дачей.¹⁷ Всего по данным на 1880 год в Казанской губернии насчитывалось 2946 сельских обществ.¹⁸

В сложных общинах сельский сход действовал в каждой деревне. И только раскладка повинностей, а также выборы сельского старосты происходили на общем сходе с участием домохозяев всех деревень.

Самую низшую ступень в иерархии должностных лиц общинного управления занимали десятские и сотские - низшие полицейские должностные лица в дореволюционной России.

В число возложенных на них законом задач входило наблюдение за порядком в селениях, торговлей на базарах и ярмарках, оправлением религиозных обрядов, погребением тел умерших и множество других обязанностей, касавшихся самых различных сторон крестьянской

¹⁶ ПСЗ РИ, 3-е собр., т.9, № 6196.

¹⁷ Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю. 60-90-е годы XIX века. Казань, 1973, с.44-45.

¹⁸ ЦГИА СССР, ф.1317, оп.1, д.83, л.7 об. - 8.

жизни.¹⁹

В 1880 году в Казанской губернии насчитывалось 21315 сотских и 13546 десятских.²⁰ Количество сотских и десятских также примерно соответствовало этим цифрам. Это позволяет рассматривать их как наиболее многочисленную категорию лиц, занятых в крестьянском сословном управлении. Как отмечал, ревизовавший в 1880 году Казанскую губернию сенатор М.Е.Ковалевский, эти должностные лица избирались, как правило, из "худшей, то есть беднейшей части крестьянства, и несли свою службу безвозмездно".²¹

Весьма интересно отношение этой категории должностных лиц к своим обязанностям. Как отмечает М.Е.Ковалевский, "...сотские и десятские не только не исполняют тех многочисленных обязанностей, которые возлагаются на них законом, но большей частью даже не имеют понятия об этих обязанностях; не только не содействуют чинам общей полиции в раскрытии и обнаружении преступлений и не помогают им в надзоре за порядком, безопасностью и благоустройством в селениях, но напротив того нередко заботятся о том, чтобы скрыть от глаз правительственной полиции следы преступлений и существующие в селениях беспорядки".²² В 1880 году лишь 113 десятских и сотских в Казанской губернии были грамотными.²³ Однако можно предположить, что халатное отношение сотских и десятских к своим обязанностям и даже сокрытие ими беспорядков, происходивших в деревнях, было обусловлено не столько их низкой квалификацией, неграмотностью и даже не отсутствием денежного содержания, сколько прямым, хотя быть может и не осозанным до конца, нежеланием этих представителей беднейшего крестьянства оказывать содействие полицейским органам, являвшимся одним из основных инструментов угнетения крестьянства. Тот же М.Е.Ковалевский свидетельствовал, что "побеги арестантов, пересылаемых под охраной сельских стражей, повторяются постоянно, а иногда бывают даже случаи, что чины сельской полиции, отправляемые для сопровождения арестантов, отпускают их, отдавая даже арестантам на руки бумаги, при которых они пересылаются".²⁴ Естественно, что арес-

¹⁹ Свод законов Российской империи. Изд. неофиц., кн. I. М., 1910, т. 2. Общее учреждение губернское, ст. 799-827.

²⁰ ЦГИА СССР, ф. 1317, оп. I, д. 83, л. 7 об.-8.

²¹ ЦГИА СССР, ф. 1317, оп. I, д. I, л. 38 об.

²² ЦГИА СССР, ф. 1317, оп. I, д. I, л. 154.

²³ ЦГИА СССР, ф. 1317, оп. I, д. I, л. 173 об.

²⁴ ЦГИА СССР, ф. 1317, оп. I, д. I, л. 154 об.

танты, которых сопровождали сотские и десятские, были, как правило, такими же крестьянами, и в основе их преступлений, чаще всего, лежало тяжелое экономическое положение.

Сотские и десятские непосредственно подчинялись полицейским стражникам и урядникам. Кроме того, первые еженедельно должны были являться в стантовую квартиру с донесением о состоянии вверенных им селений. Однако, как свидетельствуют материалы ревизии Казанской и Уфимской губерний, это правило практически нигде не соблюдалось. Сотские стремились свести к минимуму свои контакты с полицейскими чиновниками и являлись к приставу лишь в чрезвычайных обстоятельствах, а в практике своей деятельности больше имели дело с волостным старшиной и сельскими старостами. Вообще, как отмечал М.Е.Ковалевский "если же случайно их (крестьян -Л.Г.) избирают в сотские, то нередко они прилагают все старания, чтобы доказать свою неспособность и бездеятельность и этим способом вынудить начальство удалить их от должности".²⁵

Были случаи, когда крестьяне вообще отказывались избирать сотских и десятских вопреки приказанию вышестоящего начальства. Такой факт, в частности, нашел свое отражение в делах прокурора казанской судебной палаты. В феврале 1879 года крестьяне деревни Новне Ургары Спасского уезда отказались избирать полицейских десятских.²⁶

Важное место среди должностных лиц органов крестьянского сословного управления занимали сельские старосты. Должность сельского старосты не была искусственно созданной и существовала не одно столетие. Однако, узаконив должность старосты, законодательство детально разработало его права и обязанности, превратив по существу в правительственного агента в деревне.

Избираемые на три года, старосты выполняли множество различных функций, важнейшими среди которых были сборы различного рода податей.

Эта обязанность, в условиях обнищания деревни и растущих с каждым годом недоимок, выполнялась сельскими старостами с большим трудом. Особенно туго шел сбор податей в годы обострения классовой борьбы, какими являлись годы второй революционной ситуации. Об этом говорит и количество наказаний, которым подвергались старосты со стороны вышестоящих властей. В конце 70-х годов XIX века в Спасском уезде, в ответ на слабое поступление недоимок и ссуд из продовольственного капитала, 201 сельский староста группами по 25-30 че-

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 1317, оп. I, д. I, л. 155.

²⁶ ЦГИА СССР, ф. 89, оп. I, д. 1144, л. 4.

людей были подвергнуты аресту при Спасском уездном полицейском управлении.²⁷ Однако, даже отсидев 5 или 7 дней под арестом, староста сплось и рядом не мог заставить общество уплатить необходимую сумму податей. Обычной была практика, когда налагаемые на старост штрафы уплачивались миром по раскладке, но подати все же не вносились.²⁸ В этом не было ничего удивительного. В исследуемый нами период государственные крестьяне, а они составляли в Казанской губернии более 80% крестьянского населения, платили с каждой ревизской души выкупные платежи и государственные налоги в русских селениях по 5 рублей 54 копейки, в чувашских селениях по 6 рублей 53 копейки, в марийских селениях (по Царевококшайскому уезду) по 6 рублей 89 копеек. С волостными и общественными сборами общая сумма денежных платежей достигала 8-9 рублей с души.²⁹ Столь высокий уровень различного рода платежей ложился непосильным бременем на крестьян. По данным военно-конских переписей конца XIX века количество безлошадных крестьянских дворов в Казанской губернии составляло 30,3% от их общего количества.³⁰ Таким образом, треть крестьянских дворов фактически не имели возможность вести свое собственное хозяйство, однако подати платить они были обязаны. Только в 1884 году в Козмодемьянском уезде губернии из 135 селений 55 были объявлены неплатежеспособными, в Чебоксарском - из 285 - 212, в Ядринском - из 169 - 37.³¹ В 1891 году, в целом по губернии, недоимки составляли 8405 тыс. рублей, а вместе с продовольственным долгом их сумма достигала огромной суммы в 10977,4 тыс. рублей.³² Не случайно К.Маркс, анализируя положение бывших государственных крестьян в национальных районах Среднего Поволжья, отмечал несообразность платежей крестьян в царскую казну с их средствами.³³ В этих условиях каждый сбор платежей был чреват массовыми выступлениями крестьян. Всего за 1881-1900 годы в Казанской губернии по подсчетам Ю.И. Смыкова произошло 22 крупных выступления крестьян против податного

гнета, не считая многочисленных стичек и протестов, которыми сопровождались практически все сборы податей.³⁴

Опасаясь с одной стороны гнева крестьян, а с другой возможного наказания за слабый сбор податей, старосты сплось и рядом обращались с просьбами об оказании им помощи со стороны полиции. В делах исправников и по крестьянским делам присутствий уездов Казанской губернии было немало секретных донесений старост, в которых они, из опасения взыскания со стороны полиции, доносили об упорном нежелании крестьян ввиду бедственного положения уплачивать подати и ходатайствовали о присылке к ним в село чинов полиции для их взыскания.³⁵ Таким образом, старосты оказывались как бы между двух огней. С одной стороны они испытывали страх перед наказанием со стороны вышестоящих властей, а с другой опасались гнева крестьян, с которых должны были, в соответствии с возложенными на них обязанностями, получить любыми средствами необходимую сумму податей. Не случайно свои просьбы о присылке полиции они сопровождали настоятельными предупреждениями об оставлении их донесений в тайне, так как в противном случае "житья им не будет от мира".³⁶

В помощь сельским старостам избирались специальные сборщики податей, однако их роль ограничивалась чисто техническими функциями. Они отвечали за прием вносимых крестьянами сумм, **отмечая факт** уплаты в специальных книжках или на **бирках** и доставление собранных денег в казначейство или волостное правление. Вся же полнота ответственности за уплату податей нес староста.

Принуждение к уплате податей было одной из самых важных, но далеко не единственных обязанностей сельских старост. Они отвечали за столь же тягостное для населения содержание противопожарных караулов, исполнение натуральных повинностей, следили за порядком в селениях, должны были оказывать всевозможные услуги полиции, выполняли ряд других обязанностей, а также принимали участие в заседаниях волостного правления. Все эти дела отнюдь не носили традиционного для старост характера, а были вменены им в обязанность законодательством. Что касается традиционных для старосты обязанностей, касающихся мирских дел, то здесь они обычно находились под влиянием выдвинувших их на эту должность кулаков и коштанов. Как явствует из записок современника за 1873 г., сохранившихся в архиве В.К.Магницкого, о старостах в чувашских деревнях, "хотя по закону они (старосты - Л.Г.) считаются председателями сходов, их

27 ЦИА ССР, ф.1317, оп.1, д.1, л.16.

28 ЦИА ССР, ф.1317, оп.1, д.1, л.40.

29 ЦИА ССР, ф.91, оп.1, д.857, л.48; Временник центрального статистического комитета, № 38. СПб., 1895, с.40; Терешкина М.И. Освобождение государственных крестьян Марийского края.- Труды МНИИ, Йошкар-Ола, 1956, с.21.

30 Россия. Полное географическое описание нашего отечества, т.6. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб., 1901, с.229.

31 Кузнецов И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства, ч.2. Чебоксары, 1969, с.257.

32 Энгельс А.Н. Очерк крестьянского хозяйства в Казанской и других средневожских губерниях. Казань, 1892, с.50, 125.

33 Архив Маркса и Энгельса, т.13. М., 1955, с.119.

34 Смыков Ю.И. Указ. соч., с.111.

35 ЦИА ССР, ф.1317, оп.1, д.1, л.40 об.

36 ЦИА ССР, ф.1317, оп.1, д.1, л.40.

руководителями, — но в действительности они не смеют без мира, или, без коштанов, сделать, как говорится, ни шага, разгнывая только роль рассыльных". Более того, отмечал автор записок, "сельские старосты нередко вынуждаются бессознательно на противозаконные действия, так называемыми у чуваш коштанами, заправляющими сходами".³⁷

Выполнение многочисленных дел требовало от старост хотя бы элементарной грамотности. Однако в 1880 году грамотные старосты составляли лишь 3,7% от общего их количества, а в Царевококшайском и Ядринском уездах вообще отсутствовали. (таблица № I).

Таблица № I

Образовательный уровень сельских старост в Казанской губернии по данным на 1880 год.³⁸

№ п/п	Наименование уезда	Всего : учтено : сельских : старост :	В том : числе гра- : мотных : негра- : мотных :	В том : числе : негра- : мотных :	% грамотных : старост к об- : щему их коли- : честву в уез- : де
I.	Казанский	316	II	305	3,5
2.	Козмодемьянский	129	I	128	0,8
3.	Лаишевский	327	43	284	13,1
4.	Мамадышский	291	4	287	1,4
5.	Свияжский	215	9	206	4,2
6.	Спасский	258	20	238	7,8
7.	Тетюшский	243	2	241	0,8
8.	Царевококшайский	136	-	136	-
9.	Цивильский	164	3	161	1,8
10.	Чебоксарский	280	I	279	0,4
11.	Чистопольский	294	II	283	3,7
12.	Ядринский	164	-	164	-
И Т О Г О:		2817	105	2712	3,7

Обращает на себя внимание, что наибольшее количество неграмотных старост было сосредоточено в уездах с преимущественно нерусским составом населения. В таких уездах как Казанский, Свияжский, Спасский, Лаишевский и Чистопольский количество грамотных старост было несколько выше, однако и в них они исчислялись единицами. Такое положение вещей с одной стороны, снижало и без того низкую эффективность деятельности старост, а с другой, — давало

37 ЦГА ЧАССР, ф.334, т.10, л.178.

38 ЦГА СССР, ф.1317, оп.1, л.83, л.23.

возможность правительственным чиновникам осуществлять свою безраздельную власть над этой категорией должностных лиц органов крестьянского сословного управления, а через них и над всеми крестьянами.

К 1905 году число грамотных сельских старост достигло 530 человек,³⁹ то есть увеличилось по сравнению с 1880 годом примерно в 5 раз. Вместе с тем, к началу XX века грамотные старосты продолжали составлять абсолютное меньшинство, они составляли лишь 18% от общего количества старост по 10 уездам губернии. Причем, из числа грамотных старост, татар было 36 человек, или 6,8% и один чуваш языческого вероисповедания.⁴⁰ В целом к началу XX века численность грамотных сельских старост находилась в соответствии с общим уровнем грамотности в губернии, составлявшей около 18% от общего количества населения, но была значительно выше уровня грамотности сельского населения. Наряду с этим, в уездах губернии были целые волости, в которых не было в начале XX века ни одного грамотного сельского старосты. Всего в Казанской губернии насчитывалось 29 таких волостей.⁴¹

Служба в должности сельского старосты была крайне обременительна для крестьян. Она рассматривалась крестьянами как тяжелая повинность. Это обуславливало высокую сменяемость сельских старост. В 1880 году из 2817 старост лишь четверо находилось на службе более трех лет, обязательного срока при избрании, в том числе трое находились в должности шестой год и один девятый год.⁴² В 1880 году лишь 70 сельских старост получали денежное содержание, причем средний годовой оклад у них составлял сравнительно небольшую сумму — 23 рубля 24 копейки.⁴³

Высшим органом крестьянского сословного управления являлся волостной сход. Он состоял из всех выборных должностных лиц волости, а также представителей от каждых десяти крестьянских дворов. В период между волостными сходами его решения, а также распоряжения вышестоящих органов, осуществляло волостное правление. В его состав входили, избираемые волостным сходом волостной старшина, особые заседатели, а также сельские старосты и сборщики податей. Волостные правления были одними из самых массовых учреждений. В 1880 году в Казанской губернии насчитывалось 183 волостных прав-

39 Казанская газета. 3 октября 1904 г.

40 Казанская газета. 24 октября 1904 г.

41 Казанская газета. 3 октября 1904 г.

42 ЦГА СССР, ф.1317, оп.1, д.83, л.272 об.-273.

43 ЦГА СССР, ф.1317, оп.1, д.83, л.240, 207 об.-208.

ления.⁴⁴

В среднем по Казанской губернии, в волости проживало в 1880 году 8280 крестьян и 283 представителя других сословий. Однако волости существенным образом отличались друг от друга. Так, например, из 13 волостей, входивших в состав Чебоксарского уезда, в самой малочисленной Помарской проживало 5911 крестьян и 548 представителей прочих сословий. Она объединяла 12 сельских обществ, а в самой большой Чебоксарской - проживало 10460 крестьян и 285 представителей других сословий. Эта волость объединяла 32 сельских общества.⁴⁵ Приведенные данные говорят о том, что при имеющем место существенном различии в численности проживающего в волостях населения, это были довольно крупные административные единицы, населенные кроме крестьян, представителями других сословий.

По Положению 1861 года волость являлась административной единицей крестьянского сословного управления. Однако к концу XIX века, она все больше теряла свой узкосословный крестьянский облик. Понятием "волость" как общесословной территориальной единицей, включающей, кроме крестьянских, также дворянские и купеческие земли, широко пользовались в своей практической деятельности местные власти, в этом качестве рассматривали ее и судебные органы. Вместе с тем, волость оставалась чисто крестьянской, когда вопрос касался содержания ее администрации. Такое положение вещей было явно не нормальным. Поэтому на повестке дня остро стоял вопрос о преобразовании волостного управления и создании, так называемой, "всесословной" волости. Этот вопрос, как известно, так и не был решен, вплоть до победы февральской революции.

В целом волостное управление было чуждо крестьянам. Как отмечает П.Н.Зырянов, "Волость не составляла крестьянского "мира", она являлась попросту механическим соединением отдельных общин. Взаимная разобщенность последних была одной из причин того, что волость не сложилась в общественный союз".⁴⁶

Высшим должностным лицом волостного, да и в целом крестьянского сословного управления, был волостной старшина.

Поскольку его должность требовала значительного отвлечения от сельскохозяйственного труда, практически все волостные старшины по-

⁴⁴ ЦГИА СССР, ф.1317, оп.1, д.83, л.7 об.

⁴⁵ ЦГИА СССР, ф.1317, оп.1, д.83, л.61 об.

⁴⁶ Зырянов П.Н. Социальная структура местного управления. 1861-1914 г.г. Ист. зап. № 107. М., 1982, с.247.

лучали довольно значительные для крестьянина годовые оклады. Среднее годовое жалование волостных старшин составляло в 1880 году по Казанской губернии 157 рублей 50 копеек.⁴⁷ Причем, некоторые из них получали весьма большие денежные оклады. Так содержание 5 волостных старшин в Казанском уезде составляло от 460 до 650 рублей в год каждому.⁴⁸ Если учитывать, что средняя доходность одной десятины пашни на круг в Казанской губернии по данным исследований конца XIX века была 4 рубля 47 копеек,⁴⁹ а годовой бюджет крестьянской семьи составлял, включая подати, в среднем 123 рубля 14 копеек (не считая стоимости потребляемого хлеба),⁵⁰ то следует признать среднее денежное содержание волостных старшин весьма высоким. Кроме того, все они вели свое собственное хозяйство.

Как мы уже указывали, старшина стоял во главе коллегиального органа - волостного правления. Однако, как обстояло дело на практике? Как отмечалось в материалах ревизии сенатора М.Е.Ковалевского, "волостное правление в указанном в законе коллегиальном составе вовсе не существует и никаких дел не обсуждает".⁵¹ Действительно, сельские старосты, входившие по закону в состав волостных правлений, по принятому в большинстве волостей региона порядку, еженедельно собирались в своих волостных правлениях, но не для того, чтобы подать советы старшине или совместно с ним разрешить какие-либо вопросы, а лишь для того, чтобы выслушать от старшины, касавшиеся их поручения и приказания и отчитаться о выполнении. Сборщики же податей являлись в волостное правление лишь для того, чтобы отметить в окладных книгах на основе полученных квитанций факт сдачи в казначейство собранных податей. Таким образом, вся полнота власти в волостных правлениях принадлежала волостным старшинам и, как мы увидим впоследствии, волостным писарям.

Об этом свидетельствуют, в частности, книги приказов волостных правлений. Сенатор М.Е.Ковалевский отмечал, что в книгах этих или вообще не было никаких записей, или имелись записи двух видов. Во-первых, касающиеся выдачи жалования служащим в волости. Во-вторых, - приказания старшины сельским старостам по сбору податей.⁵²

⁴⁷ ЦГИА СССР, ф.1317, оп.1, д.83, л.240.

⁴⁸ ЦГИА СССР, ф.1317, оп.1, д.83, л.190 об.-191.

⁴⁹ Сравнительная оценка земельных угодий в уездах Казанской губернии. Казань, 1893, с.123.

⁵⁰ Крестьянский бюджет, вып.1. Казань, 1899, с.8-9.

⁵¹ ЦГИА СССР, ф.1317, оп.1, д.1, л.42.

⁵² ЦГИА СССР, ф.1317, оп.1, д.1, л.43.

По заявлениям старшин и писарей, ежемесячно, с наступлением срока выдачи жалования, писарь вписывал в книгу соответствующие постановления, казначей выдавал деньги, а затем уже старосты при явке в волость прикладывали к постановлению свои печати.

Дела, касавшиеся хозяйственно-общественных нужд крестьян, занимали сравнительно скромное место в деятельности волостных старшин. Дело в том, что существовавших за счет волостей школ и волостных запасных продовольственных магазинов в губернии, практически, нигде не встречалось. Волость не владела также никаким имуществом, кроме здания, где размещалось волостное правление. Волостные капиталы, как правило, заключались лишь в сумме, образовавшейся в основном из штрафных денег и взносов крестьян на содержание волостного управления, которым ведал к тому же специальный казначей.

В то же время, волостной старшина выполнял большое количество функций, возложенных на него местными органами коронной администрации и земством.

Важнейшей обязанностью волостных старшин, так же как и сельских старост, являлся сбор различного рода податей. Особенно интенсивно эта деятельность осуществлялась осенью, когда начинался сбор сельскохозяйственной продукции и у крестьян появлялись деньги. Кроме постоянного напоминания старостам, при их явке в волость, о необходимости усилить работу по сбору податей, старшина с писарем постоянно объезжал селения своей волости, где особенно неудовлетворительно шел этот сбор. Обычно по приезде волостного старшины созывался сельский сход, на котором старшина уговаривал крестьян внести подати в полном объеме. В том случае, если призывы оказывались безрезультатными, старшина, чтобы убедиться в платежеспособности крестьян, лично обходил все дворы в селении, осматривал у каждого домохозяина урожай, прочее имущество и, исходя из экономического положения крестьян, определял размер уплаты, хотя бы части податей. Иногда такие обходы сопровождались изъятием у крестьян, отказавшихся от уплаты, различных вещей из их имущества, которые передавались в качестве залога старосте или сборщику податей, впредь до взноса недоимщиком причитавшихся ему платежей. Массовые факты таких изъятий отмечал сенатор М.Е.Ковалевский.⁵³ В случае неуплаты податей, имущество продавалось. Так, например, в 1887-1889 годах массовые репрессии с продажей имущества через торги были проведены

⁵³ ЦИА СССР, ф.1317, оп.1, д.1, л.47 об.

среди крестьян Сундырской волости. В 24 обществах было описано для распродажи имущество 463 крестьян.⁵⁴

Более того, в некоторые селения, где уплата податей шла особенно туго, старшина выезжал в сопровождении волостных судей и последние, по требованию и указанию старшины, приговаривали недоимщиков к наказанию розгами и приговоры тут же приводились в исполнение, если недоимщик не вносил всей или хотя бы части причитающейся с него суммы. Таким образом, волостной суд придавал прямому насилию над крестьянами видимость "законности". Следует учитывать, что поскольку в общине действовала круговая порука, активными помощниками волостных старшин в "выколачивании" из крестьян различного рода податей и недоимок по ним, выступали деревенские богатеи. Они составляли своеобразную социальную базу действий властей в этой области.

Однако, понуждением крестьян к уплате податей, функции волостного старшины, как правительственного агента, не ограничивались. Для казенной палаты волостные правления, то есть волостной старшина и писарь, представляли различные сведения, касавшиеся перевода крестьян из одних обществ в другие, перехода их в другие сословия, наблюдали за правилами торговли и выполняли ряд других поручений.

Для губернского и уездных по крестьянским делам присутствий, а с 1889 года для губернского присутствия и земских начальников, волостные правления в лице волостных старшин и писарей, были, практически, единственными исполнительными органами по всем подведомственным им делам.

Судебные инстанции, в особенности мировые, а затем и уездные судьи непосредственно, а иногда и через полицию, также широко использовали должностных лиц органов крестьянского сословного управления, в том числе и персонал волостных правлений. Они, как правило, доставляли свидетелей и обвиняемых, или даже арестовывали последних, взыскивали с оштрафованных денежные суммы, в том случае если они не были слишком значительными, вручали различного рода повестки и извещения.

На волостное начальство была возложена обязанность наблюдения за исполнением крестьянами натуральных повинностей. При следовании воинских частей волостные старшины обыкновенно отвечали за их размещение, они же регулировали исполнение подводной и дорожной повинностей, держали под постоянным контролем выполнение воинской повинности.

⁵⁴ ЦГА ЧАССР, ф.44, д.918, л.22-26.

Выполняя указания земских органов, волостные старшины отвечали за составление, систематическую проверку и дополнение страховых ведомостей по обязательному земскому взаимному страхованию, следили за состоянием продовольственных запасов, отвечали за своевременное пополнение земских продовольственных магазинов и информировали об этом земские управы. На них же лежала обязанность выдачи разрешений на сооружение новых построек и контроля за тем, чтобы они осуществлялись в соответствии с утвержденными планами и действовавшими правилами. В уездах, где были учреждены земские почты, на волостные правления были возложены почтовые обязанности.

Нами приведены сведения лишь о некоторых, наиболее важных функциях волостных старшин, но и они достаточно ярко свидетельствуют о том, что эти должностные лица являлись агентами большинства уездных учреждений. Столь значительная и разнообразная работа требовала от волостных старшин определенной квалификации и образования. Однако в Казанской губернии 39% волостных старшин, а в ряде уездов и аб-

Таблица № 3

Образовательный уровень волостных старшин
в Казанской губернии по данным на 1880 г.⁵⁵

№ п/п	Наименование уезда	Всего уч- тено во- лостных старшин	В том числе грамот- ных	В том числе негра- мотных	% грамотных старшин к общему их количеству в уезде
1.	Казанский	20	10	10	50,0
2.	Козмодемьянский	12	2	10	16,7
3.	Лаишевский	20	7	13	35,0
4.	Мамадышский	19	7	12	36,8
5.	Свияжский	11	3	8	27,3
6.	Спаский	12	8	4	66,7
7.	Тетюшский	17	5	12	29,4
8.	Царевококшайский	11	4	7	36,4
9.	Цивильский	12	5	7	41,7
10.	Чебоксарский	11	3	8	27,3
11.	Чистопольский	22	9	13	40,9
12.	Ядринский	15	8	7	53,3
И Т О Г О :		182	71	111	39,0

⁵⁵ ЦИА СССР, ф.1317, оп.1, д.83, л.23.

солютное большинство по данным на 1880 год, были неграмотными. Особенно много неграмотных волостных старшин было в Козмодемьянском, Свияжском, Чебоксарском и Тетюшском уездах с преимущественно нерусским составом населения. Значительное количество грамотных волостных старшин было в уездах, примыкавших к наиболее крупным городам губернии - Казани и Чистополю. В целом следует отметить, что уровень грамотности волостных старшин значительно превосходил аналогичный показатель у сельских старост.

Важно подчеркнуть, что при избрании сельских старост и волостных старшин важное значение имела не просто грамотность, а знание русской грамоты, так как все делопроизводство велось исключительно на русском языке. Это необходимо учитывать, ибо 16,2% татарского населения губернии владело письменностью на татарском языке,⁵⁶ при общем уровне грамотности у мужчин 21,7%.⁵⁷

В том случае, если власти сталкивались с попытками ведения делопроизводства на своем родном языке, они решительно пресекали эти попытки. Так, например, в 1879 году в татарской деревне Кушк Мамадышского уезда сельский сход избрал сборщика податей и составил приговор об его избрании на татарском языке, однако волостное правление вернуло приговор обратно, потребовав переписать его по-русски.⁵⁸

Единственным должностным лицом в крестьянском сословном управлении, как правило, полностью отрешенным от занятия земледелием, был писарь, осуществлявший делопроизводство в волостном правлении. Сословный состав волостных писарей в Казанской губернии был довольно пестрым. В 1880 году из 183 писарей, служивших в волостных правлениях этой губернии, 22 составляли дворяне и чиновники, 33 были детьми духовнослужителей, остальные относились к прочим сословиям.⁵⁹ Средний годовой оклад этой категории служащих составлял значительную сумму - 466 рублей 32 копейки в год и колебался от 100 до 900 рублей в зависимости от волости, где тот или иной писарь служил.⁶⁰ Таким образом, среднее жалование волостных писарей даже превышало средний оклад волостных старшин, под непосредственным начальством которых они формально находились. Интересно сравнить уровень материальной обеспеченности волостных писарей с доходностью бедняцких, се-

⁵⁶ Казанская газета, 1904, 24 октября.

⁵⁷ Сидоров П.А. Сравнительная характеристика грамотности чувашского населения по данным переписей 1897 и 1927 г.г. - Учен. зап. ЧНИИ, вып. 22. Чебоксары, 1963, с.138.

⁵⁸ ЦТА ТАСР, ф.89, оп.1, д.1139, л.6-27.

⁵⁹ ЦИА СССР, ф.1317, оп.1, д.83, л.289 об.-290.

⁶⁰ Там же, л.224-225.

редняцких и кулацких хозяйств. В начале XX века годовой доход бедного чувашского хозяйства колебался от 50 до 80 рублей, среднего — от 80 до 120 рублей. Лишь зажиточные крестьяне имели доход в размере 250–450 рублей в год.⁶¹ Таким образом, средняя заработная плата волостных писарей соответствовала уровню доходности кулацкого хозяйства. Это позволяет нам сделать вывод, что волостные писаря были относительно обеспеченными должностными лицами органов крестьянского сословного управления. Здесь следует, однако, сделать оговорку, что средние показатели не могут дать достаточного представления об уровне жизни отдельных волостных писарей, ввиду значительного, как мы указывали, колебания их денежного содержания по волостям, отсутствия земельного надела и широкого распространения среди них взяточничества.

Поскольку абсолютное большинство волостных старшин было неграмотным, волостные писаря являлись полноправными хозяевами волостных правлений и единственными толкователями всех правительственных указаний, распоряжений и инструкций. "Кому теперь уже неизвестно, — писала в 1885 году казанская газета "Волжский вестник", — положение волостных писарей в сфере волостного самоуправления, как волостных заправителей судбами безграмотного, ничего не знающего в законах и в большинстве случаев даже боящегося закона и начальства люда"⁶²

Волостные писаря не пользовались по закону никакой властью, не имели они и права самостоятельного голоса на заседаниях волостных правлений и обязаны были лишь вести его дела, а также дела волостного суда. На практике же, как отмечал, ревизовавший Казанскую губернию, сенатор М.Е.Ковалевский, "вследствие неграмотности, неразвитости и неопытности в делах многих старшин, ... (волостные писаря — Л.Г.) большей частью играют весьма видную, а иногда и первенствующую роль, так что старшина порою является только покорным орудием в руках заправляющего волостью писаря, во всем следует его указаниям и беспрекословно прикладывает свою печать к тому, что ему напишет писарь, не зная даже содержания написанного".⁶³ Подтверждение этому находим мы и в записках, уже цитированного нами, неизвестного автора, содержащихся в архивном фонде К.В.Магницкого. "Волостные писаря, — пишет он, — могут сочинить какие угодно приго-

⁶¹ Кузьмин В.Л. Аграрные отношения в Чувашии накануне февральской буржуазно-демократической революции. — Учен. зап. ЧНИИ, вып. II, Чебоксары, 1955, с. 77.

⁶² Волжский вестник, 1885, II октября.

⁶³ ЦГИА СССР, ф. 1317, оп. I, д. I, л. 43.

вора от имени сельских обществ, так как за неграмотных мужиков расписывается какой-нибудь коштан, умеющий ставить подпись или печать, или же безграмотные просто ставили, не читая приговора, свою тамгу /родовой знак"/.⁶⁴

Более высокие оклады, чем у волостных старшин и, частичная принадлежность к привилегированным сословиям, ставили волостных писарей над всеми другими должностными лицами органов крестьянского сословного управления. Кроме того, сама система назначения их на должность также способствовала этому. До 1889 года в уездах губернии волостные писаря назначались на должность непременно членами уездных по крестьянским делам присутствий, исправниками или предводителями дворянства. Они не только не согласовывали свои кандидатуры с волостными правлениями, но даже добивались своего в тех случаях, когда последние заявляли протест, в связи с предлагаемыми кандидатурами. Более того, Спасское уездное по крестьянским делам присутствие даже наложило на одно волостное правление взыскание за отказ допустить к исполнению должности, назначенного им волостного писаря.⁶⁵ После принятия закона о земских начальниках, такая форма назначения волостных писарей была введена в обычную практику. Таким образом, волостные писаря выступали как независимые от крестьян представители коронной администрации, осуществлявшие не только делопроизводство волостных правлений и волостных судов, но и известный надзор за деятельностью других должностных лиц крестьянского сословного управления, являясь после 1889 года прямыми агентами земских начальников в волостных правлениях. В случае столкновения с волостным старшиной писарь всегда мог надеяться на поддержку лиц, которые его назначили на должность.

Как правило, волостные писаря работали в волостных правлениях более длительный срок, чем волостные старшины. Так из 184 волостных писарей, обследованных в 1880 году в Казанской губернии, 38 работало более трех лет, причем среди них были лица, которые бессменно находились на своей должности шесть, девять и даже семнадцать лет.⁶⁶

Известная привилегированность в положении волостного писаря в системе крестьянского сословного управления носила относительный характер и отнюдь не исключала тяжелого повседневного канцелярского труда, которым он был занят.

⁶⁴ ЦГА ЧССР, ф. 334, т. 10, л. 178.

⁶⁵ ЦГИА СССР, ф. 1317, оп. I, д. I, л. 43.

⁶⁶ ЦГИА СССР, ф. 1317, оп. I, д. 83, л. 289 об. — 290.

В последние десятилетия XIX века в Казанской губернии волостные правления только по вопросу поступления различного рода податей и сборов, представляли в вышестоящие организации следующие виды ведомостей: относительно всех сборов - исправнику и местному становому приставу - каждые две недели в двух экземплярах; относительно поступления окладных сборов - казенной палате - ежемесячно; о взыскании земских сборов и продовольственных ссуд - уездной земской управе - каждые полгода; о движении по волости всех денежных повинностей - губернатору - ежегодно к 15 декабря. Кроме того, по особым предписаниям исправников, волостные правления обязаны были в продолжение осенних и зимних месяцев года, когда усиленным образом проводилось взыскание податей, доставлять им сведения о суммах, поступивших в течение недели, о сельских сходах, которые за это время старшина собирал для взыскания податей.⁶⁷ Сверх этого, волостному правлению, в лице писаря, приходилось вести с исправниками постоянную обширную переписку по вопросу сбора податей. Только с 7 по 26 сентября 1880 года Кайморским волостным правлением Казанского уезда было получено от исправника одиннадцать различных указаний и запросов относительно хода сбора податей.⁶⁸ Находясь под постоянной угрозой быть подвергнутым денежному взысканию, аресту или быть вызванным за несколько десятков верст к исправнику в город, волостной старшина и писарь старались предупредить это и по каждому, полученному от исправника запросу или указанию, давали письменное объяснение причин медленного поступления сборов.

Мы коснулись лишь одного аспекта деятельности волостных писарей. Между тем, это лишь небольшая часть выполнявшегося ими объема работы. Те или иные документы, приказы, запросы поступали, практически от всех правительственных органов местного управления, а также от земских органов. Только по вопросам воинского учета волостные правления вели от 3 до 5 книг, а страховые ведомости, составляемые в Казанской губернии один раз в три года, но ежегодно дополняемые и исправляемые, составляли 600 и более листов.⁶⁹

Касаясь делопроизводства, ведущегося в волостных правлениях, писарь села Чуратчики Цивильского уезда Казанской губернии В.В.Коновалов в 1903 году писал: "В настоящее время формалистика и канцелярщина пропитала собою кажется все стены волостного правления, дош-

⁶⁷ ЦИА СССР, ф.1317, оп.1, д.1, л.47-47 об.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же, л.49-49 об.

ло до того, что волостное правление чуть-ли не себе же пишет сообщения, выдает квитанции, а волостной писарь сидит и думает над этим в одиночку. Один думает, что без ущерба бы для дела можно многое сократить и выбросить, а другой - напротив чуть не в заслугу себе ставит, что у него в год десять тысяч номеров исходящих. Типографии каждый год преподносят нам чуть-ли не 500 всевозможных форм книг и бланков, выдавая их за свое произведение, тогда как это большей частью те же труды волостных писарей. Многие формы устарели, многие следовало бы совсем выбросить, многие изменить, улучшить, упростить".⁷⁰

Особо следует остановиться на взаимоотношениях волостного старшины и писаря с волостными судами.

Как известно, волостной суд существовал для рассмотрения споров и тяжб между крестьянами. До 1889 года в компетенции суда входили такие дела, по которым сумма иска не превышала 100 рублей.⁷¹

"Временные правила о волостном суде" от 12 июля 1889 года несколько расширили эти полномочия.⁷²

По закону волостной старшина должен был лишь созывать заседания суда, передавать на его рассмотрение дела, возбужденные лично или полученные от старост, а также наблюдать за исполнением его решений. Функции писаря были еще скромнее - он осуществлял делопроизводство суда.

Далеко не в таком виде представляется их роль по материалам ревизии сенатора М.Е.Ковалевского. В подвергнутых проверке волостях уездов Казанской губернии, старшины и писаря не только принимали активное участие в заседаниях волостных судов, но обычно сами и выносили решения. Судьи же лишь прикладывали свои печати к решению, составленному писарем по собственному усмотрению или после консультации со старшиной.⁷³ Не удивительно, что крестьяне в своем большинстве старались избежать разбора своих дел в волостных судах, предпочитая обращаться к духовным лицам или даже к представителям коронной администрации, как более беспристрастным судьям.⁷⁴ На рубеже 70-80-х годов дела по жалобам крестьян на решения и приговоры волостных судов в уездных по крестьянским делам присутствиях Казанской губернии составляли 24%, а на должностных лиц органов крестьянского сословного управления - 42% от общего количества дел этих

⁷⁰ Казанская газета, 1903, 23 марта.

⁷¹ ПСЗ РИ, 2-е собр., т.36, № 36557.

⁷² Волостной суд. Большая энциклопедия, т.5. СПб, 1902, с.415.

⁷³ ЦИА СССР, ф.1317, оп.1, д.1, л.51.

⁷⁴ Там же, л.8 об., 10, 52.

присутствий.⁷⁵

В ходе крестьянских волнений, происходивших в Казанской губернии в пореформенный период, должностные лица крестьянского сословного управления были первыми представителями администрации, на которых обрушивался народный гнев. Со всей полнотой это проявилось в ходе восстания татарских крестьян 1878 года, когда неосознанный протест народных масс против экономического, национального и административного гнета повсеместно выразился в смещении и избии сельских старост, волостных старшин и писарей, то есть непосредственных проводников распоряжений властей в среде крестьянства. Затем крестьяне делали типичный для всех их выступлений шаг - старые должности замещали новыми лицами, обязующимися не выполнять распоряжения правительственных чиновников. В личной записке губернатора Н.Я.Скарятина мы читаем, что в Спасском уезде "неповиновение сельских обществ проявилось в отказе от выдачи приговора о составлении страховых ведомостей, в отобрании крестьянами от сельских старост должностных печатей, в запрещении им принимать от начальства, как полицейского, так и волостного, какие бы то ни было бумаги и в нанесении побоев тем из сельских старост, которые поступали вопреки подобного произвольного требования обществ, в самовольной смене сельских старост и в назначении новых, которым передавались знаки и должностные печати".⁷⁶

В Больше-Менгерской волости Казанского уезда, которая состояла из 12 обществ, также были смещены сельские старосты, а затем и волостной старшина. В соседней Больше-Атнинской волости, состоявшей из 13 обществ, толпа крестьян ворвалась в волостное правление и избивала волостного старшину и писаря, сельские старосты также в своем большинстве были избиты и заменены новыми.⁷⁷ Аналогичные события произошли в Мамсинской волости. "Толпа, избив волостного старшину и сельских старост, сменила их и самопроизвольно выбрала новых", - писал губернатор. В этой волости особенно сильным побоям был подвергнут волостной писарь Завалишин.⁷⁸

Приведенные данные свидетельствуют, что гнев крестьян был направлен не против отдельных "несправедливых" должностных лиц, хотя такие безусловно избивались и смешались в первую очередь, а практически против всех представителей их сословного управления, причем он проявлялся против должностных лиц, как русской, так и та-

тарской национальностей. В той же Мамсинской волости, во время выступлений крестьян с 28 ноября по 3 декабря 1878 года, из одиннадцати избитых представителей крестьянского сословного управления семеро были татары.⁷⁹ Таким образом, хотя восстание в целом и носило национально-религиозную окраску, определяющим фактором для крестьян в их отношении к лицам своего сословного управления являлась не их национальность, а принадлежность к правительственной администрации. Сменяя и избивая этих лиц, широкие массы татарского крестьянства выступали прежде всего против той классовой политики, которая проводилась правительством в отношении крестьянства и проводником которой должностные лица крестьянского сословного управления являлись. Любопытно отметить, что губернатор Скарятин, участвовавший в подавлении волнений, лично снимал должностные знаки с самовольно поставленных старшин и сельских старост и одевал их на лиц, смещенных крестьянами, символизируя тем самым неизбежность и неуклонность "законной" власти и ее политики в отношении крестьянства.⁸⁰

Восстание 1878 года дает яркие, но далеко не единственные примеры, когда гнев крестьян обращался против должностных лиц их же сословного управления. В 1888 году во время аграрных волнений крестьян деревни Старые Умары Старо-Арабосинской волости Цивильского уезда лишь поспешное бегство спасло ряд должностных лиц, в том числе и волостного старшину от расправы со стороны крестьян. В мае 1895 года в ходе аналогичных же волнений крестьян ряда деревень Акульевской волости Чебоксарского уезда, они сорвали с волостного старшины должностной знак и избивали его "до потери сознания". Такая же участь постигла его помощника и нескольких сельских старост.⁸¹ Перечень аналогичных примеров можно было бы и продолжить.

Это объяснялось тем, что сама суть выполняемых должностными лицами обязанностей была ненавистна крестьянам. В этих условиях единственной возможностью у крестьян ослабить "эффективность" их деятельности было избрание в состав должностных лиц самых неподходящих для этого людей. Современник так описывает выборы в органы крестьянского сословного управления в пореформенной чувашской деревне: "Как скажут чувашам выбрать хороших людей в сельские старос-

⁷⁵ ЦИА СССР, ф.1317, оп.1, д.1, л.19.

⁷⁶ ЦИА СССР, ф.1282, оп.2, д.1083, л.13-13 об.

⁷⁷ ЦИА СССР, ф.1282, оп.2, д.1083, л.21 об., 22, 22 об.

⁷⁸ Там же, л.23.

⁷⁹ Чернышев Е. Волнения казанских татар в 1878 г. - В кн.: Вестник научного общества Татароведения. № 7. Казань, Изд. Академического центра народного комиссариата просвещения ТАССР, 1927, с.194.

⁸⁰ ЦИА СССР, ф.1282, оп.2, д.1083, л.28 об.

⁸¹ Григорьев Т.Г., Николаев П.Н. Рабочее и крестьянское движение в Чувашии в конце XIX - начале XX веков. Учен. зап. ЧНИИ, вып.13. Чебоксары, 1956, с.38, 43-44.

ты и прочих должностных лиц, тогда они найдут такого, что не только служить, но даже ничего не понимает. Только что он отказывался, суля водки: "Пожалуйста меня не назначайте, избавьте, я вам полведра водки поставлю!" Напьются от него водки, выбирают другого, кого они ненавидят... Они не выбирают грамотных; про грамотных они говорят: "Он писать умеет, себя худо ведет, нам сойдет и незнающий, знающий очень копаются, ищет все по законам; мы доселе жили совсем не зная законов, без законов прожили, проживем по обычаям дедов и бабушек".⁸²

Заправляли выборами должностных лиц органов крестьянского сословного управления кулаки, мироеды, а также особая прослойка деревенских угнетателей в татарских, чувашских и марийских деревнях — коштаны. Последние, как правило, хорошо владели русским языком и выступали своеобразными посредниками между представителями властей и крестьянством. В конце XIX века коштаны практически слились с кулачеством.⁸³

Расходы по содержанию органов крестьянского сословного управления тяжелым бременем ложились на крестьян. На рубеже 70–80-х годов XIX века в Казанской и Уфимской губерниях на это уходило от 800 до 2000 рублей в год на волость.⁸⁴

В целом оценивая процесс функционирования и анализируя направления деятельности органов крестьянского сословного управления в Казанской губернии, следует отметить, что она была направлена не столько на удовлетворение хозяйственно-общественных нужд крестьянства, сколько на выполнение различного рода функций, связанных с реализацией задач различных звеньев местной администрации в отношении крестьянского сословия. Тесно связанные с различными звеньями аппарата местного управления, эти органы, и в первую очередь волостные правления, во многом воспринимали стиль и методы их деятельности.

Положение должностных лиц органов крестьянского сословного управления по отношению к широким массам крестьянства носило двойственный характер. С одной стороны, они, за исключением волостных писарей, избирались самим крестьянством и должны были, казалось бы,

⁸² ЦГА ЧАССР, ф.334, т.10, л.178.

⁸³ Подробнее о коштанах см.: Кузнецов И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. ч.1. Чебоксары, Чув.кн.изд-во, 1957; он же, Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксары, 1963, с.288–291.

⁸⁴ ЦИА СССР, ф.1317, оп.1, д.1, л.51.

выражать и защищать интересы крестьянских обществ, однако, с другой стороны, они были проводниками политики самодержавия в деревне, политики, носившей антинародный характер и вызывавшей протест со стороны широких масс крестьянства. Эта вторая сторона их положения и определяла отношение к ним со стороны крестьян. Эти лица одними из первых испытывали на себе проявление недовольства народных масс, и в то же время сами подвергались эксплуатации и унижению со стороны вышестоящего начальства. Выполнение должностных обязанностей представляло серьезную обузу для крестьян, а содержание сословного управления являлось одной из форм их эксплуатации.

Как отмечал неизвестный автор, записки которого сохранились в архиве этнографа В.К.Магницкого, "при выборах обращается внимание не столько на способности избираемых, их честность и опытность, сколько на очередь, потому что на выборную должность население смотрит, как на повинность..."⁸⁵

В условиях острого и все усугубляющегося несоответствия производственных отношений устаревшей политической надстройке, органы крестьянского сословного управления сталкивались со все большими трудностями при выполнении возложенных на них функций, оказывались неспособными решать поставленные перед ними задачи, в конечном счете являлись мало эффективным инструментом проведения правительственной политики в отношении крестьянства.

В деятельности и состоянии органов крестьянского сословного управления в Казанской губернии в пореформенный период со всей очевидностью проявлялась растущая неспособность режима сохранять свое господство над крестьянами с помощью имевшегося у него административного аппарата.

А.С.Климова

Сельскохозяйственные и промышленные выставки в Казанской губернии во второй половине XIX в.

Конкретное проявление новых прогрессивных тенденций в социально-экономической жизни пореформенной России, вызванных процессом утверждения и развития в стране капитализма, невозможно понять без изучения истории сельскохозяйственных и промышленных выставок в общероссийском, региональном и даже губернском масштабах. Во второй половине XIX века такие выставки все более становились

⁸⁵ ЦГА ЧАССР, ф.334, т.10, л.178.

неотъемлемой частью общественного развития страны, выдвигая перед правительством, местной администрацией, научной и иной общественностью, а также практиками сельского хозяйства и промышленности все новые и новые вопросы, связанные с проблемами повышения экономического потенциала России, развитием крестьянства и деревни в целом.

Дореволюционная историография не оставила научных работ по выставкам. Правда, некоторые сведения о них содержатся в официальной справочной литературе,¹ которая сообщает отдельные факты и статистику, не связывая тему с проблемой развития капитализма в России.

В советской исторической науке интерес к дореволюционным выставкам появился лишь после Великой Отечественной войны, что объясняется усилением внимания ученых к хозяйственно-экономической жизни страны.

Во всех изученных нами работах советских исследователей² тема рассматривается на основании марксистско-ленинской методологии, исходя из такой важной проблемы как развитие капитализма в России. Такой подход позволил рассмотреть выставки в плане конфликта производительных сил и производственных отношений, подойти к изучению темы в региональном плане с выяснением общих тенденций и особенностей, которые были характерны для того или иного региона.

По выставкам Казанской губернии, устраиваемым во второй половине XIX века, конкретных исследований нет. И лишь один автор - Ю.И. Смыков - касается их, выясняя отношение Казанского экономического общества к проблеме усовершенствования сельскохозяйственных орудий, машин и их распространения в сельском хозяйстве Среднего Поволжья в 40-90 годы XIX века.³

¹ Выставки. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т.7А, СПб., 1892, с.558; И.Момонтов. Выставки сельскохозяйственные. Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук. Т.2, СПб., издание А.Ф.Девриева, 1900, с.410-418.

² Дружинин Н.М. Конфликт между производительными силами и феодальными отношениями накануне реформы 1861 года. - "Вопросы истории", 1954, №7, с.59-62; Дмитриев С.С. Возникновение сельскохозяйственных выставок в России. - В кн.: Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961, с.172-180; И.П. Иваницкий. Сельскохозяйственные выставки в феодальной России. - В кн.: Очерки истории музейного дела в России. Вып. III, М., 1961, с.155-189; Н.С.Киняпина. Политика русского самодержавия в области промышленности в 20-50 годы XIX века. М.: 1968, с.247-329 и др.

³ Ю.И.Смыков. Казанское экономическое общество и проблемы сельскохозяйственной техники. 40-90 годы XIX века. - В кн.: Очерки истории народов Поволжья и Приуралья. Вып. I. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1967, с.162-163.

В целом же сельскохозяйственные и промышленные выставки в Казанской губернии в пореформенный период - вплоть до вступления страны в стадию империализма - впервые становятся объектом исследования.

Задача данной статьи - попытаться классифицировать выставки, проходившие в Казанской губернии во второй половине XIX века, выявить некоторые тенденции в деле их организации и проведения.

Написана статья на основе правил, положений, программ выставок и отчетов выставочных комитетов.

Во второй половине XIX века в Казанской губернии, как и во всей стране, утверждается капитализм. Основу экономики губернии в это время продолжало составлять сельское хозяйство и прежде всего - земледелие, сохранившее в основном зерновую специализацию. Остальные отрасли земледелия и скотоводства, хотя и развивались, но занимали в хозяйстве подчиненное положение по отношению к главному направлению.

Особенности экономического развития края сказались на деле проведения выставок в нем. Во-первых, на каждой из 9 выставок, организованных в изучаемый период (1866, 1879, 1880 - сельскохозяйственная, 1880 - промышленная и сельскохозяйственная, 1886, 1888, 1889, 1890, 1893 годов), предусматривалась демонстрация продукции сельского хозяйства или сельских промыслов (порой того и другого одновременно); во-вторых, 5 из 9 выставок носили сельскохозяйственный характер, причем 3 из них были специальными - выставками посевных семян.

Местом для устройства выставок всегда избиралась Казань. На наш взгляд, это объясняется тем, что Казань была административным, промышленным центром губернии, научным центром огромной части России, а, как известно, именно представители администрации, ученых, специалистов-практиков в области промышленности принимали самое активное и непосредственное участие в устройстве выставок. Кроме того, она была крупным торговым, ярмарочным городом, системой дорог и водным путем связанным со всеми уездами губернии, многими районами страны.

Именовались казанские выставки по-разному: сельскохозяйственные, промышленные и сельскохозяйственные, посевных семян, ремесленные и сельскохозяйственные, научно-промышленные. Независимо от разнообразия их можно подразделить:

1) по содержанию экспонатов: а) сельскохозяйственные, среди которых следует выделить общие (для всей продукции сельского хозяйства и сельской промышленности) - 1866 г., 1880 г. - и специальные - выставки посевных семян - 1888, 1889, 1893 годов; б) промышленные, включая сельские промыслы (1879, 1880); в) промышленные и сельскохозяйственные (1886); г) универсальные (1890); на универсальной выставке помимо сельского хозяйства и промышленности были представлены научные достижения в области геологии, ботаники, зоологии, истории, этнографии и антропологии, успехи земств в деле просвещения и здравоохранения, лучшие образцы художественных произведений и краеведческая литература;

2) по ведомственной линии - на выставки, проводимые министерством государственных имуществ (1866, 1880 сельскохозяйственная, 1888, 1889, 1893) и министерством финансов (1879, 1880 промышленная, 1886, 1890). (Министерство государственных имуществ ведало сельскохозяйственными выставками, а министерство финансов - промышленными. На промышленные выставки 1886, 1890 годов на общих основаниях, помимо сельских промыслов, допускалась и продукция сельского хозяйства);

3) по принципу основного источника финансирования (инициатора, главного устроителя) - на государственные (1866), частные (1879, 1880 промышленная и сельскохозяйственная), общественные (1880 сельскохозяйственная, 1886, 1888, 1889, 1890, 1893);

4) по составу приглашенных участвовать в выставках - на губернские (1866, 1879, 1888), межгубернские (1880 сельскохозяйственная, 1880 промышленная и сельскохозяйственная, 1886, 1889, 1890, 1893).

Кроме того, следует выделить юбилейные выставки 1889, 1890 годов, первая из которых была посвящена 50-летию создания Казанского экономического общества, вторая, организованная Обществом естествоиспытателей, совпала с 25-летним юбилеем земства.

Проводились казанские выставки нерегулярно. Так, если первую (1866 г.) пореформенную от второй (1879 г.) отделяли 13 лет, то вторую (1879 г.) от третьей (1880 г.) и четвертой (1880 г.) лишь один год; если пятая была проведена через 6 лет после третьей и четвертой, то шестая - через 2 года после пятой и т.д. При этом четко прослеживается тенденция возрастания числа выставок в период с конца 70-х до начала 90-х годов XIX века; если за первые 17 пореформенных лет в губернии была организована лишь одна выставка (1866 г.), то в последующие 17 - 8 (1879, 1880, 1880, 1886, 1888, 1889, 1890,

1893 годов). Особенно их количественный рост заметен с середины 80-х годов, когда в течение 8 лет (1886-1893) было устроено 5 выставок (1886, 1888, 1889, 1890, 1893 гг.). Значит, число выставок возрастает в период завершения промышленного переворота в крае, особенно на той его стадии, которая совпала с экономическим кризисом в стране.⁴ Можно предположить, что резкое увеличение числа выставок в период экономического кризиса связано с поиском их устроителей выхода из создавшихся экономических трудностей.

Вторая тенденция, которую удалось нам выявить - изменение характера выставок по мере развития капитализма: замена общих сельскохозяйственных специальными, появление промышленных, промышленной и сельскохозяйственной, универсальной выставок.

Проведение первых промышленных выставок лишь в 1879, 1880 годах, а не ранее означает, что только на завершающей стадии промышленного переворота в стране, проникновение капитализма в промышленность региона достигло того уровня, на котором возникла общественная потребность в активном расширении рынков ее сбыта (поскольку в расширении рынков сбыта этого вида продукции более всего была заинтересована промышленная буржуазия, то она первой в лице Г.Г.Тальквиста - члена Казанского экономического общества и откликнулась на ее нужды).

Потребности развивающегося сельского хозяйства нашли отражение в деле проведения выставок посевных семян (1888, 1889, 1893 годы). Устройство их в крае с зерновой специализацией объясняется широкой полосой неурожайных лет в ней.⁵ Хронические неурожаи ставили организаторов выставок перед необходимостью выявления, рекламы и распространения сортов семян, соответствующих климатическим условиям региона. Делу организации специальных выставок способствовала и дороговизна семян, приобретаемых земствами и землевладельцами у столичных торговцев и зарубежных фирм, что ставило вопрос о выявлении, рекламе и распространении лучших сортов местных семян.

Развитие капитализма в крае способствовало устройству таких

4 Промышленный переворот на ведущих фабриках и заводах основных отраслей завершился в крае к середине 90-х годов XIX в., т.е. несколько позднее, чем в целом по стране.

5 5 (17) марта 1886 года газета "Волжский вестник" сообщала о том, что неурожай хлебов за последние 18 лет сделали в Казанской губернии явлением хроническим. Та же газета информировала читателя о неурожаях 1891, 1892 годов ("Волжский вестник", № 318, 10 (22) декабря 1893).

выставок, на которых одновременно экспонировалась продукция сельского хозяйства и промышленности. Это имело место на выставках 1886 и 1890 годов.

Проведение в 1890 году, т.е. в самый разгар экономического кризиса, универсальной выставки наталкивает на мысль о том, что именно в универсальности организаторы ее видели один из путей всестороннего изучения региона с целью подъема его экономики.

Из вышесказанного следует, что, с одной стороны, завершение промышленного переворота, способствовавшего развитию капитализма в крае, и, с другой стороны, экономический кризис, тормозивший этот процесс, повлекли за собой не только увеличение числа выставок, но и изменение их характера.

Рассмотренное изменение характера выставок дает основание говорить еще об одной тенденции, вызванной развитием хозяйственно-экономической жизни региона, - тенденции расширения ассортимента экспонируемой продукции. В самом деле, нет никаких сомнений в том, что ассортимент экспонатов сельскохозяйственной выставки 1866 года был значительно уже ассортимента продукции, экспонируемой, например, на универсальной выставке 1890 года.

Изучение выставочного дела в губернии во второй половине XIX века позволило проследить тенденцию демократизации в их организации и проведении. Подтверждением этого служит прежде всего переход инициативы устройства выставок от правительства к общественности: если инициатором выставки 1866 года было министерство государственных имуществ, то всех последующих - общественность; член Казанского экономического общества Г.Г.Тальквист организовал выставки 1879, 1880 (промышленную и сельскохозяйственную) годов, Казанское экономическое общество - выставки 1880 (сельскохозяйственную), 1888, 1889, 1893 годов. Ремесленное общество - выставку 1886 года, Общество естествоиспытателей при Казанском университете - выставку 1890 года. О демократизации выставочного дела в крае свидетельствует и расширение прав экспонентов, которые с начала 80-х годов на выборах начавших могли входить в состав экспертных комиссий, а с середины 80-х годов - обращаться с просьбами, жалобами в выставочные комитеты⁶ и т.д.

Отмеченная тенденция явилась одним из проявлений демократи-

6 ЦГА ТАССР, ф.422, оп.1, д.538, л.126; Правила о заведывании группами предметов, входящих в программу Казанской ремесленной и сельскохозяйственной выставки 1886 года и список заведующих. - "Казанские губернские ведомости", 1886, 3 июля.

зации всей общественной жизни страны, характерной для рассматриваемого периода.

Далее, нам удалось проследить тенденцию усиления просветительно-познавательной функции выставок, о чем свидетельствуют:

во-первых, увеличение числа посетителей выставок с 350 человек в 1866 г.⁷ до более 100 тыс. человек (посетивших выставку только по платным билетам) в 1890 году;⁸

во-вторых, организация для экспонентов и посетителей с середины 80-х годов лекций, бесед с использованием экспонатов в качестве наглядных пособий, экскурсий в музеи и окрестности города (выставки 1886, 1890 годов);⁹

в-третьих, привлечение на выставку 1890 года в качестве посетителей учащихся (школ, гимназий), сельской и городской интеллигенции (учителей), солдат путем отмены для них входной платы.¹⁰

Усиление просветительно-познавательной функции выставок, на наш взгляд, есть не что иное как показатель осознания их устройствами растущей роли науки, просвещения, культуры в целом в развитии производительных сил общества.

Следующая, выявленная нами тенденция, - стремление организаторов выставок переложить часть расходов по их организации и проведению на плечи экспонентов. К числу основных показателей прослеживаемого явления относятся: плата участников выставок за занимаемую экспонатами экспозиционную площадь, за право продажи экспонатов, изготовление, установка за свой счет выставочного оборудования и т.д.

Наметилась указанная тенденция в конце 70-х годов, на первой частной выставке, когда Г.Г.Тальквист ввел плату за экспозиционную площадь в размере 10 рублей за одну квадратную сажень.¹¹ В

7 ЦГА ТАССР, ф.1, оп.2, д.2110, л.70 об.

8 Отчет комитета Казанской научно-промышленной выставки 1890г., состоявшейся под покровительством его императорского высочества государя наследника цесаревича. Казань. Типография императорского университета, 1891, с.12.

9 ЦГА ТАССР, ф.422, оп.1, д.596, л.2А; Отчет комитета Казанской научно-промышленной выставки 1890 г., состоявшейся под покровительством его императорского высочества государя наследника цесаревича. Казань. Типография императорского университета, 1891, с.22.

10 Отчет комитета Казанской научно-промышленной выставки 1890г., состоявшейся под покровительством его императорского высочества государя наследника цесаревича. Казань. Типография императорского университета, 1891, с.12.

11 ЦГА ТАССР, ф.1, оп.3, д.4750, л.2.

1880 году в результате введения Казанским экономическим обществом платы за право продажи экспонатов (5% вырученной от продажи экспонатов суммы) и представления экспонентам возможности устанавливать дополнительное выставочное оборудование за свой счет ¹² тенденция получает дальнейшее развитие.

Думается, что введение перечисленных расходов экспонентов связано, с одной стороны, с ростом их экономических возможностей, заинтересованности в рекламе, экспертизе, продаже своей продукции - вследствие развития внутреннего рынка в стране, а с другой, - с переходом инициативы устройства выставок к обществу, располагающим по сравнению с правительственными органами ограниченными материальными средствами, и частному лицу, заинтересованному в экономии своих средств.

Наиболее высокими расходы экспонентов были на выставке 1890 года, когда вся мебель производилась и устанавливалась за их счет, плата за право продажи экспонируемой продукции достигала 10% от вырученной суммы, а за одну квадратную сажень экспозиционной площади им приходилось платить от 10 до 75 рублей. ¹³

Минимальные расходы - 1 рубль, - независимо от занимаемой площади, несли экспоненты выставки посевных семян 1893 года, а участники двух предыдущих (1888, 1889 гг.) аналогичных выставок вовсе освобождались от перечисленных затрат. ¹⁴

Наибольшие расходы экспонентов в 1890 году, на наш взгляд, объясняются дальнейшим ростом экономических возможностей участников выставок, их заинтересованностью в рекламе, продаже своих изделий, крупными масштабами самой выставки, требующими соответствующих затрат, и незначительными денежными средствами главного ее организатора - научного Общества естествоиспытателей при Казанском университете.

Минимальные расходы экспонентов выставок посевных семян сле-

¹² ЦГА ТАССР, ф.422, оп.1, д.531, л.21.

¹³ Отчет комитета Казанской научно-промышленной выставки 1890г., состоявшейся под покровительством его императорского высочества государя наследника цесаревича. Казань: Типография императорского университета, 1891, с.100-101, 104-105.

¹⁴ Программа выставки посевных семян, устраиваемой императорским Казанским экономическим обществом. - Казанские губернские ведомости, 1888, 28 июля; Программа выставки посевных семян, устраиваемой императорским Казанским экономическим обществом. - Казанские губернские ведомости, 1889, 27 июля; Положение о выставке посевных семян, устраиваемой императорским Казанским экономическим обществом в 1893 году в городе Казани. - Казанские губернские ведомости, 1893, 25 мая.

дует объяснить стремлением Казанского экономического общества всеми средствами привлечь владельцев семян на выставку. Причины стремления кроются в зерновой специализации губернии, хозяйство которой в период экономического и аграрного кризисов остро нуждалось в выявлении и распространении лучших недорогостоящих, по сравнению со столичными и зарубежными, местных сортов семян. Кроме того, можно предположить, что скромные масштабы специальных выставок не требовали от их организаторов больших денежных затрат.

Все это свидетельствует о том, что стремление организаторов выставок переложить часть расходов по их проведению на плечи экспонентов вызвано изменениями, происходящими в социально-экономической жизни региона.

Если указанное стремление организаторов выставок в конце 70-начале 80-х годов распространялось на все социальные категории экспонентов, то с середины 80-х годов крестьяне - участники выставок в этом плане стали составлять исключение. По отношению к ним прослеживается прямо противоположная тенденция - стремление организаторов выставок принять на себя значительные расходы крестьян-экспонентов (освобождение от платы за места для экспонирования скота, продукции сельских промыслов: выдача кустарям бесплатных талонов на обед в дешевой городской столовой и т.д.) ¹⁵, а некоторых кустарей даже вознаградить за участие в выставке (выдача денежных пособий). ¹⁶

Такие меры были вызваны необходимостью подъема экономики деревни, одним из условий которого организаторы выставок видели в развитии сельских промыслов. Именно поэтому кустарям-крестьянам уделялось большее внимание вплоть до того, что земства некоторых губерний брали на себя все расходы и хлопоты по экспонированию продукции тех кустарей, которые не имели возможности или не хотели непосредственно представлять ее на выставку. ¹⁷

Все это в целом свидетельствовало о понимании многими представителями общественности огромной роли крестьянства и сельского хозяйства в экономическом подъеме края в эпоху капитализма.

В целом, изучение организации, проведения сельскохозяйственных и промышленных выставок в Казанской губернии в период с 1861 по 1895

¹⁵ Казанские губернские ведомости. 1886, 29 июля; Волжский вестник, 1889, 18 ноября.

¹⁶ Волжский вестник, 1886, 3 сентября; Волжский вестник. 1889, 9 ноября.

¹⁷ Волжский вестник, 1889, 9 ноября.

годы позволило классифицировать выставки по четырем параметрам: составу приглашенных участвовать в них, по принципу основного источника финансирования, по ведомственной линии, по содержанию экспонируемой продукции, а также выделить юбилейные выставки. Кроме того, нам удалось выявить ряд тенденций - рост числа выставок и изменение их характера, расширение ассортимента экспонируемой продукции и демократизацию выставочного дела в крае, усиление просветительно-познавательной функции выставок и др.

Все это убеждает в том, что Казанская губерния, на территории которой в 60-90 годах XIX века было устроено 9 сельскохозяйственных и промышленных выставок, внесла определенный вклад в развитие этой прогрессивной тенденции в общественной жизни пореформенной России.

Р.У.Амирханов

АГРАРНО-КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС НА СТРАНИЦАХ ТАТАРСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПРЕССЫ В 1905-1907 гг.

Целью данной статьи является анализ материалов татарской демократической периодической печати 1905-1907 гг., отражающих аграрно-крестьянский вопрос в условиях первой буржуазно-демократической революции в России. Подавляющее большинство этих материалов вводится в научный оборот впервые.

Татарская демократическая пресса возникла 27 ноября 1905 г. с выходом в г.Уральске газеты "Фикер" /"Мысль"/ при активном участии поэта Г.Тукая. Всего в 1905-1907 гг. в России на татарском языке выходило 12 газет и журналов демократического направления, которые издавались в Казани, Уральске, Оренбурге, Астрахани и Петербурге. Несмотря на различную степень идейной зрелости и наличие разнообразных оттенков мысли, демократическая печать активно пропагандировала лозунги буржуазно-демократической революции, передовые идеи эпохи, воспитывала массы в духе ненависти к отжившему монархическому строю, сплачивала их на борьбу за социальное и национальное освобождение.¹

¹ Более подробно об этом см.: Амирханов Р.У. Из истории демократической печати в годы революции 1905-1907 гг. - В кн.: Исследования по историографии Татарии. Казань, 1978, с.62-77; он же. Татарская демократическая пресса периода первой русской революции /источниковедческий анализ/. - В кн.: Исследования по источниковедению истории Татарии. Казань, 1980, с.63-78.

Демократические газеты и журналы на татарском языке дают много важных данных для изучения крестьянского движения. Они фиксируют и комментируют наиболее характерные события, связанные с положением крестьянства, его борьбой за землю, за уничтожение остатков крепостничества.

Деятельность татарской прессы по освещению аграрно-крестьянского вопроса специальному изучению по существу не подвергалась. Исключение составляет статья башкирского исследователя Р.Р.Кутушева,² который анализирует содержание газет пролетарского /"Урал"/, мелкобуржуазного ("Дума") и буржуазного /"Вахит" - "Время"/ направлений с точки зрения постановки аграрного вопроса.

Отличительной чертой трактовки аграрно-крестьянской проблемы в татарской демократической печати является ее интернациональный характер. Газеты и журналы освещают этот вопрос в масштабах всей страны, никоим образом не отделяя положение татарского крестьянства от всероссийского. Сила демократической прессы состояла еще в том, что она стала достоянием не только татарских трудящихся, но и целого ряда других тюркоязычных народов /башкир, казахов, киргизов и др./, которые в силу близости языка могли не только черпать необходимые сведения о всеобщих нуждах, но и сами содействовали развитию печати своими корреспонденциями. В этом смысле татарская печать стала общим интернациональным наследием указанных народов, в едином строю боровшихся против самодержавного строя.

Очень важно выяснить, какой политической партии были близки аграрные взгляды татарских революционных демократов. Как известно, в годы революции 1905-1907 гг. в России сразу возникло множество политических партий со своими платформами, каждая из которых выдвинула свою аграрную программу. Легальных партий, возникших накануне и в ходе первой революции, насчитывалось более 25, а с учетом самостоятельно и организационно оформленных течений и группировок - около 50. Абсолютное большинство этих партий было реакционным, стремившееся к укреплению устоев помещичье-самодержавного строя.³

² Кутушев Р.Р. Крестьянский вопрос на страницах национальной печати Башкирии в годы первой русской революции. - В кн.: Крестьянство и крестьянское движение в Башкирии в XVII - начале XX вв. Уфа, 1981, с.112-124.

³ Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. т.1, М., Мысль, 1974, с.117.

Татарские революционные демократы в абсолютном большинстве своем не принадлежали к определенной политической партии или группировке. Исключение составляют лишь члены Мусульманской трудовой группы /6 человек/ и эсерствующие интеллигенты, сплотившиеся вокруг газеты "Таң Йолдыз" /"Утренняя звезда"/ /Г.Исхаки, Ф.Туктаров, С.Рамеев, Ф.С.Казанлы, Х.Абузяров, Ш.Мухамедьяров и др./ . Аграрная программа мусульманских трудовиков, в остальных вопросах солидаризирующихся с кадетами, совпадала с программами русских трудовиков и исходила из принципов уравнительного землепользования. Татарские трудовики выступали за конфискацию помещичьей земли без выкупа и т.д. Поскольку в вышеупомянутой статье Р.Р.Кутушева отношение мусульманских трудовиков к аграрному вопросу находит известное отражение, мы не сочли нужным более подробно останавливаться на деятельности их газеты "Дума" /вышло 6 номеров в Петербурге/.

Что же касается татарских эсеров, то они, как и русские социалисты-революционеры, обнаружили полное непонимание социальной природы общественного, экономического развития и законов классовой борьбы. Выступая под знаменем социализма, эсеры не имели ничего общего с научным социализмом. Признавая, что общество состоит из имущественно неравных классов и что между ними идет непримиримая борьба, они в то же время рассматривали ее как борьбу двух противоположных лагерей - эксплуататоров и эксплуатируемых, двух противоположных классов - буржуазии и трудящихся. При этом к буржуазии относились все имущие, а к классу трудящихся - неимущие: рабочие, крестьяне и интеллигенция.⁴ Такого рода политика наносила огромный вред не только рабочему классу, но и крестьянству, за интересы которых социалисты-революционеры поклялись бороться всеми средствами. Ибо, как показала история, без организующей и руководящей роли рабочего класса крестьянство само по себе может подняться в лучшем случае лишь до всеобщего крестьянского бунта.

Главным требованием татарских эсеров, как и русских социалистов-революционеров, была социализация земли на началах уравнительного-трудового пользования. Хотя следует подчеркнуть, что это требование у татарских эсеров было сформулировано не столь четко и отстаивалось не так последовательно, как у русских однопартийцев. Основная линия, проводимая татарскими эсерами в аграрном вопросе

4 Трапезников С.П. Указ. соч., с.124.

через газету "Таң Йолдыз" сводилась в основном к следующему: "Земля, как частная собственность, не должна принадлежать никому, кроме как всему народу и уравнительно пользоваться ею должны только те, кто сам на ней работает, и только в таком количестве, в каком сам в состоянии обрабатывать". Вместе с тем, "Таң Йолдыз" беспощадно разоблачала аграрную политику царизма, бичевала всех эксплуататоров, наживавшихся за счет крестьян и доводивших их до нищенского уровня. Нередко газета называла террор главным средством достижения победы над самодержавием.

Трудовики и эсеры не были основными представителями татарской революционной демократии, хотя и имели определенное влияние на часть крестьянского населения. Такие деятели, как Г.Тукай, Г.Камал, М.Гафури, Г.Мустафин, С.Рахманкулы, Ф.Амирхан, Ш.Мухамедов, Ш.Камал и др. составляли ядро татарской революционно-демократической мысли и являлись яркими представителями "беспартийной революционности". Однако это вовсе не значит, что они не придерживались определенной политической ориентации и были лишены классовых симпатий. Эти представители неизменно сочувствовали левым партиям /в особенности, социал-демократии/ и тяготели к ним во всех политических вопросах, в том числе и в аграрном. Это нашло отражение и на страницах демократической печати.

Общественно-политическая ситуация начала XX века была настолько накаленной, сложной и многогранной, что татарские демократы не всегда могли правильно ориентироваться в создавшейся обстановке, требующей особой политической зоркости, прозорливости, чуткости, высокой идейно-теоретической подготовки. Лишь следствием недостаточной идейной зрелости можно объяснить то, что в начальный период революции некоторые демократические деятели, хоть и на очень короткое время, подпали под либеральное влияние. Примером может служить тот факт, что газета "Фикер" в I Государственной думе возлагала большие надежды на кадетов и, не разобравшись в их демагогии, даже пропагандировала кадетскую программу, ее, так сказать "казахскую" новизность.⁵ Эта программа была опубликована и в журнале "Әлгасрел-жәдид" /"Новый век"/.⁶ Однако революционные демократы быстро отказались от этих заблуждений и в дальнейшем повели смелую борьбу против лозунгов конституционно-демократической партии, которая, как писал В.И.Ленин, переносила "центр тяжести" на возможность "примирения классов, удовлетворения мужика без обиды помещика, одним сло-

5 Фикер, 1905, II-25 декабря /№3-5/.

6 Әлгасрел-жәдид, 1906, № 1, с.13-18.

вом, на возможность пресловутого "социального мира".⁷

Изучение материалов прессы позволяет проследить, на наш взгляд, такую закономерность, что воззрения татарских революционных демократов по аграрно-крестьянскому вопросу переживали различные ступени. Мы склонны считать, что в постановке и решении этой проблемы, несмотря на непоследовательность и хронологические отклонения, демократическая печать развивалась по "восходящей" линии, т.е. от либерально-буржуазных, общедемократических, трудовистско-эсеровских и распылчатых лево-радикальных воззрений - до интерпретации вопроса в духе социал-демократического учения.

Характерным материалом, иллюстрирующим отношение прессы к аграрному вопросу с широких общедемократических позиций, является статья "Немного цифр, касающихся крестьян".⁸ Ее автор, традиционно сопоставляя крестьянские хозяйства с их крохотными земельными участками с крупными аграриями вплоть до царской фамилии, отмечает обнищание крестьян, неуклонное уменьшение поголовья их лошадей, низкое качество почвы, острую нехватку средств для улучшения ее плодородия, для приобретения качественных семян, добротных сельскохозяйственных орудий, машин. "Где уж тут говорить о качественной обработке земли, об ее рациональном использовании, - восклицает автор, - когда у множества крестьян нет даже лошадей". Поэтому не стоит удивляться тому, писала газета, что урожайность зерна в России по сравнению с другими государствами крайне низка. Если в Бельгии в среднем с одной десятины снимается 119, в Англии - 114, то в России всего 30 пудов хлеба. А это, как известно, нередко являлось причиной голода, от которого на протяжении веков страдали крестьянские семьи.

В демократической печати аграрно-крестьянской проблеме посвящены сотни статей, заметок, различного рода корреспонденций, для которых характерно глубокое сочувствие общественным низам, обездоленному деревенскому люду.⁹ Вместе с тем газетам и журналам, особенно в начальный период их деятельности, нередко присущи лишь констатация нищенского уровня крестьянской жизни, безадресный ропот и негодование по поводу их обездоленного состояния. Относительная умеренность

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.16, с.226.

⁸ Азат халык (Свободный народ), 1906, 30 июля.

⁹ В печати немало корреспонденций, описывающих аграрно-крестьянские отношения дореформенного и пореформенного периода, как в революцию 1905-1907 гг., рассматривающих крестьянское хозяйство с точки зрения его жизнеспособности, экономического содержания, культуры агротехники и т.д.

в освещении аграрно-крестьянского вопроса была неизбежным следствием недостаточной идейной зрелости самих демократических деятелей, которые в силу известных исторических причин не могли четко представить политический механизм аграрных отношений в самодержавной России.

Но и такая защита интересов разоренного, забитого крестьянского населения была известным достижением для демократической печати, делающей свои первые шаги. В этом плане выделяется статья "Нужды крестьян".¹⁰ В ней в обнаженном виде предстают все пороки самодержавной России, где миллионные массы крестьян задыхались от нехватки земли, от различного рода повинностей и податей, страдали от чиновничье-бюрократического произвола, притеснений со стороны помещиков и кулаков. "Крестьяне трудятся очень много, даже сверх сил, однако живут на грани нищеты", отмечала газета. "Дома их тесны, одежда и питание из рук вон плохи. На черный день у них нет никаких запасов. Стоит случиться недороду, как на крестьян надвигается злоеущий голод. Они умирают от неизменного спутника голода - цинги и тифа... Причину этого понять нетрудно. У крестьян земли очень мало, а без нее им нет житья. Помещики во время освобождения крестьян большую часть земли забрали себе..." Описывая в ярких красках беспросветную нужду крестьян, автор статьи раскрывает причины отходничества, усиления помещичьей кабалы, разорения крестьянских хозяйств, образования новой армии безработных в городах и пополнения рядов пролетариата вчерашними земледельцами. Причина всех этих злоключений, по мнению газеты, кроется в том, что крестьянам не достается очень многого из того, что они заработали своим трудом.

Следует отметить, что в статье проскальзывают и некоторые иллюзии относительно способности I Государственной думы разрешить аграрный вопрос.

Общедемократическая, "внепартийная" платформа татарских газет и журналов наглядно проявляется и в многочисленных сатирических материалах, содержание которых нередко приобретало характер явного гротеска. Особенно часто прибегала к нему газета "Азат", подавая подобного рода материалы под рубрикой "Мелочь".¹¹

По мере углубления революции социальная острота материалов демократической печати на аграрно-крестьянскую тему все более усиливается. Этому способствовала и неухающая борьба вокруг земельной проблемы в I Государственной думе. Избранные в Думу крестьян-

¹⁰ Азат (Свободный), 1906, 20 апреля.

¹¹ Азат, 1906, 7 февраля.

ские депутаты в большинстве примкнули к так называемой Трудовой группе, провозгласившей себя выразительницей и защитницей интересов трудового крестьянства. Наряду с другими мелкобуржуазными партиями /эсеры, энесы, максималисты и др./ трудовики символизировали собой более высокий уровень организации крестьянского движения. Они сыграли немалую роль в политическом пробуждении крестьянских масс и, несомненно, представляли угрозу для монархии и господства помещичьего землевладения".¹² Как известно, в земельном вопросе Трудовая группа отстаивала точку зрения, которая сводилась к тому, что "землей должен пользоваться только тот, кто трудится на ней, и в таком количестве, сколько он может обработать". В основной части аграрной программы этой партии было записано: "Этот взгляд, объединяющий все трудовые массы земледельческого населения, как центра России, так и окраин, Трудовая группа кладет в основу своей аграрной программы".¹³

Обратимся к татарской демократической прессе. Газета "Азат" требует, чтобы "каждый земледелец мог владеть таким размером земли, который был способен обработать самостоятельно, без применения наемного труда".¹⁴ Разоблачая измышления о нехватке земли для подобного распределения, "Азат" указывает на наличие помещичьих, казенных и других земель. Прежде чем сделать окончательный выбор между способами передачи земли крестьянам газета в целях разъяснения положения вещей в аграрном вопросе, рассматривает самые различные варианты. "Азат" начисто отвергает возможность "взаимной договоренности" между помещиками и крестьянами, "практичность" продажи крестьянам казенных земель или в долг через Крестьянский поземельный банк, на которых особенно настаивали кадеты. Как известно, В.И. Ленин назвал Крестьянский банк "помещичьим", которому богатые крестьяне "втридорога заплатят" за землю.¹⁵ То, что из этого ничего не выйдет, писала газета, понять нетрудно. Во-первых, помещики не захотят продать свои земли, стремясь сдать их в аренду или заставить работать на себя крестьян, ибо этот труд оплачивается очень дешево. Во-вторых, землю будут покупать только богатые крестьяне, а большинство этого сделать не в состоянии. Наконец, если крестьяне станут покупать землю в долг через банк, это тоже не приведет к цели, ибо, чем больше крестьяне будут покупать, тем дороже станет земля. В результате крестьяне увязнут в страшных долгах...

¹² Трапезников С.П. Указ. соч., с.129.

¹³ Цит. по книге С.П.Трапезникова, с.129.

¹⁴ Азат, 1906, 20 апреля. Такие же требования содержались и в других изданиях.

¹⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.16, с.254.

Как известно, Трудовая партия высказывалась за принудительное отчуждение земель у крупных землевладельцев, за наделение всех нуждающихся по трудовой норме. Солидаризируясь в этом вопросе с трудовиками, "Азат" неизменно требует "отобрать землю у помещиков и передать крестьянам, способным обрабатывать ее собственным трудом".¹⁶

Надо иметь в виду, что В.И. Ленин, рассматривая открытое выступление крестьянских депутатов в I и II Думах с аграрными программами, писал, что "народнические теории и программы являются действительно идейным облачением крестьянской борьбы за землю".¹⁷

Аграрно-крестьянский вопрос в демократической печати широко представлен в виде оценки и разбора деятельности Государственной думы. Конечно, писатели-демократы с каждым днем все отчетливее понимали иллюзорность своих надежд на положительное решение земельной проблемы в Думе. Но, излагая ход борьбы и дискуссий по вопросу о земле на ее заседаниях, где сталкивались жизненные интересы различных классов и сословий, демократическая печать просвещала массы, раскрывала истинное лицо власть имущих, разоблачала кадетов и всех тех, кто грубо попирает права крестьян на землю. Газета "Азат" в статье "Думские вести"¹⁸ приводит высказывание белорусского депутата, члена Трудовой группы, горько разочарованного некомпетентностью Думы разрешить вопрос о земле. Выступая на одном из заседаний Думы, он предупредил, что вынужден будет взять землю в деревню на собственном подоле, ибо выборщики запретили ему возвращаться домой без земли. Депутат-трудолик намеревался заявить своим выборщикам, что земли, больше этой, в Петербурге добыть невозможно и крестьяне, если она покажется им недостаточной, должны сами взяться за дело.

Очевидно, что здесь недвусмысленно проводится идея о бессилии Думы и о необходимости захвата помещичьих и других земель насильственным путем.

Эволюция взглядов газеты "Азат" в отношении способности решения аграрной проблемы Думой ярко заметна в статье "Может ли Государственная дума дать землю крестьянам".¹⁹ Автор под псевдонимом "К.Г." разбирает эфемерные полномочия Думы, бессилие ее перед Государственным советом, которым, по его словам, "командуют дворяне и помещики". Если Дума и обладает какими-либо полномочиями относительно уделных, монастырских и прочих земель, отмечает автор, то только такими, чтобы заявить: "Земли много, однако она недоступна..."

¹⁶ Азат, 1906, 20 апреля.

¹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.16, с.211.

¹⁸ Азат, 1906, 14 мая.

¹⁹ Азат, 1906, 16 мая.

Газета "Азат халк", явно симпатизируя крестьянским депутатам-трудовикам в Думе, опубликовала специальную статью "Земельный вопрос в Г/осударственной/ думе", в которой подчеркивается огромная важность этой проблемы и приводится законопроект трудовых групп о земле, состоящий из 20 пунктов.²⁰

Ошибку народнических партий, как известно, В.И. Ленин видел не в том, что они отстаивали "уравнильность" землепользования, а в том, что эту меру они рассматривали как "трудовое начало", что мелкое уравнильное землепользование они возводили в нечто новое, определяющее не буржуазный, а социалистический строй. В.И. Ленин неизменно подчеркивал, что принципы трудового начала и уравнильности землепользования представляют собой известный вид отсталости мелкобуржуазного социализма. Но "в туманной форме эти принципы действительно выражают нечто реальное и прогрессивное в данный исторический момент. Именно: они выражают истребительную борьбу против крепостнических латифундий".²¹

Нельзя во всех случаях утверждать, что татарская демократическая пресса в освещении аграрного вопроса исходила только из общедемократических позиций и воззрений трудовистских партий. Она заимствовала и черпала аграрные установки из программ и др. левых партий, которым неизменно сочувствовала с позиций трудового крестьянства. В целом ряде случаев просто невозможно выделить четкую партийно-классовую направленность отдельных материалов, ибо бичевание правительственной аграрно-крестьянской политики стало всеобщим явлением и было присуще всем левым силам российского общества того периода.

С этой позиции мы должны рассматривать нижеследующие материалы, которые пропитаны духом глубокой непримиримости к "верхам". Так, в газете "Фикер" была опубликована статья "О доходах и расходах правительства".²² Здесь с исключительной силой вскрывается система фактического грабежа народа, безотказно действующая в руках самодержавного правительства в виде различных налогов.²³ В статье дается впечатляющая картина народного бесправия, нищеты, издевательств царизма над обездоленным крестьянством, бичуются царь, его министры, генералы, предприниматели. "Фикер" гневно осуждает военную авантю-

²⁰ Азат халк, 1906, 4 июня.

²¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.16, с.212.

²² Фикер, 1906, № 21-23.

²³ С этой работой живо перекликаются статьи "Куда уходят деньги, собранные с народа" /Азат, 1906, 16 апреля/, "Порядок сбора налогов" /Азат, 1906, 25 апреля/ и т.д., в которых каждая строка дышит гневным возмущением против тех, кто нагло попирает интересы крестьян, трудового народа.

ру царизма на Дальнем Востоке, стоившую сотен тысяч человеческих жизней и принесшую народу неисчислимые бедствия и страдания. Во время этой войны, отмечает газета, царь задолжал иностранным государствам 7-8 млрд. руб., и только на покрытие государственных долгов ежегодно уходит 303 млн. руб., которые должен возместить народ... Огромные суммы тратятся на полицию, жандармов, на затеи министров. Однако, заявляет "Фикер", если крестьяне, доведенные до нищенского уровня, голодные, оборванные обратятся к правительству за помощью, оно не находит для этого средств. Смехотворна сумма, выделяемая для школ, библиотек, больниц, да и та предназначена для школ, гимназий, университетов, куда дети из простолыдинов попасть не могут и где получают образование лишь дети богатей. Для народных же школ, где обучаются наши дети, подчеркивает газета, государство в год на одного человека тратит всего 5 копеек... "Фикер", анализируя убогое состояние школьного дела в России на конкретных примерах, с горечью отмечает, что в Швейцарии на дело образования и просвещения средств расходуется в 31 раз больше, чем в России.

Эта часть статьи живо перекликается с замечанием В.И. Ленина, который писал: "О да, Россия не только бедна, она - нищая, когда речь идет о народном образовании. Зато Россия очень "богата" расходами на крепостническое государство, помещиками управляемое, расходами на полицию, на войско, на аренды и десятичные жалованья помещикам, дослужившимся до "высоких" чинов, на политику авантюры и грабежа..."²⁴ В.И. Ленин подчеркивал, что Россия "всегда останется бедной и нищей в отношении расходов на просвещение народа, пока народ не просветится настолько, чтобы свергнуть с себя гнет крепостников и помещиков".²⁵

Весьма важным и зрелым по своему содержанию является статья "Что дает манифест 3 ноября?", опубликованная в газете "Азат"²⁶ за подписью "З.Г.-ва". Исследователи полагают, что под этим псевдонимом скрывался Г. Камал. Автор весьма аргументированно показывает многие негативные последствия реформы 1861 года для крестьян, гневно осуждает самодержавие за войну с Японией, якобы затеянной в целях приобретения земли, которой так мало у деревенского люда. Проблема земли не только не решена, заявляет автор, но стала еще более тяжелой, от которой крестьяне страдают пуще прежнего. В статье говорится, что война раскрыла глаза народу, который, начиная с 9 января 1905 года, вступил в ожесточенную борьбу за свои жизненные права. Автор

²⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.23, с.129.

²⁵ Там же.

²⁶ Азат, 1906, 1 февраля.

отмечает грандиозное забастовочное движение рабочих, аграрные волнения крестьян, вследствие которых правительство вынуждено было принять экстренные меры для спасения абсолютизма. Газета особо подчеркивает вынужденность издания манифеста 3 ноября 1905 года, в котором, как известно, было обещано уменьшить с 1 января 1906 г. выкупные платежи с бывших помещичьих, государственных и удельных крестьян наполовину с последующим прекращением взимания этих платежей с 1 января 1907 г.

В этом плане особенно ценна статья Г. Кулахметова "Полезные всему народу сведения".²⁷ В 3-м ее разделе под заголовком "Доходы царской фамилии" показывается, что царь Николай Романов - крупнейший помещик и капиталист России, беспощадно грабящий трудовой народ.

Это развенчание царизма в глазах широкой общественности и трудящихся масс было тем более необходимо, что значительная часть крестьянства надеялась получить "землю и волю" из рук "царя-батюшки", не понимая необходимости свержения первого помещика и эксплуататора России.

Статья содержит еще три раздела: "Количество земли и ее владельцы", "Вот как распределяется земля у частных собственников", "Народное добро", в которых крупным земельным собственникам, имеющим десятки и сотни тысяч десятин земли, противопоставляются обездоленные и страдающие от малоземелья крестьянские массы.

Политическая значимость и острота этого материала были таковы, что в апреле 1906 г. он был издан в виде прокламации Казанского Комитета РСДРП на татарском языке.

Демократическая печать, широко освещая аграрную проблему во всех ее аспектах, беспощадно разоблачала тех, кто в корне пресекал попытки кардинального решения этого вопроса. Газета "Азат халк" в статье "Земли чиновников"²⁸ писала, что только в руках тайных и действительных тайных советников /их всего 648 человек/ сосредоточено свыше 3 млн. десятин земли. В среднем на каждого из них приходится 4,5 тыс. десятин. Из них в среднем около 840 десятин земли они приобрели в период своей личной службы... Должно быть теперь ясно, отмечала газета, "почему правительство не намерено удов-

²⁷ Азат, 1906, № II, 15 /26 февраля и 12 марта/.

²⁸ Азат халк, 1906, 8 июля.

летворить требования крестьянских депутатов в Думе, т.е. передать землю всему народу". Такие же выводы делала газета "Азат", разъясняя причины антинародной аграрной политики царизма. Она писала: "Половина членов Государственного совета - это люди назначенные /т.е. не избранные народом. -Р.А./, другая половина - крупные помещики и фабриканты и им подобные. Все они сидят на шее народа и паразитируют на его труде".²⁹

Одновременно демократическая печать испытывала все возрастающее влияние социал-демократических идей. Вследствие этого ее материалы все более проникались социальным содержанием, остроты которых было направлено не только на бичевание самодержавного правительства, но и на разъяснение необходимости активной борьбы за жизненные права.

Журнал "Туп" /"Пушка"/ в передовой статье своего 3-го номера клеймил позором самодержавное правительство за неслыханные злодеяния и бесчинства по отношению к трудовому народу. Он характеризовал царизм как силу, цель которой заключается в безудержном грабеже, угнетении трудящихся масс, вытравлении из их сознания чувства человеческого достоинства. Поэтому, отмечал "Туп", пока государственная власть будет находиться в руках нынешнего правительства, для народа не будет никаких облегчений, не будет конца притеснениям и злодеяниям".³⁰ Пришло время, писал "Туп", когда народ должен проникнуться сознанием своей силы. Единственным условием успеха в борьбе против царизма журнал считал объединение сил всего народа.³¹ Для решения насущных проблем трудового люда газета "Эльислах" /"Реформа"/ высказывается за необходимость "абсолютного переустройства России и справедливого решения социальных проблем".³² Не следует забывать, что газета писала об этом в условиях разнузданной столыпинской реакции.

Поучительно содержание статьи "Как жило сельское население Франции до революции?", где имеется в виду буржуазная революция 1789-1794 гг. Она примечательна, с одной стороны тем, что газета знакомила своих читателей с жизнью французских крестьян, что имело само по себе ценное познавательное значение. С другой стороны, что важнее всего, автор пишет, что французские крестьяне добились улучшения своего положения лишь в результате восстания, т.е. революции.

²⁹ Азат, 1906, 16 мая.

³⁰ Туп, 1907, № 3, с.2.

³¹ Там же.

³² Эльислах, 1908, 9 февраля.

Разумеется, здесь проводится недвусмысленная параллель между королем и царем, между французским и российским народами.³³ Статья подписана псевдонимом "Г.К.", за которым, возможно, скрывался Г.Камал.

Аграрные выступления крестьян получили на страницах демократической прессы широкое "одобрительное" освещение, что было всецело в духе самой радикальной, в том числе социал-демократической, печати того времени. О выступлениях крестьян Саратовской, Тульской, Нижегородской, Таганрогской, Одесской, Уфимской, Симбирской, Казанской и др. губерниях писали "Азат халык" /1906, № 4,5,6/, "Таң йолдыз" /1906, № 3,4,10,11,12/, "Яз" /"Весна" 1907, № 2/ и др. издания. В одном из своих номеров журнал "Яз" под рубрикой "Из истории России" подробно описывает волнения среди крестьян, особенно подчеркивая повсеместные поджоги помещичьих имений, захват земель и хлеба. Журнал гневно пишет о репрессиях самодержавного правительства в отношении крестьян, выступления которых были подавлены "с помощью пушек, пулеметов и виселиц".³⁴

По мере своего становления и развития демократическая печать все больше ощущала нарастающее воздействие социал-демократических идей. Пропаганда материалов социал-демократического характера постепенно становится неотъемлемой частью деятельности прогрессивных органов. Особенно это относится к казанским газетам "Азат" и "Азат халык", в которых при активном содействии Х.Ямашева и Г.Кулахметова, как правило, без подписи, публиковались статьи "Цели Российской социал-демократической партии", "Чему учат социал-демократы", "Сословия, класс и партия", "Основы конституции" и другие. Первая из них по существу представляла сокращенный перевод программы РСДРП, принятой на ее II съезде, в которой, как известно, нашли отражение и требования социал-демократической партии по аграрно-крестьянскому вопросу.³⁵

Крестьянский вопрос частично затрагивается и в статье социал-демократического характера "Сословие, класс и партия",³⁶ опубликованной без подписи. В статье крестьянство рассматривается не как однородная масса, а как сословие, в котором все интенсивнее происходит процесс классового расслоения, "раскрестьянивания". Газета пишет, что в крестьянстве возникли различные прослойки, интересы которых не совпадают. Указывается на наличие сельской буржуазии,

середняков и на все более увеличивающееся количество "безлошадных и бесхозяйственных крестьян". "Азат" разъясняет понятие "сельский пролетарий" и отмечает, что он "вынужден продавать свою рабочую силу городскому фабриканту, сельскому помещику или своему же брату - зажиточному крестьянину из-за отсутствия средств к существованию..." Эти материалы составляют замечательную страницу в истории национальной демократической печати.

Таким образом; татарская демократическая печать, возникшая в результате революции 1905-1907 гг., развернула борьбу по разоблачению антинародной аграрной политики царизма. Газеты в немалой степени помогли крестьянству осознать свои классовые интересы, воспитывали его в духе ненависти против угнетателей и борьбы за радикальное решение вопроса о земле. Это способствовало общественно-политическому пробуждению трудящихся масс, заинтересованных в полной ликвидации остатков крепостничества в деревне.

Однако, позиция татарской демократической печати в аграрно-крестьянском вопросе была в целом довольно противоречивой, непоследовательной. Это объяснялось прежде всего чрезвычайной сложностью, запутанностью и важностью проблемы, являвшейся "гвоздем" первой буржуазно-демократической революции. Искренне выступая защитницей интересов обездоленных крестьянских масс, ратуя за их освобождение от всяких форм эксплуатации и гнета, она не смогла /да и не могла/ выдвинуть четкую, цельную аграрную программу. Многие татарские демократы, не имея ясного представления не только о сложной механике земельных отношений, но и о целях буржуазно-демократической революции, обращались к аграрным программам и воззрениям различных партий, отдельные положения которых им особенно импонировали. Как уже отмечено выше, были моменты, когда в период своего зарождения демократическая печать популяризировала даже кадетскую программу. То были болезни роста. Вскоре эти заблуждения, являвшиеся, возможно, бессознательным, но отнюдь не случайным актом, были быстро преодолены, и в дальнейшем кадетские доктрины стали "стационарным" объектом критики для прогрессивной печати.

На раннем этапе своего развития пресса в аграрном вопросе чаще всего выступала с общедемократических, "беспартийных" позиций, где преобладает тенденция к описанию, "оплакиванию" нищенского уровня жизни "мужика", его беспросветной нужды и страданий.

Для следующего этапа характерна резкая критика политики самодержавия в аграрно-крестьянском вопросе, разоблачение чиновничье-бюрократического аппарата царской России в духе трудовистских тре-

³³ Азат халык, 1906, 12 сентября.

³⁴ Яз, 1907, № 2, с.7.

³⁵ Азат, 1906, 7 февраля.

³⁶ Азат, 1906, № 25-29.

бований. Заметное воздействие на отдельные органы /в особенности на "Таң йолдыз"/ оказывали эсеровские утопические аграрные установки. Весьма значительную часть материалов по аграрно-крестьянскому вопросу составляет тип корреспонденций, который по своему характеру не относится к какой-либо определенной политической партии. Резкая антиправительственная направленность материалов по земельной проблеме была характерна как для социал-демократов, так и для других левых сил. Нечеткая "классово-партийная оформленность" в аграрном вопросе является одной из особенностей татарской демократической прессы, часто оказывавшейся на гребне "малкобуржуазной стилистики".

Вместе с тем никогда не следует упускать из виду то, что демократическая печать развивалась под неослабным воздействием социал-демократических идей. В редакциях отдельных изданий были люди /Г.Кулахметов и др./, которые ставили задачу пропаганды социал-демократического учения в противовес буржуазным и малкобуржуазным воззрениям по всем важнейшим социально-экономическим вопросам, в том числе и по аграрному. Была ли случайностью публикация именно уже во 2-м номере "Азата" большой статьи "Цели Российской социал-демократической партии" /без подписи/?. Думается, что нет. Эти идеи созрели в сознании татарских большевиков во главе с Х.Ямашевым задолго до возникновения легальной демократической печати. И при первой же возможности подобные материалы без задержки "пускались в ход", иногда даже в ущерб стилистическому совершенству. Ибо идейные руководители "Азата" спешили довести до трудящихся масс самые передовые идеи эпохи как можно скорее, оперативнее, опасаясь закрытия издания. И действительно, "Азат" функционировал лишь четыре месяца, в течение которых несколько раз подвергался судебным преследованиям. То же самое можно сказать и о газете "Азат халык", прекратившейся уже по выходе 15 номеров /выходил 3,5 месяца/. В ее I и 2 номерах за подписью "с.-д." была помещена статья "Основы конституций", в которой вскрывались исторические корни классовой борьбы и прослеживались возникновение и развитие пролетариата как класса, способного и признанного совершить социалистическую революцию.

Татарская демократическая печать не смогла опубликовать следующих после II съезда РСДРП аграрных программ большевистской партии или материалов, непосредственно вытекающих из них. Во-первых, потому, что демократические газеты и журналы неизменно душились самодержавными властями в кратчайшие сроки, во-вторых, материалы революционного характера погибали под ножницами цензоров,

не доходя до читателя. Поиски цензорских гранок пока не увенчались успехом. Их обнаружение могло бы пролить свет на чрезвычайно важный и интересный аспект деятельности демократической печати.

Выше мы отметили, что демократическая печать в отношении постановки и решения аграрно-крестьянского вопроса развивалась по восходящей линии, кульминацией которой является социал-демократический подход к проблеме. Подобный вывод учитывает и то обстоятельство, что деятельность прогрессивной прессы подготовила благодатную почву для создания пролетарской печати на татарском языке. Демократическая печать была непосредственной предшественницей социал-демократической газеты "Урал", создание которой вряд ли было возможно без учета ее опыта и достижений. Ценный опыт публикации материалов социал-демократического характера на страницах демократической прессы являлся важным звеном в идейной подготовке "Урала", на страницах которого пропаганда социал-демократической аграрной программы поднимается на новую ступень.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Алишев С.Х., Даишев С.И., Смыков Ю.И. Крестьяне Татарии в дооктябрьский период: некоторые итоги и задачи изучения	3
Ермолаев И.П., Липаков Е.В. Крестьяне дворцовых сел Казанского уезда в конце XVI-первой четверти XVII века (по материалам дозорных и переписных книг).	8
Иванов Ю.Н. Феодалные повинности крестьянства в вотчине Казанского архиерейского дома во второй половине XVI-первой четверти XVII века	26
Мустафина Д.А. Социальное положение крестьян Казанского уезда во второй половине XVII века.	34
Алишев С.Х. Социальная эволюция служилых татар во второй половине XVI-XVIII веков	52
Гилязов И.А. Землевладение и землепользование татарских крестьян Среднего Поволжья во второй половине XVIII века	69
Смыков Ю.И., Гончаренко Л.Н. Крестьянство и административный аппарат Казанской губернии в последней четверти XIX века.	86
Гончаренко Л.Н. Крестьянское сословное управление в Казанской губернии в пореформенный период (60-90-е годы XIX века)	101
Климова А.С. Сельскохозяйственные и промышленные выставки в Казанской губернии во второй половине XIX века	129
Амирханов Р.У. Аграрно-крестьянский вопрос на страницах татарской демократической прессы в 1905-1907 гг.	138

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ
КРЕСТЬЯНСТВА ТАТАРИИ
ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА

Редактор Ф.А.Садикова
Технический редактор Л.Н.Дубкова

Подписано к печати 20.IV.84г. Пф I2I20. Объем 9,68 п.л.
Формат 60x84 I/I6. Offset. Тираж 500. Заказ № 6-443
Цена 70 коп. Темплан 1984 г.

Полиграфический комбинат им. К.Якуба Государственного
комитета ТАССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли, Казань, ул.Баумана, 19

70 коп.